

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022. Том 8. № 3 (31)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Заместители главного редактора:

Е. В. Андрианова, к. с. н., доц.; *Л. В. Зайцева*, д. ю. н., доц.;

К. А. Баннова, к. э. н.

Контактная информация:

Издатель:
ТюмГУ-Press

Адрес издателя и редакции:
625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, 6
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

*Печатная версия журнала
распространяется по подписке:*
Каталог Российской прессы
(индекс ПА249)

Журнал выходит 4 раза в год

*Публикация статей для авторов
бесплатна. Прием статей:*
vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:
<http://vestnik.utmn.ru>

*Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:*
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

*Учредитель: ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»,
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6*

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2022
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Симонова Людмила Михайловна доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса ТюмГУ
- Андрианова Елена Владимировна кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии ТюмГУ, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
- Давыденко Владимир Александрович доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, начальник Научно-исследовательского центра ТюмГУ
- Акулич Мария Михайловна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Акихиро Ишикава профессор университета Чуо (Токио, Япония)
- Казьмерчик Ежи кандидат экономических наук, PhD, Государственный экономический университет в Познани (Познань, Польша)
- Костко Наталья Анатольевна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Ромашкина Гульнара Фатыховна доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике ТюмГУ
- Собкин Владимир Самуилович доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО
- Джунсо Сонг доктор наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея)
- Зайцева Лариса Владимировна доктор юридических наук, заведующая кафедрой трудового права и предпринимательства ТюмГУ
- Клеандров Михаил Иванович доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда Российской Федерации
- Комиссарова Елена Генриховна доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ТюмГУ
- Смахтин Евгений Владимирович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ТюмГУ
- Чеботарев Геннадий Николаевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ТюмГУ
- Ярвелейд Пеэтер доктор юриспруденции, профессор Таллиннского университета (Таллин, Эстония)
- Захарова Кристина Алексеевна кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и финансов, ТюмГУ
- Гамукин Валерий Владимирович кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ТюмГУ
- Драшкович Веселин Душанович доктор экономических наук, профессор Университета Черногории (Котор, Черногория)
- Крайсинг Фолькмар доктор экономики, профессор, консультант Кенийского университета Таита Тавета
- Руденко Дмитрий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Финансово-экономического института ТюмГУ
- Шилова Любовь Федоровна доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита ТюмГУ
- Авдеев Дмитрий Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ТюмГУ, ответственный секретарь
- Матейкович Максим Станиславович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой базовой кафедры правосудия ТюмГУ, судья Второго кассационного суда общей юрисдикции (Москва)
- Сумачев Алексей Витальевич доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ТюмГУ

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

SOCIAL, ECONOMIC, AND LAW RESEARCH

2022. Vol. 8. No. 3 (31)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72158 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60412 on 29 December 2014) by RF Press Committee

---

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

---

EDITOR-IN-CHIEF:

L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.; *L. V. Zaytseva*, Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof.;

K. A. Bannova, Cand. Sci. (Econ.)

EDITORIAL BOARD

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.
V. A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
A. Ishikava, Prof. (Japan)
J. Kaźmierczyk, Cand. Sci. (Econ.), PhD (Poland)
N. A. Kostko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
G. F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
V. S. Sobkin, Dr. Sci. (Psychol.), Prof.,
academician (RAE)
J. Song, PhD in History, Prof.
M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Jur.), corr. member (RAS)
E. G. Komissarova, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
Ye. V. Smakhtin, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
G. N. Chebotaryov, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
P. Järvelaid, Dr. of Jurisprudence, Prof.
V. V. Gamukin, Cand. Sci. (Econ.), Prof.
V. D. Drašković, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
V. Kreising, Dr. of Economy, Prof.
D. Yu. Rudenko, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.
L. F. Shilova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
D. A. Avdeev, Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. —
executive secretary

Contact information:

Publisher:
UTMN-Press

Publisher and editorial address:
6 Volodarskogo St.,
Tyumen, 625003, Russia
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Subscription to the printed edition of the journal:
No. IIA249 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges.

For article submission or any requests contact:
vestnik-social-r@utmn.ru
<http://vestnik.utmn.ru>

E-version of the journal can be accessed at:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Founded by the University of Tyumen:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

© Tyumen State University Herald.
Social, Economic, and Law Research, 2022
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:

СОЦИОЛОГИЯ

Кадничанская М. И., Галкина Е. П.
Трансформация социального поведения населения России в условиях пандемии COVID-19: анализ регионального опыта 6

Кичерова М. Н., Лозовая В. С.
Формирование трудовых практик людей с инвалидностью 21

Хузяхметов Р. Р.
Некогнитивные характеристики человеческого капитала и жизненные результаты 43

ПРАВО

Носова Н. П., Савельев Д. Л., Алиева О. В.
Конституционная модернизация института местного самоуправления в Российской Федерации (историко-правовой аспект) 58

Абсалямова В. Г.
Гражданско-правовой режим генетической информации в контексте биоэтики 76

Большаков Л. М.
Современные тенденции развития правового регулирования пределов свободы слова 90

Рудман М. Н., Туриянов А. Р.
Проблемы развития системы конституционного контроля в субъектах Российской Федерации после конституционной реформы 2020 года ..109

ЭКОНОМИКА

Тутарова Н. В., Трофимова Е. А., Бакунова Т. В.
Анализ конкуренции на рынке услуг операторов сотовой связи Российской Федерации 124

Еремеева В. Н., Синенко О. А.
Налоговая конкуренция в свободных портах азиатско-тихоокеанского региона 140

Викторова Н. Г., Ван Д., Осыка П. В.
Оценка дебиторской задолженности как фактора риска внешнеторговой деятельности китайских предприятий химической промышленности 158

Бубнов В. А., Аксеньюшкина Е. В., Мамонова Н. В.
Экономическая привлекательность регионов как условие приоритетного финансирования 173

Федотов Д. Ю.
Виды коррупции и оценка ее влияния на социально-экономические процессы в обществе 188

Захарова К. А., Актаев Н. Е., Иванова Н. В.
Взаимосвязь и взаимозависимость качества жизни населения и общего уровня экономического благосостояния государства 211

Вылкова Е. С., Покровская Н. В.
Зависимость уровня налогового бремени предприятий от вида экономической деятельности и масштаба (на примере г. Санкт-Петербурга) 229

CONTENTS

SOCIOLOGY

Kadnichanskaya M. I., Galkina E. P.
**Transformation of social behavior
of the Russian population in the context
of the COVID-19 pandemic: analysis
of regional experience** 6

Kicherova M. N., Lozovaya V. S.
**Establishing work practices of people
with disabilities** 21

Khuziakhmetov R. R.
**Non-cognitive characteristics of human
capital and life outcomes** 43

LAW

Nosova N. P., Savelev D. L.,
Alieva O. V.
**Constitutional modernization
of the institution of local self-government
in the Russian Federation** 58

Absalyamova V. G.
**The civil law regime of genetic
information in the context of bioethics.**76

Bolshakov L. M.
**Современные тенденции развития
правового регулирования пределов
свободы слова** 90

Рудман М. Н., Туриянов А. Р.
**Modern trends in the development
of legal regulation of the limits
of freedom of speech** 109

ECONOMICS

Tutarova N. V., Trofimova E. A.,
Bakunova T. V.
**Analysis of competition
in the market for cellular services
in the Russian Federation** 124

Yeremeeva V. N., Sinenko O. A.
**Tax competition in the free ports
of the Asia-Pacific region** 140

Victorova N. G., Van D., Osyka P. V.
**Assessment of receivables as a risk factor
for foreign trade activities of Chinese
chemical enterprises** 158

Bubnov V. A., Aksenushkina E. V.,
Mamonova N. V.
**Economic attractiveness of regions
as a condition for priority financing** ...173

Fedotov D. Yu.
**Types of corruption and assessment
of their impact on socio-economic
processes in society** 188

Zakharova K. A., Aktaev N. E.,
Ivanova N. V.
**Interrelationship and interdependence
of the life population quality
and the general level of the State
economic well-being** 211

Vylkova E. S., Pokrovskaya N. V.
**Dependence of tax burden on the type
of economic activity and scale
(case of St. Petersburg)** 229

СОЦИОПОГИЯ

Марина Ивановна КАДНИЧАНСКАЯ¹

Елена Петровна ГАЛКИНА²

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

¹ кандидат социологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Ульяновский государственный университет
m-i-kad@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7328-0360

² кандидат социологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Ульяновский государственный университет
pyh2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6283-6653

Аннотация

В статье рассматриваются изменения, происходящие в России в системе социальных связей в различных областях деятельности, вызванные рядом ограничений в связи с пандемией, связанной с распространением COVID-19 и модели социального поведения населения в контексте этих трансформаций.

Целью статьи является выявление и описание типовых поведенческих моделей, вырабатываемых населением в условиях пандемии в России. Показано, что в подобных условиях подверглась трансформации устойчивая система социальных связей между отдельными индивидами, их общностями, организациями и целыми государствами, что способствовало стимулированию процесса цифровизации различных сфер жизни российского общества.

Цитирование: Кадничанская М. И. Трансформация социального поведения населения России в условиях пандемии COVID-19: анализ регионального опыта / М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 6-20. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-6-20

Выявлено, что в условиях пандемии увеличилось количество проявлений девиантного поведения граждан, возрос уровень их тревожности. Последствия перенесенной болезни заставляют россиян изменять свои сценарии поведения, как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности. В процессе адаптации в изменившихся условиях, население вырабатывает новые адаптационные модели поведения — от неприятия факта пандемии коронавируса до следования рекомендациям врачей до мелочей.

В статье представлены результаты социологического исследования «Отношение жителей города Ульяновска к вакцинации от COVID-19», проведенного в декабре 2021 г., осуществленного при финансовой поддержке Ульяновского общественного фонда «Региональная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги» (РАПИР), частью которого было изучение моделей социального поведения населения города в условиях пандемии. На основе репрезентативных данных авторского социологического исследования, осуществленного методом фокус-групп, выделяются модели поведения населения и раскрываются причины отказа от вакцинации против COVID-19.

Ключевые слова

Трансформация, пандемия, коронавирус, социальное поведение, модель социального поведения, проблемы, вакцинация, адаптация, изменения.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-6-20

Введение

Ситуация, сложившаяся в мире в период пандемии коронавируса, вызывает большой интерес у специалистов в различных областях научной деятельности. Ученые-социологи в настоящее время проводят исследования с целью прогнозирования различных социальных процессов. Тема пандемии приобретает особую актуальность в настоящее время, т. к. изменения затронули значительные области социальной реальности. Меры, принятые в связи с распространением опасного вируса, повлияли на привычное существование миллионов людей на всех континентах планеты.

Трансформации подверглась устойчивая система социальных связей между отдельными индивидами, их общностями, организациями и целыми государствами. Жесткие условия новой реальности оказали влияние на различные уровни социальных систем. Изменениям подверглись как глобальные геополитические стратегии развития государств и транснациональных объединений, так и повседневные поведенческие практики индивидов.

На данный момент не известно, какой в точности период времени будет охвачен наиболее существенной формой ограничений, насколько существенными будут экономические и демографические потери. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что мир не вернется к своему прежнему состоянию.

Обзор литературы

В научном дискурсе под социальным поведением и его отдельными чертами подразумеваются различные социальные реалии [14].

Основоположник «понимающей социологии» М. Вебер считал, что

«понять поведение — значит установить каузальную связь между смыслом, целью и средствами... Смысл поведения (или социального действия) является собой нечто внутреннее, и понимание смысла является наиболее сложной задачей...» [2].

Отечественные ученые А. В. Лубский, Н. А. Вялых, А. А. Зайцева считают, что социальное поведение — это «присущая человеку форма взаимодействия с окружающей социальной средой, опосредованного как ее внешней структурой и организацией, так и феноменами сознания самого человека» [9].

Модель социального поведения — это своего рода образец, который представляет собой определенную совокупность человеческих поведенческих процессов, связанных с удовлетворением различных потребностей. Люди, попадая в схожую социальную ситуацию, по-разному реагируют на нее. В различных моделях социального поведения обнаруживаются разные репертуары социальных действий.

Ученые выделяют два альтернативных подхода к объяснению социального поведения: личностный и ситуационный [13]. С точки зрения личностного подхода социальное поведение определяется индивидуальными чертами характера человека. С позиции ситуационного — социальное поведение обусловлено конкретной социальной ситуацией, в которой оказался человек, и на его поведение влияет его собственная интерпретация этой ситуации.

Социальное поведение осуществляется на основе внутренних и внешних регуляторов. В связи с этим доминируют два подхода — диспозиционный и культурный. В первом акцент делается на изучении внутренних регуляторов социального поведения — установок, аттитюдов, ценностных ориентаций личности [15]. В рамках второго подхода внимание уделяется изучению внешних регуляторов социального поведения (культурных традиций и норм социального поведения). Именно они составляют субъективную культуру индивида и влияют на способы и результаты интерпретации социальной ситуации и выбор модели социального поведения [9].

Методы

В работе использованы как общенаучные методы познания (метод системного анализа, индукции и дедукции, метод синтеза, сравнительный метод), так и специальные исследовательские методы (статистический анализ показателей по России и регионам, метод социологического опроса в форме фокусированных интервью в группах).

С целью изучения круга вопросов, связанных с трансформацией социального поведения населения России в условиях пандемии COVID-19, при финансовой поддержке Ульяновского общественного фонда «Региональная аналитика. Профессиональные исследования. Рейтинги» (РАПИР) в декабре 2021 г. было проведено авторское социологическое исследование на тему «Отношение жи-

телей города Ульяновска к вакцинации от COVID-19», частью которого было выявление и описание типовых поведенческих моделей, вырабатываемых населением города в условиях пандемии.

В ходе сбора первичной социологической информации использовался метод социологического опроса в форме фокусированных интервью в группах. Эмпирическим объектом исследования выбраны жители г. Ульяновска в возрасте 18-75 лет, обладающие социально-значимыми характеристиками и не прошедшие вакцинацию. Было проведено четыре фокусированных интервью в группах, с охватом 40 человек. Исследование позволило выделить модели поведения населения и раскрыть причины отказа жителей Ульяновска от вакцинации против COVID-19.

Результаты и обсуждения

Сегодня многие люди на своем личном опыте убеждаются в необходимости изменения моделей поведения. Из-за вводимых ограничений становятся затруднительными социальные взаимодействия в прежней их форме. Seriously преобразуется система коммуникации между людьми, расширяется применение электронных устройств для связи на расстоянии. Высшее российское руководство страны несколько лет назад объявило курс на «цифровизацию» различных сфер жизни страны. Важность информационных технологий в жизни современного общества осознали даже скептики. В условиях пандемии резко возросло число услуг, оказываемых дистанционно.

Большие изменения затронули систему образования в стране. Переход к дистанционному обучению школьников и студентов создал определенные трудности для учителей и преподавателей, которые вынуждены перерабатывать планы подготовки обучаемых, менять формы подачи материала, использовать непривычные механизмы коммуникации с учениками, студентами. Поскольку возможность личного контакта с аудиторией оказалась утраченной, снижается продуктивность обучения. Преподавателю становится затруднительно контролировать работу студентов, отвечать на их вопросы. Ускоряется переход к широкому применению ресурсов современных инфокоммуникационных технологий. Несмотря на их стремительное развитие, виртуальное общение по-прежнему не способно в полной мере возместить непосредственное взаимодействие между людьми [10].

Даже при наличии видеосвязи, через которую поддерживается визуальный контакт с собеседником, часть передаваемой информации будет утрачиваться в ходе коммуникативного акта, не доходя до противоположной стороны. В большинстве случаев в зоне видимости находится только лицо человека, реже его руки. Труднее оценить положение тела в пространстве, окружающую обстановку для полноценного понимания контекста разговора. Невозможно осуществление тактильного взаимодействия с собеседником, что сильнее всего влияет на коммуникацию между людьми, связанными романтическими отношениями. В связи с этим нужно отметить, что ситуация с обострением эпидемиологической

обстановки негативно сказалась на возможности межличностных контактов не только в деловой сфере, но и тех, которые были нацелены на совместное проведение досуга. Тем не менее, в случае наличия сильной эмоциональной связи между партнерами вынужденная разлука не воспрепятствует дальнейшему успешному сохранению близких отношений. Совместное преодоление трудностей может послужить фактором, объединяющим пару [8].

Труднее процесс адаптации к необходимости широкого применения на практике технических средств дистанционной коммуникации проходит у представителей старшего поколения. В новой реальности они оказались в затруднительном положении. Уволенным работникам пенсионного и предпенсионного возраста сложнее найти новую работу. Многие люди из этой категории получили образование еще в СССР, и их практических навыков в использовании современных технологий недостаточно. Производительность труда таких сотрудников уменьшается, т. к. возрастают затраты времени на выполнение трудовых операций. В выгодном положении оказались работники, обладающие высокой способностью адаптации к новым условиям. Работодатели в трудной финансовой ситуации вынуждены идти на сокращение персонала, в первую очередь они стараются избавиться от неэффективных работников, от лиц с низкой квалификацией. Наоборот, профессионалы в своем деле остаются востребованы за счет своих знаний и опыта и даже в случае потери работы быстро могут найти новую [3].

В нынешней ситуации представители молодого поколения имеют возможность получения преимущества на рынке труда за счет умения использовать современные технологии на практике, готовности к введению инноваций. Но для них также возникают и серьезные риски, связанные с уменьшением количества вакансий. До начала кризиса, связанного с пандемией, они уже испытывали проблемы с трудоустройством, а в нынешней ситуации их положение еще сильнее усугубится. Согласно данным Росстата, уровень безработицы в 2020 г. составил 5,8% (в 2019 г. — 4,7%) [11]. В 2020 г. было официально зарегистрировано 2,5 млн безработных, что в 3,6 раза выше, чем годом ранее. Это связано, в т. ч., с упрощением процедуры получения статуса безработного.

Но после ослабления ограничений этот показатель стал снижаться. Молодежь до 25 лет составила 18,9% от безработных [6]. На январь 2022 г. уровень безработицы равнялся 4,4% [12]. Тем не менее уже сейчас можно прогнозировать, что многие граждане будут вынуждены переквалифицироваться, находить себе новый профиль работы. Россия сегодня находится на новом этапе развития гибкости занятости. Переход работников от стандартной к нестандартной модели занятости достаточно кардинально меняет современный российский рынок труда. Нестандартная модель занятости становится вынужденной в силу различных причин (в т. ч. связанных с распространением COVID-19).

Дальнейшее развитие цифровых технологий и виртуализация социальной жизни приводит к некоторому сокращению стандартной модели занятости. Такие формы занятости, как работа по краткосрочным контрактам, частичная

занятость, удаленный труд, свободная занятость (фриланс), аутсорсинг, аутстаффинг и т. д. становятся всё более востребованными. Полагаем, что в будущем столкнемся с разнообразием форм трудовых отношений, но доля стандартных форм занятости по-прежнему будет велика. Государству для этого необходимо решать проблемы защиты трудовых и социальных прав работников в нестандартной занятости.

Активные люди, которые в предыдущие годы стремились к разностороннему саморазвитию, приобретению дополнительных профессиональных навыков, получают существенное преимущество. Вложенный в развитие своего культурного капитала труд мог в прежние годы считаться бесполезной тратой времени, однако в кризисный период приобретенные компетенции способны ускорить процесс трудоустройства и трансформироваться в существенную экономическую прибыль [1, 4].

Нельзя не отметить тенденцию к возрастанию престижности профессии врача. Люди, занятые в сфере медицины, получают от государства дополнительную прибавку к заработной плате, пользуются повышенным вниманием, их труд по достоинству оценивается обществом. Статус данной профессии займет более высокую позицию в социальной стратификации. Во время острой фазы кризиса возросла потребность и в младшем медицинском персонале (динамика вакансий в сфере медицины в январе 2021 г. составила 790%) [5]. На рынке труда также востребованы курьеры, доставляющие посылки на дом заказчику.

Растут масштабы приобретения товаров и услуг через специализированные Интернет-ресурсы и приложения мобильных устройств. Знания в области современных технологий позволяют сберечь не только время, затрачиваемое на передвижение по городскому пространству до места приобретения товара. Сейчас подобные перемещения могут быть связаны с серьезной угрозой для здоровья. Причиной этого является не только опасность заражения, но и стремительный рост преступности. Особенно эта проблема значима в неблагополучных районах с большой концентрацией мигрантов и представителей молодежных криминальных группировок.

Одной из опасных тенденций является общий рост числа проявлений девиантного поведения граждан. В условиях невозможности осуществления привычных поведенческих практик, ослабления социальных связей со значимыми людьми, неопределенности планов на будущее сильнее проявляется негативное мироощущение личности. Тревожная информация, поступающая извне, способствует обострению у людей различных фобий, порождает депрессивные состояния, навязчивые мысли. Некоторые индивиды частично нейтрализуют отрицательное внешнее воздействие своей активной включенностью в выполнение приятной и полезной деятельности, которая может быть связана с работой, учебой, личными интересами и увлечениями. Активность человека иногда проявляется в разработке планов создания будущих инновационных проектов по работе. Поэтому в случае улучшения эпидемиологической обстановки возможно наступление фазы активной реализации новых перспективных идей. Свои

усилия в кризисный период человек может направить на благоустройство своего места жительства, творческую деятельность. Поэтому, в частности, можно ожидать возрастания спроса на товары, связанные с ремонтом помещений [7].

Ряд специалистов считают, что изменения затронули ценностную систему общества. Повысилась важность и актуальность проявления таких ценностей как альтруизм, готовность помочь ближнему. Новый импульс получили волонтерские движения. В случае систематического проведения информирующих мероприятий с населением возможен рост уровня знаний граждан о базовых мерах профилактики инфекционных заболеваний. На протяжении некоторого времени даже после конца пандемии будет отмечаться повышенное внимание людей к собственному здоровью.

В российском обществе социологами фиксируется недооценка степени реальной опасности коронавируса. Одной из причин этого называется распространение в информационном поле разнообразных более или менее убедительных свидетельств манипуляции официальной статистикой. Недостаточно развиты социальные институты, отвечающие за проведение разъяснительной работы среди различных категорий граждан. Индивид корректирует свое поведение, соотнося его с запросами своего социального окружения. Фактором, подталкивающим гражданина к нарушению ограничительных мер в период пандемии, является отсутствие заболевших среди узкого круга его знакомых либо незначительное количество таких больных, либо легко перенесших это заболевание. Люди не осознают степени грозящей опасности и стараются не менять привычный стиль жизни. Социальное окружение существенно влияет на готовность и желание человека соблюдать принятые в данной группе нормы. Если большинство лиц, с которыми индивид контактирует, пользуются средствами индивидуальной защиты, повышается вероятность того, что и он также будет надевать маску и перчатки. Для людей очень важно одобрение со стороны окружающих. Чтобы его получить, человек корректирует свое повседневное поведение, иногда даже в ущерб личным желаниям и интересам.

Опираясь на ситуационный подход к объяснению социального поведения населения [13], которое обусловлено условиями протекания пандемии в обществе и стратегий их адаптационного поведения, а также на диспозиционный и культурный подходы социального поведения личности [15] можно выделить несколько типовых поведенческих моделей. Первую из них представляют граждане, которые в полном объеме соблюдают предписания органов государственной власти и специалистов-медиков. Они последовательно выполняют все требования, внимательно соотносят свое поведение с нововведенными законодательными нормами, причем это происходит даже если ущемляются их личные интересы. Этим людям приходится затрачивать лишнее время, физические силы, материальные ресурсы. Ответственные граждане не копируют поведенческие практики людей из своего социального окружения, которые пренебрегают элементарными мерами предосторожности, а стараются ограничить количество контактов с ними. Безотносительно своих личных суждений об опасности ново-

го заболевания они соблюдают установленные нормы, чтобы не поставить под угрозу безопасность окружающих, собственное физическое здоровье, психологическое спокойствие и материальное благосостояние.

Вместе с тем существует и другая категория граждан, которая лишь отчасти соблюдает указания властей. Они в первую очередь следуют нормам в общественных местах, где присутствуют сотрудники правоохранительных органов, либо другие лица, которые могут открыто указать им на недопустимость беспечного поведения. Поскольку в российском обществе низок уровень доверия к правоохранительным органам и к информации из официальных источников, люди руководствуются собственными личными интересами в плане проведения свободного времени. Из-за обилия случаев нарушения установленных норм государственными служащими еще сильнее снижается стремление людей неукоснительно соблюдать жесткие ограничения.

Нельзя исключать экономический фактор. Граждане вынуждены даже при угрозе заражения выходить из дома, чтобы добраться до места работы и контактировать с людьми. Ценность финансового благополучия у них находится в приоритете даже по отношению к здоровью. В отдельную группу можно выделить граждан, у которых нет семьи и близких друзей. Такие люди, представляя себя в роли заболевшего, не испытывают сильных эмоциональных переживаний, т. к. не испытывают чувства собственной значимости, важности для окружающих, считают, что другие не заметят их уход из жизни. Поэтому они также склонны к безответственному отношению к своему здоровью, могут совершать иррациональные поступки. К сожалению, в России недостаточно развита система психологической помощи этой категории граждан, которая позволила бы им заново социализироваться в обществе, найти мотивацию для дальнейшей деятельности.

В любом государстве существуют индивиды, которые либо по причине психических отклонений, либо из-за наличия внутренних протестных поведенческих установок стараются противостоять общепринятым нормам. В период самоизоляции такие граждане демонстративно выходили на улицы без защитных средств. Некоторые пытаются убедить своих родственников и друзей в отсутствии какой-либо опасности и необходимости менять поведенческие практики. Наибольшую опасность несут публичные личности, распространяющие подобные деструктивные сообщения в информационном поле. К сожалению, законодательство не способно эффективно ограничивать деятельность подобных элементов.

Низкий уровень доверия к власти у населения провоцируется ею несоблюдением установленных правовых норм. Информационное поле, создаваемое официальными источниками власти, не совпадает с окружающей картиной действительности граждан.

Проведенное авторское социологическое исследование «Отношение жителей города Ульяновска к вакцинации от COVID-19» в декабре 2021 г. методом фокус-групп (эмпирический объект исследования — жители города Ульяновска в воз-

расте 18-75 лет, обладающие социально-значимыми характеристиками и не прошедшие вакцинацию; проведено четыре фокусированных интервью в группах, с охватом 40 человек) позволило выявить эти противоречия.

Респонденты отмечали, что в целом относятся положительно к процессу вакцинации. Это, прежде всего, касается вакцинации детей и вакцин, которые проверены и давно применяются в нашей стране. Участниками фокус-групп была отмечена непоследовательность и противоречивость информации, исходящей от государственных органов. Особенно было выделено, что президент РФ говорил о недопустимости принуждения население к вакцинации, а на местах вводились жесткие меры для наращивания темпов вакцинации. Также было подчеркнуто отсутствие достаточной официальной информации о пандемии, за исключением количества заболевших и умерших. И даже эти цифры вызывали определенного рода недоверие. Многие выводы о протекании пандемии и проходящем процессе вакцинации делались респондентами на основе косвенных данных, что не вело к росту доверия к власти.

Результаты проведенных фокус-групп подтверждают эти выводы:

«Если бы властью была озвучена твердая позиция, думаю, большинство людей сделали прививку. И, наверное, всё-таки мы живем в России, и как бы это странно не звучало, нас надо уговаривать в какой-то степени...» (Наталья, 38 лет).

«Какое количество привитых людей заболело не известно. Ходят слухи, а информации нет. Нет официальной статистики» (Ирина, 42 года).

«Например, на заводах всех принудили под страхом увольнения сделать прививку. И хотя нам говорят по телевизору, что нас не имеют право принуждать и что у нас есть право выбора, но по сути нас его лишают. А т. к. мы русские и очень упрямые, и когда нас начинают принуждать, то мы категорически не будем этого делать» (Александр, 32 года).

Согласно официальной версии — вакцинированные не болеют, а если болеют, то легко переносят заболевание. Однако многие респонденты в реальной жизни столкнулись с обратными фактами, вплоть до летальных случаев.

«У меня есть конкретные примеры, когда люди привились и через 2-3 месяца заболели ковидом. Поэтому я, честно говоря, очень сильно сомневаюсь в эффективности вакцины. Соответственно колоть себе неизвестно что я не собираюсь» (Дмитрий, 36 лет).

«Те, кто не вакцинировался — переболели, те кто вакцинировался — тоже переболели. Ничего не поменялось...» (Ольга, 42 года).

«...у меня есть информация, подруга близкая работает в лечебном учреждении в красной зоне, что врачи, которые сделали прививки, все заболели. Причем некоторые из них очень тяжело. А некоторые уже и повторно» (Ирина, 52 года).

«У меня знакомая говорит, я не буду этого делать, мой племянник сидел в очереди на вакцинацию в павильоне. Раньше была особенность, если делают массовую вакцинацию, должно быть обязательно реанимационное отделение недалеко. Этого нет сейчас в торговом центре. Он увидел, как парня вынесли вперед ногами... И когда он это увидел, подумал, наверное, еще посмотрю. Один словом, шок» (Михаил, 36 лет).

Респонденты отмечали, что вакцинация — это в т. ч. коммерческий проект.

«Я считаю, что вирус создан искусственно для обогащения» (Олег, 48 лет).

«Это коммерческая выгода, контроль за человеком, мы не знаем, что входит в эту вакцину, что нам вводят. И еще принуждение... Это настораживает» (Мария, 35 лет).

«Вакцина — это коммерческая составляющая. Ведь это госконтракты и прочее... Все крупные фармконцерны в России принадлежат женам чиновников» (Александр, 32 года).

Таким образом, у респондентов складывается в целом положительное отношение к вакцинации. Основные причины отказа от вакцинации от COVID-19 можно разделить на три группы: информационные, медицинские, политические. К информационным причинам относятся: отсутствие правдивой официальной статистики по основным показателям пандемии и вакцинации; противоречивость мнений медиков по теме вакцинации и отсутствие в информационном поле мнений вирусологов; противоречивость высказываний политиков и чиновников от федеральных до региональных и местных уровней власти.

Медицинские причины включают: отсутствие данных, отражающих все этапы исследования вакцины, в т. ч. в информационном поле; не выполнение вакциной главной функции — предотвращение болезни (вакцинированные болеют с негативными последствиями, умирают и т. д.); вакцинация во время эпидемии, что увеличивает количество заболевших; переболевшие выработали естественный иммунитет.

К политическим причинам относят: низкий уровень доверия к органам власти; использование насильственных методов проведения вакцинации в регионах; отработка механизмов принуждения, ограничения и слежения за гражданами; коммерческий характер вакцинации.

Большое число граждан не соблюдают режим самоизоляции по следующим основным причинам. Штрафы за нарушение режима самоизоляции на данный момент достаточно невысоки, сотрудников контролирующей структуры, способных их выписать, очень мало на улицах городов. Законодательство недостаточно проработано, а некоторые нововведения являются абсурдными. Можно сделать вывод, что лишь угроза получения серьезных финансовых затрат способна уменьшить количество фактов нарушений режима самоизоляции, повысить безопасность страны в условиях пандемии и распространения COVID-19.

Заключение

В начале 2020 г. Российская Федерация, как и большинство стран мира, столкнулась с пандемией коронавируса COVID-19, коренным образом изменившей привычный образ жизни большинства людей. Масштаб последствий для каждой территории оказался неодинаков, что обусловлено различиями в жесткости и продолжительности ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением эпидемии, в эффективности систем здравоохранения, практиках самосохранительного поведения населения, уровне социально-экономической устойчивости общественных систем. Вместе с тем пандемия наглядно продемонстрировала высокую адаптивность современного общества к глобальным вызовам.

В целом изменения, связанные с новой коронавирусной инфекцией, затронули все социальные процессы, протекающие в стране и регионе. С одной стороны, пандемия COVID-19 простимулировала часть социальных процессов в обществе, которые уже были технически возможны, но не носили массовый характер. С другой стороны, в условиях разного рода ограничений, связанных с пандемией и отсутствия у населения опыта существования в новой социальной реальности, россияне были вынуждены пересматривать свои устоявшиеся социальные модели поведения как короткие поведенческие сценарии или образцы социальных действий и вырабатывать модели адаптационного поведения в изменившейся ситуации от полного принятия очевидных рисков до их отрицания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Д. С. Анализ ситуации на рынке труда России и Ульяновской области в период пандемии коронавируса / Д. С. Афанасьев, М. И. Кадничанская // Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных трудов «Молодежь на рынке труда: новые правила поведения и коммуникаций» / отв. ред. О. В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ. 2020. С. 15-18.
2. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990. С. 603-627.
3. Галкина Е. П. Онлайн-образование: доступность и риски в цифровом обществе / Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская // Сборник научных трудов. Всероссийская научно-практическая конференция «Социальное неравенство и социальная справедливость в российском обществе: содержательный и коммуникативный аспекты». Ульяновск: Издательство: Ульяновский государственный технический университет. 2021. С. 255-261.
4. Галкина Е. П. Проблемы безработицы молодежи (выпускников учебных заведений) в Ульяновской области / Е. П. Галкина, М. И. Кадничанская // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 85-99.
5. Интерактивная карта России. URL: <https://stats.hh.ru/map> (дата обращения 20.02.2022).

6. Исследование выявило рост уровня безработицы в России // РИА Новости. 15.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210315/bezrobotitsa-1601183794.html> (дата обращения 10.02.2022).
7. Кадничанская М. И. Регион в период пандемии: состояние и проблемы (на примере Ульяновской области) / М. И. Кадничанская, Е. П. Галкина // Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 2021. С. 109-114.
8. Каргаполова Е. В. Online vs offline: парадоксы коммуникаций в период социальных ограничений / Е. В. Каргаполова, У. И. Каппушев // Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 2021. С. 121-126.
9. Лубский А. В. Модели социального поведения молодежи в России / А. В. Лубский, Н. А. Вялых, А. А. Зайцева // Социально-гуманитарные знания. 2017. №7. С. 106-117.
10. Ромашкина Г. Ф. Ускоренная цифровизация системы образования в пандемию COVID-19 в России: плюсы и минусы / Г. Ф. Ромашкина // Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 2021. С.30-36.
11. Уровень безработицы в России 2021-2022. URL: <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/russia/> (дата обращения 20.02.2022).
12. Федеральная служба государственной статистики. Уровень безработицы населения в возрасте 15-72 лет по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 20.02.2022).
13. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения / Х. Хекхаузен // Психология социальных ситуаций. СПб.: Питер. 2001.
14. Чешев В. В. Модели поведения «понимающей социологии» М. Вебера в свете категорий «поведение» и «деятельность» / В. В. Чешев // Вестник ТГПУ. 2008. Вып. 1 (75). С. 78-89.
15. Ядов В. А. О социологической составляющей диспозиций / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд. М.: ЦСПиМ, 2013. С. 357-359.

Marina I. KADNICHANSKAYA¹

Elena P. GALKINA²

UDC 316

**TRANSFORMATION OF SOCIAL BEHAVIOR OF THE RUSSIAN
POPULATION IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC:
ANALYSIS OF REGIONAL EXPERIENCE**

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Ulyanovsk State University
m-i-kad@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7328-0360

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Ulyanovsk State University
pyh2000@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6283-6653

Abstract

This article examines the changes in the Russian system of social relations in various fields of activity caused by a number of COVID-19 restrictions and the patterns of social behavior in the context of these transformations.

The research aims to identify and describe typical behavioral models developed by the population in the conditions of a pandemic in Russia. The authors show that in such conditions, a stable system of social ties between individuals, their communities, organizations, and entire states underwent transformation, which has contributed to stimulating the process of digitalization of various spheres of life of Russian society.

The results have revealed that in the conditions of the pandemic, the number of manifestations of deviant behavior of citizens has increased, as well as the level of their anxiety. The consequences of the disease force Russians to change their behavior scenarios, both in their personal life and in their professional activities. While adapting to the new conditions,

---

Citation: Kadnichanskaya M. I., Galkina E. P. 2022. "Transformation of social behavior of the Russian population in the context of the COVID-19 pandemic: analysis of regional experience". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 6-20. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-6-20

---

the population develops new adaptive behaviors — from rejecting the coronavirus pandemic to following the doctors' recommendations to the smallest detail.

This article presents the results of a sociological study “The attitude of residents of the city of Ulyanovsk to vaccination against COVID-19”, conducted in December 2021, carried out with the financial support of the Ulyanovsk Public Foundation “Regional Analytics. Professional Research. Ratings” (RAPRR), a part of which was the study of models of social behavior of the city's population during a pandemic. Based on the representative data of the authors' sociological research and using the method of focus groups, the patterns of behavior of the population are highlighted and the reasons for refusing vaccination against COVID-19 are evident.

Keywords

Transformation, pandemic, coronavirus, social behavior, model of social behavior, problems, vaccination, adaptation, changes.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-6-20

REFERENCES

1. Afanasyev D. S., Kadnichanskaya M. I. 2020. “Analysis of the situation on the labor market of Russia and the Ulyanovsk Region during the coronavirus pandemic”. Proceedings of the All-Russian Research Conference “Youth in the Labor Market: New Rules of Behavior and Communications”. Edited by O. V. Shinyayeva. Pp. 15-18. Ulyanovsk: UISTU. [In Russian]
2. Weber M. 1990. “Basic Concepts in Sociology”. In: Weber M. Selected Works, pp. 603-627. Moscow. [In Russian]
3. Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. 2021. “Online education: accessibility and risks in a digital society”. Proceedings of the All-Russian Research Conference “Social Inequality and Social Justice in Russian Society: substantive and communicative aspects”, pp. 255-261. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. [In Russian]
4. Galkina E. P., Kadnichanskaya M. I. 2020. “Problems of youth unemployment (graduates of educational institutions) in the Ulyanovsk Region”. Proceedings of Tula State University. Humanities, no. 4, pp. 85-99. [In Russian]
5. Interactive map of Russia. Accessed 20 February 2022. <https://stats.hh.ru/map> [In Russian]
6. RIA Novosti. 2021. “The study revealed an increase in the unemployment rate in Russia”. 15 March. Accessed 10 February 2022. <https://ria.ru/20210315/bezrobotitsa-1601183794.html> [In Russian]
7. Kadnichanskaya M. I., Galkina E. P. 2021. “Region during the pandemic: state and problems (the case of the Ulyanovsk Region)”. Proceedings of the 6th International Research Internet Conference in 2 vols., pp. 109-114. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
8. Kargapolova E. V., Kappushev U. I. 2021. “Online vs offline: paradoxes of communications in the period of social restrictions”. Proceedings of the 6th International Research Internet Conference in 2 vols., pp. 121-126. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]

9. Lubsy A. V., Vyalykh N. A., Zaitseva A. A. 2017. "Models of social behavior of youth in Russia". *Socio-Humanitarian Knowledge*, no. 7, pp. 106-117. [In Russian]
10. Romashkina G. F. 2021. "Accelerated digitalization of the education system in a pandemic COVID-19 in Russia: pros and cons". *Proceedings of the 6th International Research Internet Conference in 2 vols.*, pp. 30-36. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. [In Russian]
11. Unemployment rate in Russia 2021-2022. Accessed 20 February 2022. <https://take-profit.org/statistics/unemployment-rate/russia> [In Russian]
12. RF Federal State Statistics Service. "The unemployment rate of the population aged 15-72 years in the subjects of the Russian Federation". Accessed 20 February 2022. https://rosstat.gov.ru/labour_force [In Russian]
13. Heckhausen H. 2001. "Personal and situational approaches to explaining behavior". In: *Psychology of Social Situations*. St. Petersburg: Piter. [In Russian]
14. Cheshev V. V. 2008. "Models of behavior of M. Weber's 'understanding sociology' in the light of the categories 'behavior' and 'activity'". *Bulletin of the TSPU*, no. 1 (75), pp. 78-89. [In Russian]
15. Yadov V. A. 2013. "On the sociological component of dispositions". In: *Self-Regulation and Forecasting of Social Behavior of a Person: Dispositional Concept*. 2nd edition, pp. 357-359. Moscow: TSSPIM.

Марина Николаевна КИЧЕРОВА¹
Виктория Сергеевна ЛОЗОВАЯ²

УДК 331.53

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАКТИК ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

¹ кандидат социологических наук,
доцент кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет,
m.n.kicherova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5829-7570

² студент направления «Социология»
Тюменский государственный университет
stud0000229455@study.utmn.ru

Аннотация

Статья раскрывает возможности и ограничения, возникающие при трудоустройстве людей с инвалидностью, их взаимодействие с работодателями на рынке труда. Большинство людей с инвалидностью испытывают трудности в поиске работы и трудоустройстве, что обусловлено многими социально-экономическими факторами.

Цель статьи — рассмотреть практики поиска работы людей с инвалидностью, возможности и ограничения, барьеры, которые возникают в процессе их трудоустройства. В статье представлен отечественный и зарубежный опыт содействия трудоустройству инвалидов, проанализированы наиболее распространенные практики профессиональной реабилитации, в том числе квотирование рабочих мест, специальное законодательство, программы поддержки. Для сбора и анализа данных использован качественный метод — полуструктурированное интервью с 19 информантами в возрасте от 18 до 54 лет, имеющих инвалидность и опыт трудовой занятости, проживающих в г. Тюмени. Анализ их трудовых биографий показал, что люди с инвалидностью испытывают значительные трудности при поиске работы. Среди положительных изменений, которые проявились

Цитирование: Кичерова М. Н. Формирование трудовых практик людей с инвалидностью / М. Н. Кичерова, В. С. Лозовая // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 21-42. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-21-42

в последние годы, отметили активную деятельность Центра занятости населения, улучшение транспортной доступности. Основными барьерами на рынке труда для людей с инвалидностью стали малое количество вакантных мест, высокая конкурентность, отсутствие стажировки, поддержки со стороны работодателей, стигматизация.

По итогам исследования выделены и проанализированы разные типы барьеров трудоустройства — физические, экономические, правовые, символические, предложены рекомендации для совершенствования социальной политики и содействия в трудоустройстве лиц с инвалидностью.

Ключевые слова

Инвалидность, барьеры трудоустройства, рынок труда, трудовые биографии, профессиональная реабилитация.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-21-42

Введение

Трудоустройство людей с инвалидностью является сложным социальным процессом, который обусловлен множеством факторов. Трудовая занятость людей с инвалидностью зависит от нормативно-правовой базы, уровня социально-экономического развития, состояния рынка труда, системы социальной защиты и здравоохранения. Во всем мире наблюдается поиск решений для содействия занятости инвалидов, проблема носит интернациональный характер, что находит отражение в специальном законодательстве и мерах социальной поддержки.

В соответствии с действующим российским законодательством люди с нарушением здоровья по решению Медико-социальной экспертизы получают группу инвалидности, определяется их степень утраты трудоспособности, которая выражается в процентах [6]. На основе этого разрабатывается Индивидуальная программа реабилитации (ИПР), в которой есть раздел о рекомендациях возможной трудовой занятости. На основе ИПР люди с инвалидностью могут претендовать на трудоустройство, этот документ является своеобразным руководством к действию. Нормативно-правовое поле в отношении возможностей трудоустройства инвалидов четко определено, однако на практике возникает множество преград и барьеров.

В рамках социальной модели инвалидности, которая активно внедряется в России с 90-х гг. XX в., вместо термина «инвалиды», имеющего дискриминационный подтекст, в общественном дискурсе появилось понятие «люди с ограниченными возможностями здоровья», что переносит акцент на социальное окружение и возможность полноценного участия в жизни общества. В соответствии с определением Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», лица с ограниченными возможностями здоровья определяются как «люди, имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии, имеющие значительные отклонения от нормального психического

и физического развития, вызванные серьезными врожденными или приобретенными дефектами» [11]. Как видно из определения, понятия «инвалиды» и «лица с ограниченными возможностями здоровья» весьма близки, более корректным является употребление словосочетания люди с инвалидностью или лица с ограниченными возможностями. При этом формальный статус и право на льготы дает установление группы инвалидности, соответственно, формально категория/статус «инвалид» сохраняется в управленческом дискурсе и общественной практике, маркирование данной группы выступает важным фактором социального взаимодействия, в том числе на рынке труда. В данной статье понятия инвалиды и лица с ограниченными возможностями будут использованы как синонимы.

Ограниченные возможности здоровья порождают трудности и барьеры социального взаимодействия, и в первую очередь ограничения проявляются на рынке труда, в профессионально-трудовой сфере. Несмотря на то, что во всем мире декларируются равные права и возможности для этой категории населения, лицам с инвалидностью не всегда оказывается должное внимание и поддержка в процессе их трудоустройства. На 2022 г. в Российской Федерации свыше 10 млн. человек официально признаны инвалидами [13]. По данным Росстата в России проживают 1 268 479 чел. 1 группы инвалидности, 4 663 519 чел. 2 группы инвалидности и 4 530 256 чел. с 3 группой инвалидности. Анализ статистики трудоустройства показывает, что на 2021 г. по данным от общей численности лиц с инвалидностью трудоустроено только 26,33%, а доля неработающих инвалидов в трудоспособном возрасте соответственно составила 73,67%; это говорит о том, что проблема трудовой занятости лиц с инвалидностью стоит очень остро. При распределении статистики по группам инвалидности менее задействованными на рынке труда оказались инвалиды 2 группы, от общего числа доля неработающих инвалидов 2 группы трудоспособного возраста составила 45%; более задействованы в работе инвалиды 3 группы, их доля составила 66,5% [12]. Статистические данные свидетельствуют, что трудовая занятость людей с инвалидностью остается весьма актуальной проблемой для России и требует пристального внимания и комплексного анализа.

Цель статьи — изучение опыта трудовой занятости лиц с инвалидностью, в том числе процесса поиска работы и трудоустройства, барьеров и ограничений, которые возникают на этом пути.

Проблематика труда и занятости людей с инвалидностью рассматривалась в рамках различных социологических теорий, представлена в многочисленных исследованиях отечественных [2, 4, 8] и зарубежных авторов [15, 16]. Развитие социальной политики в отношении инвалидов, в том числе вопросы профессиональной подготовки, инклюзивного образования анализируются В. Ярской-Смирновой и Д. Зайцевым, которые отмечают существенные барьеры в поле высшего образования, влияющие на последующее трудоустройство студентов с инвалидностью [14]. Аналитический обзор проблем инвалидности в контексте занятости, реализованный Э. Наберушкиной свидетельствует, что во многих регионах «социальные дистанции по отношению к людям с инвалидностью

сохраняются, однако факты эксклюзии инвалидов на рынке труда скрыты легитимными формулировками отказов в приеме на работу» [7, с. 337]. Среди основных мер поддержки по-прежнему преобладает квотирование рабочих мест, однако данная форма содействия занятости в рыночных условиях практически не стимулирует работодателей принимать в штат сотрудников с ограничением здоровья. В качестве альтернативного и весьма эффективного способа трудоустройства людей с инвалидностью А. Тологаева предлагает применять аутсорсинг [9]. Перспективным направлением содействия занятости инвалидов по мнению М. Полтавской, Е. Васильевой, С. Токаревой и Н. Хомутовой является развитие социального предпринимательства — этот способ социально-экономической активности при определенных условиях может стать действенным механизмом профессиональной реабилитации, поскольку создание финансово устойчивых бизнес-моделей позволит обеспечить рабочими местами людей с инвалидностью [5]. Современные исследования подтверждают, что социальная политика в отношении занятости инвалидов требует существенных изменений. Относительно новым явлением в сфере трудоустройства инвалидов становится так называемая социальная занятость [4]. Наличие оплачиваемой работы дает людям с инвалидностью уверенность в своих силах, расширяет сеть социальных контактов, обеспечивает материальную независимость.

В связи с новыми социально-экономическими вызовами требуется активный поиск моделей социальной политики в отношении занятости инвалидов. Внедрение цифровых технологий сопровождается сокращением и высвобождением работников трудоспособного возраста среднего уровня квалификации, возрастает дисбаланс спроса и предложения рабочей силы, трудовой потенциал людей с инвалидностью остается невостребованным, необходимы новые действенные механизмы обеспечения занятости инвалидов.

Международный опыт трудовой занятости инвалидов

Во всех странах ищут пути содействия в трудоустройстве людям с инвалидностью, этот опыт заслуживает внимания и всестороннего изучения. Исследования показывают, что довольно часто людей с инвалидностью ограничивают в праве реализовать себя на рынке труда под предлогом неприспособленности предприятия к работе инвалидов на них. В данной ситуации может помочь конкретизация и стабилизация источников финансирования, в том числе средств федерального бюджета в сфере трудоустройства инвалидов. В Европейских странах 10-15% населения имеют инвалидность и ограничения по здоровью, в связи с чем для них требуются меры государственной поддержки: так, в Германии 8 млн. чел. имеют инвалидность, что составляет примерно 10% населения; во Франции — 12 млн. чел., это 17,9% населения [1, с. 143]. При этом показатели трудоустройства людей с инвалидностью в этих странах существенно выше, чем в России. Основную помощь в трудоустройстве им оказывают биржи труда, выполняющие одновременно консультативные и посреднические услуги.

Одной из наиболее распространенных практик содействия в трудоустройстве людям с инвалидностью является квотирование рабочих мест для инвалидов, которое применяется как в России, так и в зарубежных странах. В России в соответствии с законодательством на каждом предприятии, где имеется хотя бы 100 сотрудников, должны быть трудоустроены не менее двух и не более четырех процентов сотрудников с инвалидностью на квотируемые должности [10]. В ряде стран, например, в Венгрии, Германии и Франции, квоты применяются для организаций с численностью более 20 сотрудников, в Австрии и Польше — 25 сотрудников, в Испании — 50 сотрудников. В Германии квота составляет 5%, во Франции — 6%, в Испании и Ирландии квотируется 3% рабочих мест [1, с. 144]. В этих странах создана разветвленная сеть учреждений, которая обеспечивает профессиональную подготовку и трудоустройство инвалидов, например Центры занятости и специальные службы, которые оказывают помощь в реабилитации, консультировании, обеспечивают техническими средствами.

Все страны имеют общую цель — обеспечить интеграцию лиц с инвалидностью в общество на основе принципов социальной инклюзии и полноценного участия. При этом практический опыт социальной инклюзии через содействие в трудоустройстве в разных странах имеет существенные отличия. Например, в США ведется широкая научно-исследовательская работа по созданию технических средств реабилитации, облегчающих инвалидам социально-бытовые и профессиональные условия жизни. Разработаны программы, финансируемые из госбюджета и обеспечивающие сотрудничество центров подготовки инвалидов к рабочему процессу, адаптации к условиям конкретных организаций, в которых люди с инвалидностью будут трудоустроены. В США отсутствует закон о квотировании рабочих мест, т. к. отказ инвалидам в трудоустройстве облагается значительной суммой штрафа [1, с. 145].

В Канаде опыт профессиональной реабилитации лиц с инвалидностью аналогичный США. Инвалиды могут и должны участвовать в общественной жизни, реализовывать себя на рынке труда. В Англии активно работают службы, которые помимо помощи в трудоустройстве, оплачивают спецтранспорт и оборудуют рабочие места. Если люди с инвалидностью работают из дома, то им предоставляется вся компьютерная техника [1, с. 145-146].

В России за последние годы изменились условия трудоустройства людей с инвалидностью, разработаны программы профессиональной реабилитации и содействия занятости, предусмотрена помощь от Центров занятости населения, которые сопровождают людей с инвалидностью на всех этапах трудоустройства: подбор вакансий с учетом ограничений здоровья, сбор и оформление документов, трудоустройство в течение 10 дней после обращения. Активную роль выполняют общественные организации, в первую очередь Всероссийское Общество Инвалидов (ВОИ) и его региональные отделения. На основе принципов социального партнерства реализуются программы по реабилитации и абилитации, благотворительные проекты.

Помощниками в трудоустройстве выступают сообщества самих людей с инвалидностью, которые объединяются в виртуальном пространстве, например, группы ВКонтакте. Значительно расширяются информационные ресурсы, практическую помощь в обсуждении проблем трудоустройства и новых инициатив содействия занятости можно найти на сайтах общественных организаций. Однако несмотря на принятые меры показатели численности трудоустроенных инвалидов в России остаются низкими, сохраняются значительные трудности в поиске работы, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований специфики трудоустройства людей с инвалидностью.

Методология и методы исследования

Эмпирическое исследование реализовано в Тюменской области с использованием качественной стратегии сбора данных на основе метода глубинного полуструктурированного интервью — трудовой биографии.

Выбор метода был обусловлен тем, что трудовая биография позволяет раскрыть персональный опыт, выявить важные детали микроуровня социального взаимодействия. При этом трудовые биографии выступают своеобразным «окном» в мир внешних социальных структур и позволяют оценить не только личный опыт, но и раскрыть особенности институциональной среды. Социальные практики микроуровня (личный, персональный опыт трудоустройства) ярко иллюстрируют процессы, которые разворачиваются на мезоуровне социального взаимодействия и детерминированы факторами макроуровня (государственная политика в отношении инвалидов, законодательство, идеологические концепты инвалидности, социальные стереотипы).

В интервью приняли участие 19 чел. в возрасте от 18 до 54 лет, имеющих инвалидность и опыт трудовой занятости, проживающих в г. Тюмени и на юге Тюменской области. Среди наших информантов было 12 женщин и 7 мужчин: с ограничением слуха (3 чел.), с нарушением зрения (5 чел.), с поражением опорно-двигательного аппарата, в том числе передвигающиеся на инвалидных колясках (4 чел.), с общим заболеванием (7 чел.). Имели I группу инвалидности 6 чел., II группу — 5 чел., III группу — 8 чел. Выборка строилась по принципу «снежного кома»: в структуре выборки представлены люди с различными ограничениями жизнедеятельности, что является важным для оценки существующих барьеров трудоустройства. Процедура интервью включала личное общение с информантами, беседа продолжалась 35-50 минут, сопровождалась аудиозаписью. Гайд интервью включал несколько тематических блоков — первый был связан с определением общего трудового стажа и характеристикой своей трудовой биографии, затем предлагалось высказать мнение о деятельности Центра занятости населения, обсуждалась помощь государства в трудоустройстве, роль семьи, факторы, влияющие на выбор места работы, а также возникающие препятствия и барьеры, с которыми они сталкивались на рынке труда в процессе трудоустройства. В завершении просили высказать свои предложения по улучшению трудоустройства и занятости инвалидов. По итогам составлены транс-

крипты интервью, реализовано тематическое кодирование, тексты выступили основой для анализа.

Теоретической рамкой для анализа выступила концепция П. Бурдье, определяющего практику как «мир уже достигнутых целей, способов и объектов, средств или институтов» [3, с. 103]. В соответствии с его концепцией, социальные практики складываются в поле, где действуют агенты, обладающие определенным габитусом и капиталом. Социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, при этом агенты производят практики и тем самым воспроизводят и/или преобразуют социальные структуры. С опорой на данную теоретическую схему были исследованы практики поиска работы и трудоустройства людей с инвалидностью.

Результаты

Анализ трудовых биографий людей с инвалидностью позволил увидеть не только индивидуальные практики действий на рынке труда в поиске работы, но и общий фон социальных, культурных и экономических процессов, которые сопровождают трудоустройство людей с инвалидностью, а также выявить изменения, которые произошли за последние годы. По результатам анализа были раскрыты как положительные изменения, новые возможности, которые появляются для людей с инвалидностью, так и барьеры трудоустройства.

Первый вопрос был связан с определением общего трудового стажа и просьбой рассказать о своей трудовой биографии, звучал он так: «Скажите, как давно вы имеете трудовую занятость? Расскажите подробнее, пожалуйста, о своей трудовой биографии (где, кем и когда работали)». Анализ данных показал, что большинство информантов имели трудовой стаж от пяти до десяти лет: «Мне 28 лет, из них 6 лет трудовой стаж»¹ (муж., 28 лет, III группа инвалидности); «Трудовую занятость я имею с 2013 года, значит 9 лет» (муж., 26 лет, II группа инвалидности). При этом их трудовая занятость характеризовалась довольно высоким уровнем мобильности в сочетании с широким спектром профессий: каждые 3-4 года приходилось менять работу: «сначала работала уборщицей в садике, потом помощником художника, официально это называлось трафаретчик, сейчас я работаю швеей» (жен., 28 лет, II группа инвалидности по слуху). Высокая мобильность наблюдалась как у женщин, так и у мужчин, при этом трудовая занятость часто сочеталась с работой в общественных организациях инвалидов:

«Начинал я с должности специалиста по доступной среде в обществе инвалидов Центрального района. Потом я устроился в ДК Орфей на должность культурного организатора, по сей день работаю в этом ДК, но уже администратором и еще работаю специалистом по работе с инвалидами в Обществе инвалидов Центрального района» (муж., 34 года, III группа инвалидности).

¹ Здесь и далее стиль информантов полностью сохранен.

Перемещения на рынке труда были связаны как с субъективными факторами, собственными мотивами, так и с реорганизационными процессами, с ликвидацией предприятий:

«В 2012 году, когда мне было 24, я устроился работать в организацию по снабжению вагонов с ресторанами продуктами и инвентарем. Я там отработал около 5 лет, потом фирму сократили, и моя начальница ушла в другую фирму к конкурентам. И у конкурентов я отработал около года, а потом меня позвали работать в Тюменский Драматический театр, и я 4 года там работаю» (муж., 34 года, III группа инвалидности).

Высокий уровень мобильности можно рассматривать скорее как вынужденное явление, обусловленное социально-экономическими рыночными процессами — жесткой конкурентностью, нестабильностью предприятий в рыночных условиях. Это иллюстрирует скорее движение «по течению», нежели осознанный выбор нового места работы. У женщин чаще проявлялись стратегии активного поиска работы под собственные установки, желание реализовать себя как личность, достичь профессионального мастерства, у мужчин — чаще умеренные и пассивные стратегии действий.

Важно отметить, что габитус человека с инвалидностью задает стартовую точку, траекторию действий в поиске работы, и во многом определяет всю трудовую биографию. Сформировавшиеся паттерны поведения задавали общую стратегию поведения на рынке труда — по итогам анализа были выделены как активные, связанные с самостоятельным поиском работы, так и пассивные стратегии («сейчас и здоровым-то трудно работу найти, что уже об инвалидах говорить»). Конструирование рассказа о своей трудовой деятельности сопровождалось различными эмоциональными высказываниями, что позволило выявить несколько социально-психологических типов людей с инвалидностью и получить своеобразные «жизненные иллюстрации» каждого типа по уровню самооценки и социальной активности в поиске работы. Можно говорить о нескольких типах личности:

- активный тип, действия которого отличаются энергичностью, самостоятельностью, активной жизненной позицией: «Мне не мешали никакие внешние барьеры, т. к. я не думаю, что это настолько важно, потому что все зависит от самого человека» (муж., 31 год, III группа инвалидности);
- сдержанный тип, с умеренной самооценкой, удовлетворенный своим положением, который не отрицает желание изменить свою жизнь, однако не предпринимает практических действий, либо эти действия в основном конформны — «как устроился после университета тренером по адаптивной физкультуре, так и работаю до сих пор, всё устраивает. Я плохо слышу, но не считаю себя инвалидом, содержу свою семью, воспитываю дочку, жена не имеет инвалидности. У нас обычная нормальная семья, у нас только одна проблема — живем с родителями, но мечтаем о своей квартире» (муж., 48 лет, инвалид детства по слуху, высшее образование);

- пассивный тип с заниженной самооценкой, положение, в котором они находятся их устраивает, нет стремления к переменам, низкий уровень социальной адаптации — «у меня вторая бессрочная (группа), поэтому иллюзий я не строю: работу вряд ли смогу найти, даже на дому» (муж., 26 лет, II группа инвалидности, среднее образование).

Инвалиды, демонстрирующие пассивный тип приспособления, уходят от проблем реальной жизни в мир своей болезни, полностью принимая стигму инвалидности. Как правило, они имеют низкую самооценку: «Я как инвалидом стал — жена от меня ушла, живу с престарелой матерью, нам хватает наших пенсий. Работать не хочу: какая от меня польза» (муж., 42 года, II группа инвалидности). Они понимают, что у них мало шансов, не предпринимают активных мер к поиску работы. Такие стратегии обусловлены фрустрацией, «уходом в болезнь», формированием иждивенческой позиции.

Анализ трудовых биографий показал примеры проявления разных целей в отношении желаемой работы, методов поиска работы и жизненных планов. На фоне социально-экономических трансформаций и высокой конкуренции на рынке труда, люди с инвалидностью понимают, что у них ограничены шансы в поиске работы и трудоустройстве. Они стремятся найти работу, прикладывая для этого усилия, большинство наших информантов показали активные, деятельные стратегии.

Роль государства и Центров занятости населения в профессиональной реабилитации

Следующий блок касался оценки влияния мер государственной политики, Центра занятости населения на процесс профессиональной реабилитации. При обсуждении этого вопроса в случае затруднения с ответом участникам исследования перечислялись некоторые меры, такие как квоты для трудоустройства с предоставлением специально оборудованных рабочих мест, стимулирование предприятий для создания дополнительных мест для трудоустройства, создание условий предпринимательской деятельности, организация переобучения и повышения квалификации.

Анализ результатов показал, что практически половина информантов (девять из девятнадцати опрошенных) обращались в Центр занятости и это обращение увенчалось успехом. Подтверждением стали ответы участников интервью: «В школу олимпийского резерва я устроился на квотируемое место для лиц с инвалидностью, также во дворце творчества и спорта „Пионер“ я устраивался на место, которое тоже выделялось по квоте». Анализ данных показал, что люди с инвалидностью не всегда в полной мере информированы о возможностях трудоустройства, специальных программах и процедуре оформления необходимых для этого документов: «Как мне потом объяснили, документы и заявление передали в Центр занятости, а уже там выделили мне место по квоте» (муж., 28 лет, II группа инвалидности).

Были и такие, кто никогда не обращался в Центр занятости несмотря на трудовой стаж более 10 лет. Содействие в трудоустройстве обеспечивалось исключительно за счет личного социального капитала — наличия связей среди близких родственников и знакомых: «в первую фирму меня позвал друг сестры, а в театр я сам устроился, работник ушел на пенсию, и я вместо него работаю подсобным рабочим». Конвертация социального капитала, «сила слабых связей» (М. Грановеттер) играла решающую роль при трудоустройстве.

Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что практически для всех, кто имел опыт обращения в Центр занятости населения, были предоставлены необходимые услуги, оказано содействие в трудоустройстве. Центр занятости населения Тюмени работает активно, не отказывая в поддержке и помощи лицам с инвалидностью. На общих основаниях устроились единицы, остальные полагались на меры законодательства в виде квотных рабочих мест, трудоустройство на квотируемые рабочие места оказалось наиболее распространенной практикой среди наших информантов.

Следующий вопрос интервью был нацелен на выяснение отношения к участию государства в трудоустройстве и оценке собственной позиции, уровня социальной активности, был сформулирован следующим образом: «Согласны ли Вы с утверждением, что государство должно давать все возможности для трудоустройства инвалидов и всячески этому способствовать, или вся ответственность лежит на человеке?». Выражения согласия или не согласия с данным утверждением дало основания считать, что большинство информантов полагаются на государство в полной мере и поясняют свою позицию примерно одинаково:

«Государство должно давать возможность для трудоустройства инвалидам, потому что мы такие же люди как все другие и хотим вносить вклад в развитие нашего общества» (жен., 32 года, III группа инвалидности);

«Я согласен, что государство должно давать нам все возможности для трудоустройства. Потому что людям с инвалидностью сложно устраиваться самостоятельно, не у всех есть знакомые и связи, которые помогут устроиться» (муж., 48 лет, II группа инвалидности).

В ходе интервью были высказаны и другие точки зрения, например, мужчина 36 лет сказал, что он не в полной мере согласен с данным утверждением: «...а что касается государства, то помощь приветствуется, но всё-таки больше обязанностей на нас». Его аргументы были основаны на том, что государство и так делает всё возможное, поэтому человек с инвалидностью должен сам подстраиваться под условия и возможности на рынке труда. Подобные оценки связаны с личностными установками: в первую очередь важна активная жизненная позиция, стремление найти работу, готовность самостоятельно принимать решения и действовать — именно эти аспекты определяют успешность в трудоустройстве. Важно подчеркнуть, что пассивная позиция людей с инвалидностью в отношении самостоятельного поиска работы постепенно замещается

активными стратегиями действий на рынке труда, личной ответственностью при поиске работы, всё больше людей с инвалидностью начинают проявлять инициативную, деятельную позицию в отношении своего трудоустройства.

Роль семьи и социальных связей в содействии трудоустройству

Следующий блок вопросов был направлен на то, чтобы выявить влияние семьи, близкого окружения на процесс профессиональной реабилитации лиц с инвалидностью. Предлагалось рассказать из своего опыта и ответить на вопросы: «Как на Ваше трудоустройство повлияла семья и какую поддержку Вам оказывали». Анализ данных показал, что для абсолютного большинства наших информантов именно семья сыграла ключевую роль в их трудоустройстве, половина опрошенных отметили, что главным помощником выступила мама. Так, например, для девушки 28 лет с ограничениями слуха при собеседовании с работодателем в качестве сурдопереводчика была именно мама: «всё благодаря только моей маме, потому что с глухими людьми работодатели напрямую общаться не умеют». Это важная проблема, которая остается острой не только в Тюменской области, но и во многих других регионах — нехватка профессиональных сурдопереводчиков существенно сдерживает взаимодействие работодателей и соискателей с нарушением слуха. Технические средства реабилитации, в том числе современные слуховые аппараты, не могут в полной мере решить вопросы полноценной деловой коммуникации на рынке труда для этой категории инвалидов. В обыденных практиках помощь в сурдопереводе обеспечивают, как правило, близкие люди и родственники, владеющие жестовым языком или представители общественных объединений, например, сотрудники Тюменского регионального отделения Всероссийского общества глухих.

Помощь семьи проявлялась в информационной и психологической поддержке: «Мне помогали составлять резюме, вместе просматривали возможные вакансии. Поддерживали и радовались за меня, что я трудоустроена официально». Именно семейные связи, близкие доверительные отношения, моральная поддержка зачастую выступали основными поддерживающими факторами для активной реализации на рынке труда, нацеливая на освоение новых социальных позиций и решительных действий в поиске работы. Как правило, самые близкие люди — родители, муж/жена, дети выступали главным катализатором позитивных перемен и оценивались как ключевые фигуры в процессе реабилитации: «Я каждый год участвую в городских спартакиадах, на работу устроилась только благодаря помощи моего мужа, родителей и близких друзей» (жен., 46 лет, I группа инвалидности, передвигается на инвалидной коляске).

Как уже было отмечено, биографии проиллюстрировали разные типы поведения и уровень самостоятельности при поиске работы. Были информанты, которые выражали свою позицию иначе:

«Я не думаю, что семья повлияла на мое решение по поводу работы. Но если и повлияла, то не в значительной мере, потому что резюме и прочее, собеседования проходил я сам» (муж., 36 лет, II группа инвалидности);

«Резюме мы не составляли, но какие-то там вопросы разного характера, которые возникали, семья помогала мне решать».

Можно сделать вывод о том, что семья играет существенную (и преимущественно положительную) роль в трудоустройстве людей с инвалидностью, однако степень влияния может варьироваться в зависимости от уровня доверия, норм и традиций семейных взаимоотношений. Социальный капитал в виде дружеских связей, поддержки семьи является наиболее ценным ресурсом для людей с инвалидностью при поиске работы и трудоустройстве.

Факторы выбора работы

Следующий блок вопросов был нацелен на выявление того, какие факторы являются приоритетными при трудоустройстве. Анализ данных позволил выделить несколько тематических секвенций, повторяющихся у разных информантов: «важным было отношение к инвалидам», «важно, что это будет государственное учреждение», «при трудоустройстве мне главное, чтоб официально, чтобы трудовой стаж шел». На вопрос о дружеских связях отвечали почти одинаково: «В наше время без дружеских связей в коллективе никак». Лицам с инвалидностью важно, чтобы на работе к ним относились с пониманием, большинство стремится к созданию дружеских отношений. Обустроенность рабочего места тоже явилась важным критерием трудоустройства: «и, конечно, обустроенность рабочего места повлияла. Есть место для приема пищи, и дамская комната находится не на улице», «...поэтому, конечно, на работу в школе повлияла транспортная доступность и обустроенность». О развитии карьеры многие не задумывались, хотели просто найти и сохранить работу: «вопросом карьеры не задавалась». А вот престиж и статус профессии, репутация организации были важны для большинства информантов: «разумеется, я считаю, что это важно, потому что от этого зависит, как ты будешь работать, с кем ты будешь работать, какой коллектив и комфортно ли тебе будет работать с ними».

Следующий вопрос был направлен на выяснение того, какой характер носят условия труда: формальный или неформальный. Большинство акцентировали, что всегда стремились к официальной занятости: «Да, я официально трудоустроен был и в первой организации, и во второй, и сейчас в театре тоже официально трудоустроен. Я всегда работаю долго, не меняю часто место работы». Стремление к стабильности, постоянной формальной занятости является одной из самых распространенных стратегий поведения.

На вопрос о заработной плате и трудовом договоре отвечали соответственно: «Договор у нас письменный и зарплата выплачивается, как прописано в договоре, два раза в месяц». Однако для людей, имеющих ограничения в передвижении (инвалидов-колясочников), официальная занятость является редкостью. Анализ биографий показал, что среди этой категории инвалидов наблюдаются вариативные модели приспособления, в том числе они готовы

к теневой, или неформальной занятости. Их трудовые биографии иллюстрируют желание работать и зарабатывать, находить любую возможность для этого:

«работал на заготовке леса, в результате несчастного случая получил травму позвоночника, стал инвалидом первой группы. После восстановления искал работу по своим силам, начал подрабатывать в авторемонтной мастерской, с детства хорошо разбирался в технике. Работа, конечно, не официальная, мастерская в гаражах, но ничего другого нет» (муж., 38 лет, среднее специальное образование).

Люди рабочих профессий, имеющие трудовой опыт и навыки, стараются найти применение своим силам, в том числе даже в неформальном секторе. Редко кому удается найти официальную работу, это скорее исключение из правил, нежели норма: «постоянной работы долго не было, несколько месяцев вела телепередачу — пока был проект „Доступная среда“, а потом нашла себе работу в библиотеке для слепых» (жен., 46 лет, передвигается на инвалидной коляске, высшее образование). Поиск работы и трудоустройство этой категории инвалидов сопровождается значительными трудностями, связанными с обустройством рабочего места, транспортом. Ключевыми факторами при выборе работы стали ее доступность, стабильность, гарантированная оплата труда и оформление трудовых отношений, наличие социальных гарантий, обустроенность рабочего места и служебных помещений, отношение работодателя к инвалидам.

Барьеры и ограничения при трудоустройстве

Следующий блок вопросов был направлен на выявление внешних факторов, негативно влияющих на процесс трудоустройства. Анализ ответов показал, что информанты ощущают препятствия в первую очередь со стороны работодателей — Центр занятости населения, транслируя государственную политику, активно работает, а вот работодатели находят повод «вежливо отказать» и не идут навстречу: «Раньше я уже говорила про поддержку Центра занятости, они давали список профессий от организаций. Я звонила им, ездила, они брали данные и не перезванивали». Фактически в биографиях проявлялась тема о наличии «двойных стандартов» — с одной стороны, формально им предоставляют выбор, дают направления на вакансии, но на деле работодатели брать на работу инвалидов не хотят и под любым предлогом отказывают: «Я смотрел в интернете вакансии, звонил, и я всегда говорил, что я инвалид. И мне отвечали, что они с инвалидностью не берут».

Фактически, можно говорить о косвенной дискриминации, в историях информантов часто встречались сюжеты об отказе в работе, при этом квалификация соискателей соответствовала вакантной должности.

О наличии барьеров свидетельствует еще одна стратегия трудоустройства, при которой люди сознательно скрывают наличие группы инвалидности:

«имею третью группу (инвалидности) и не переосвидетельствуюсь, знаю, что дадут вторую, и вообще не трудоустроюсь. По образованию

кондитер, когда устраиваюсь, не говорю, что инвалид, работаю, пока не узнают, потом снова ищу работу» (жен., 43 года, среднее специальное образование).

Существенным ограничением является довольно узкий перечень возможных вакансий: «даже закончив Тюменский колледж на повара-кондитера, трудоустроиться было невозможно по данным специальностям». Отсутствие необходимых вакансий на рынке труда отмечалось среди тех, кто не имел специального образования, также и среди выпускников учреждений среднего профессионального образования:

«С 2019 по 2021 г. училась в Тюменском колледже производства и социальных технологий на три профессии: упаковщик товара, выжигание по дереву, изготовление монеток. Но по этим специальностям вакансий нет, поэтому пока работаю в школе».

Анализ ответов показал, что несмотря на наличие профессиональной подготовки желание работать по специальности, на рынке труда таких возможностей для людей с инвалидностью пока не очень много. Структура имеющихся рабочих мест не соответствует имеющимся трудовым ресурсам, требуются дополнительные меры по синхронизации спроса и предложения на рынке труда в целях содействия занятости людей с инвалидностью.

Исследование показало, что сохраняются барьеры, связанные с доступностью среды и транспорта: «инвалидов-колясочников у нас не очень охотно берут на работу, специальных условий нет, да и с транспортом проблема, особенно зимой» (муж., 49 лет, I группа инвалидности, среднее специальное образование). О доступности городской инфраструктуры отметили, что безусловно многое делается в этом направлении, однако часто пандусы выполнены формально — их ширина и угол наклона не соответствуют техническим требованиям, воспользоваться ими практически невозможно. Сохраняются проблемы в использовании общественного транспорта: несмотря на увеличение количества специально оборудованных низкопольных автобусов, имеющих откидные пандусы и необходимое оснащение — кнопка вызова водителя, рампы, облегчающие посадку и высадку пассажиров на инвалидной коляске, место в салоне для коляски — практически они не всегда доступны инвалидам. Один из информантов подчеркнул, что «водители всегда помогают, и днем вполне можно уехать, но утром все едут на работу и лучше не пытаться» (муж., 49 лет, I группа инвалидности). Загруженность городского транспорта в утренние и вечерние часы существенно ограничивает возможности для передвижения по городу инвалидов-колясочников, использовать общественный транспорт для передвижения к месту работы им затруднительно.

В ходе обсуждения имеющихся барьеров, часто отмечали сложившееся общественное мнение в отношении инвалидов, роль СМИ. Один из информан-

тов рассказал, что не любит, когда накануне Дня инвалидов 3 декабря у него берут интервью:

«В местных новостях несколько раз сюжеты были, жена Марина — тоже инвалид первой группы, оба колясочники, мы с ней становимся „героями“ новостей. Наша работа — это скорее исключение из правил, а не норма в нашем обществе. Для „колясочника“ невозможно найти достойную работу» (муж., 49 лет, I группа инвалидности).

В публичном дискурсе при освещении проблем людей с инвалидностью сохраняется образ героя, преодолевающего препятствия, который борется с болезнью и внешними обстоятельствами. Необходима корректность и объективность при освещении в СМИ вопросов трудовой занятости и предпринимательства среди инвалидов, смена дискурса.

В отношении внутренних, психологических барьеров большинство отметили, что такие барьеры имеются, причем, они обусловлены общественным отношением и стереотипами: «конечно, возникали внутренние психологические барьеры из-за неприятия и отсутствия поддержки. Не хотят в Тюмени брать на работу людей с инвалидностью, в частности с нарушением слуха и глухих». Работодателям порой проще оказать благотворительную помощь, реализовать отдельные проекты, чем изменять условия труда в соответствии с индивидуальными потребностями работника. Важно подчеркнуть, что ряд информантов высказали мнение о том, что психологические барьеры при трудоустройстве есть у всех и это нормально: «считаю, что у меня возникали различные психологические барьеры при трудоустройстве, как и у всех остальных, причем не только среди инвалидов, но и среди здоровых людей такие бывают». Многие отметили, что имеют достаточно дружеских связей, не считают себя людьми с низким социальным опытом. Им было довольно легко освоиться благодаря поддержке: «Конечно, по началу было сложновато, но мой коллектив помог мне влиться в трудовую сферу и понять специфику работы». Трудовые биографии продемонстрировали разный уровень адаптивности, самооценки и социальной активности, что обусловлено индивидуальными качествами личности.

Таким образом, ключевые барьеры трудоустройства можно разделить на несколько типов:

- символические барьеры, связанные с восприятием инвалидов на рынке труда, общественным мнением, стереотипами, действием «двойных стандартов»;
- физические барьеры — доступность инфраструктуры, транспорта, обустроенность рабочих мест;
- коммуникативные барьеры — недостаток сурдопереводчиков, ограниченность информации на сайтах работодателей для слабовидящих;
- психологические барьеры, связанные с индивидуальными особенностями личности.

В завершении интервью было предложено высказать свои предложения по улучшению содействия занятости инвалидов. Важно отметить, что Тюменская область является относительно благополучным регионом с точки зрения социально-экономического развития, местный рынок труда характеризуется относительной стабильностью. Статистические данные показывают, что в Тюменской области проживает 11 389 чел. I группы инвалидности, 33 078 чел. II группы инвалидности и 43 752 чел. III группы инвалидности. При этом на 2021 г. из общей численности лиц с инвалидностью, трудоустроено лишь 13,9% [9]. Несмотря на меры содействия занятости людей с инвалидностью в регионе показатели их трудоустройства остаются низкими. В этой связи важно понимать, какие дополнительные меры могут способствовать повышению уровня занятости инвалидов.

В качестве предложений назвали развитие виртуальных групп с актуальной информацией о вакансиях для инвалидов в регионе, доступность сайтов работодателей (крупный шрифт для инвалидов по зрению, голосовое сопровождение), стажировки у потенциальных работодателей, обучение востребованным профессиям. Участники исследования подчеркнули важность оценки объективных показателей и реальных деловых качеств людей с инвалидностью при рассмотрении кандидатур на вакантные должности.

В последнее время, с развитием цифровых технологий, значительный потенциал в содействии занятости имеют информационные ресурсы открытого доступа. В интервью отмечалось, что помощниками в трудоустройстве выступают сообщества самих людей с инвалидностью, которые объединяются в виртуальном пространстве, например, группы социальной сети ВКонтакте. Анализ сообществ сети ВКонтакте, которые ведутся Центрами занятости и общественными объединениями инвалидов, показал, что локализация виртуальных групп по поиску работы представлена не во всех регионах. Такие группы активно ведутся в Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Уфе, Мурманске и др. городах. В Тюменской области они отсутствуют, и опрошенные люди с инвалидностью подтвердили, что прибегают к поиску вакансий через поисковую строку в браузере. Развитие виртуальных групп, нацеленных на содействие занятости, могло бы способствовать трудоустройству, облегчать поиск необходимых вакансий.

Обсуждение и заключение

Полученные в ходе теоретико-эмпирического исследования результаты показали, что практики трудоустройства людей с инвалидностью весьма разнообразны, содействие в поиске работы оказывают разные акторы, в первую очередь семья и близкие люди, а также Центры занятости населения. При этом процесс трудоустройства людей с инвалидностью сопровождается необходимостью преодоления барьеров объективного и субъективного характера: символические, физические, инфраструктурные, экономические, психологические барьеры. В зависимости от отношения к этим препятствиям, люди с инвалидностью реализуют разные

стратегии трудоустройства. Успешность поиска работы во многом зависит от уровня самооценки, самостоятельности суждений и поступков, активности жизненной позиции.

Как показало проведенное исследование, на рынке труда Тюменской области сохраняются барьеры, препятствующие трудовой занятости людей с инвалидностью. Важно подчеркнуть, что большинство барьеров проявляется в комплексе, поэтому они весьма устойчивы. Причины устойчивости барьеров отчасти можно объяснить наличием «эффекта колеи» (А. Аузан) — наследия прошлого, стереотипов, укоренившихся как в общественном сознании в отношении инвалидов, так и у самих людей с ограниченными возможностями. Эти стереотипы сложились за долгие годы, когда в России преобладала «медицинская модель» инвалидности, поэтому для их преодоления требуются значительные усилия. Помимо квотирования рабочих мест следует использовать потенциал новых форм организации занятости инвалидов, например, аутсорсинг, социальное предпринимательство.

Принимая во внимание ограничения данного исследования (объем выборки, репрезентативность качественных данных), мы не ставили задачу осветить все имеющиеся барьеры на рынке труда для людей с инвалидностью и показать их масштабы. Полученные результаты стоит рассматривать скорее как информацию к размышлению, а не исчерпывающие ответы на все вопросы. Ценность результатов и практическая значимость исследования заключается в том, что для разработки эффективных мер социальной политики необходимо понимание реальной картины профессиональных интересов и поведения на рынке труда людей с инвалидностью. Через анализ микроуровня высвечиваются не только проблемные зоны, но и возможные пути их решения.

Вектор позитивных изменений может быть связан с расширением практик социокультурного восприятия, общей корректностью и объективностью при освещении в СМИ вопросов трудоустройства инвалидов, поиском новых инструментов в работе Центра занятости населения. Практическим шагом может стать использование современных цифровых инструментов, в том числе администрирование виртуальных групп содействия занятости (например, в социальной сети ВКонтакте), адаптация сайтов работодателей для людей с ограничением зрения, дистанционное профконсультирование.

Важным вкладом в содействие занятости инвалидов может стать организация программ стажировки для людей с инвалидностью и реализация проектов в сфере социального предпринимательства, масштабирование лучших практик создания устойчивых бизнес-моделей предприятий, задействующих труд инвалидов. В Тюменском колледже производственных и социальных технологий проводится набор по направлению «Организация сурдокоммуникации», где готовят сурдопереводчиков: производственная практика и стажировки учащихся этого направления в кадровых агентствах и Центре занятости населения

могли бы оказать существенную помощь при трудоустройстве соискателей с ограничением слуха.

Требуются меры для корректировки информационной политики при освещении занятости людей с инвалидностью: нужна информация без «героизации» работающих инвалидов, в общественном дискурсе необходима «смена тональности» при обсуждении вопросов их трудоустройства. Важно, чтобы помощь государства была уместной, а не декларативной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулаева З. З. Зарубежный опыт трудовой реабилитации инвалидов в целях содействия их занятости и возможности его адаптации к российской практике / З. З. Абдулаева, П. И. Магомедова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 8. С. 142-147.
2. Афонькина Ю. А. Анализ социальных сред в контексте обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью / Ю. А. Афонькина, Г. В. Жигунова // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialnyh-sred-v-kontekste-obespecheniya-nezavisimoy-zhizni-lyudey-s-invalidnostyu> (дата обращения: 30.06.2022).
3. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые; пер с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл.: Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001. 562 с.
4. Васильева Ю. В. Социальная занятость инвалидов в Российской Федерации и международные нормы в сфере трудоустройства и занятости инвалидов: проблемы реализации / Ю. В. Васильева // *Ex jure*. 2020. № 2. С. 133-140.
5. Полтавская М. Б. Социальное предпринимательство как ресурс трудоустройства людей с инвалидностью / М. Б. Полтавская, Е. Н. Васильева, С. Б. Токарева, Н. Н. Хомутова // *Logos et Praxis*. 2018. Том 17. № 4. С. 74-87.
6. Приказ Минтруда России от 30.09.2020 № 687Н «Об утверждении критериев определения степени утраты профессиональной трудоспособности...». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=378746> (дата обращения 18.07.2022)
7. Наберушкина Э. К. Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальной дистанции / Э. К. Наберушкина // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 15. № 2. С. 333-340.
8. Романов П. В. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 44-55.
9. Тологаева А. Ю. Аутсорсинг как один из эффективных способов трудоустройства инвалидов в коммерческом секторе / А. Ю. Тологаева // Отечественный журнал социальной работы. 2015. № 1 (60). С. 135-139.
10. Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 219-ФЗ «О квотировании рабочих мест инвалидам». URL: <https://rg.ru/documents/2021/07/02/fz-dok.html> (дата обращения: 05.08.2022).

11. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 18.07.2022).
12. Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost>
13. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
14. Ярская-Смирнова В. Н. Габитус инвалидности в поле высшего образования / В. Н. Ярская-Смирнова, Д. В. Зайцев // Журнал исследований социальной политики. 2019. Том 17. № 4. С. 585-600.
15. Olsen J. Employers: influencing disabled people's employment through responses to reasonable adjustments / J. Olsen // Disability & Society. 2022. Vol. 37. No. 5.
16. Personal and contextual factors influencing the entrepreneurial intentions of people with disabilities in Spain / N. Pérez-Macías, J.-L. Fernández-Fernández // Disability & Society. 2022. Vol. 37. No. 7. Pp. 1216-1238. DOI: 10.1080/09687599.2021.1874302

Marina N. KICHEROVA¹

Victoria S. LOZOVAYA²

UDC 331.53

ESTABLISHING WORK PRACTICES OF PEOPLE WITH DISABILITIES

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
m.n.kicherova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5829-7570

² Student of Sociology, University of Tyumen
stud0000229455@utmn.ru

Abstract

This article reveals the opportunities and limitations that arise in the employment of people with disabilities, as well as their interaction with employers in the labor market. Most people with disabilities experience significant difficulties in finding work and employment due to many socio-economic factors. This research aims to consider the practices of job search and employment of people with disabilities, opportunities and limitations, barriers that arise in the process of employment.

The authors present Russian and global experience in promoting the employment of disabled people and analyze the most common practices of vocational rehabilitation, including job quotas, special legislation, and support programs. To collect and analyze data, a qualitative method was used — an in-depth semi-structured interview with 19 informants aged 18 to 54 who have a disability and work experience and live in Tyumen. The analysis of work biographies showed that people with disabilities experience significant difficulties in finding a job. Among the positive changes that have manifested themselves in recent years, they noted the active work of the Employment Center, improved transport accessibility. The main barriers in the labor market for people with disabilities include a small number of vacancies, high competition, lack of internships, lack of support from employers, and stigmatization.

Citation: Kicherova M. N., Lozovaya V. S. 2022. “Establishing work practices of people with disabilities”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 21-42. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-21-42

The results have revealed various types of barriers to employment — physical, economic, legal, symbolic. Additionally, the authors provide recommendations for improving social policy and facilitating the employment of persons with disabilities.

Keywords

Disability, employment barriers, labor market, work biographies, vocational rehabilitation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-21-42

REFERENCES

1. Abdulaeva Z. Z., Magomedova P. I. 2020. “Foreign experience of labor rehabilitation of people with disabilities to promote their employment and the possibility of adapting it to Russian practice”. *Regional’nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, no. 8, pp. 142-147. [In Russian]
2. Afon’kina Yu. A., Zhigunova G. V. 2018. “Analysis of social environments in the context of independent living of people with disabilities”. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, no. 69. Accessed 30 June 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sotsialnyh-sred-v-kontekste-obespecheniya-nezavisimoy-zhizni-lyudey-s-invalidnostyu>
3. Bourdieu P. 2001. *Practical Reason*. Translated from French by A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko, translation editing and afterword by N. A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya. 562 pp. [In Russian]
4. Vasilyeva Yu. V. 2020. “Social employment of persons with disabilities in the Russian Federation and international norms in the field of employment and employment of persons with disabilities: problems of implementation”. *Ex jure*, 2020, no. 2, pp. 133-140. [In Russian]
5. Poltavskaya M. B., Vasilyeva E. N., Tokareva S. B., Khomutova N. N. 2018. “Social entrepreneurship as a resource for employment of people with disabilities”. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 4, pp. 74-87. [In Russian]
6. RF Ministry of Labor Law of 30 September 2020 No. 687N “On approval of the criteria for determining the degree of loss of professional ability to work...”. Accessed 18 July 2022. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=378746> [In Russian]
7. Naberushkina E. K. 2017. “Review of social problems of disability in the context of employment, social policy and social distance”. *Zhurnal issledovaniy socialnoj politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, vol 15, no. 2, pp. 333-340. [In Russian]
8. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. 2005. “Politics of Disability. Problems of accessible environment and employment opportunities”. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 44-55. [In Russian]
9. Tologaeva A. Yu. 2015. “Outsourcing as one of the effective ways of employment of persons with disabilities in the commercial sector”. *Otechestvennyj zhurnal social’noj raboty [Domestic Journal of Social Work]*, no. 1 (60), pp. 135-139. [In Russian]
10. RF Federal Law of 28 June 2021 No. 219-FZ “On the quota of work places for the disabled”. Accessed 25 August 2022. <https://rg.ru/documents/2021/07/02/fz-dok.html> [In Russian]

11. RF Federal Law of 24 November 1995 No. 181-FZ (as of 26 May 2021) "On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation". Accessed 18 July 2022. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ [In Russian]
12. Federal register of the disabled. <https://sfri.ru/analitika/chislenmost>
13. Federal State Statistics Service. <https://rosstat.gov.ru/>
14. Yarskaya-Smirnova V. N., Zaytsev D. V. 2019. "Habitus of disability in the field of higher education". *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 17, no. 4, pp. 585-600. [In Russian]
15. Olsen J. 2022. "Employers: influencing disabled people's employment through responses to reasonable adjustments". *Disability & Society*, vol. 37, no. 5.
16. Pérez-Macías N., Fernández-Fernández J.-L. 2022. "Personal and contextual factors influencing the entrepreneurial intentions of people with disabilities in Spain". *Disability & Society*, vol. 37, no. 7, pp. 1216-1238. DOI: 10.1080/09687599.2021.1874302

Роман Ренатович ХУЗЯХМЕТОВ¹

УДК 314.174

НЕКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЖИЗНЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

¹ ассистент кафедры общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет
r_o_m_a_n_14@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0850-4716

Аннотация

Современная теория человеческого капитала отказывается от интерпретации образования, профессиональной квалификации и опыта работы как единственных источников обеспечения дохода и производительности труда. Актуализируются исследования некогнитивных характеристик человеческого капитала, которые представляют собой социально-психологические качества индивида, влияющие на капитализацию знаний и навыков. Автор фокусируется на таких некогнитивных характеристиках человеческого капитала как самоэффективность, устойчивость, агентность.

Цель исследования — проанализировать связь между некогнитивными характеристиками человеческого капитала и отдельными показателями достижений (экономическими и неэкономическими). Прикладное дескриптивное социологическое исследование проведено в соответствии с позитивистской парадигмой. В анализе данных применялись частотные распределения, сравнение средних, метод корреляций. Выборочная совокупность репрезентирует работающее население региона (n = 1 261).

Результаты свидетельствуют, что самоэффективность, устойчивость, агентность по-разному проявляются у представителей различных социально-демографических, профессиональных и статусных групп, но различия невелики. Жизненные результаты

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-311-90019 «Некогнитивный человеческий капитал на региональном рынке труда: поколенческие особенности»)

Цитирование: Хузяхметов Р. Р. Некогнитивные характеристики человеческого капитала и жизненные результаты / Р. Р. Хузяхметов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 43-57. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-43-57

статистически значимо коррелируют со значениями индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала. Корреляции между экономическими достижениями (удовлетворенность работой, реализация профессионального потенциала) выше, чем корреляции с неэкономическими достижениями (удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем).

Сделан вывод о том, что индивиды, которые более уверены в своих силах при решении рабочих задач, настойчивы в достижении профессиональных целей и самостоятельны в своих действиях, демонстрируют не только более высокие субъективные оценки жизненных достижений, но и имеют более высокую заработную плату.

Ключевые слова

Человеческий капитал, некогнитивный, самооэффективность, устойчивость, агентность, социальные установки, производительность труда.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-43-57

Введение

На протяжении последних 60 лет непрерывного совершенствования теория человеческого капитала стала не только востребованным, но и авторитетным научным направлением, поскольку сумела выработать ряд устойчивых к критике положений, признаваемых как в научном сообществе, так и за его пределами, а также оказала положительное влияние на государственные политики по всему миру. К основным научным результатам теории человеческого капитала, которые позволили расширить и углубить существующую систему знаний, можно отнести обоснование теорий экономического роста, доказательство значимости вложений в развитие человека, систематизацию качеств, востребованных в экономической деятельности [3].

На текущем этапе развития теория человеческого капитала отказывается от интерпретации образования и опыта работы как единственного источника обеспечения дохода и производительности труда [5]. Стремления дополнить теорию актуализируют исследования, фокусирующиеся не только на формальных показателях квалификации (число лет обучения, наличие диплома, трудовой стаж), но и на поведенческих и социально-личностных особенностях, называемых «некогнитивными» [15]. Некогнитивные характеристики человеческого капитала не являются знаниями и навыками в прямом смысле слова, но представляют собой индивидуальные социально-психологические особенности, влияющие на капитализацию знаний и навыков [12].

Сегодня существует немало доказательств того, что некогнитивные характеристики могут определять жизненные достижения (материальные и нематериальные) не меньше, чем такой традиционный показатель как профессиональная квалификация. Например, статья Т. В. Волченко и др. показывает, что «рационально-ориентированный тип мышления» снижает вероятность добро-

вольного увольнения в течение одного года после трудоустройства [1]. В свою очередь Д. Яо (D. Yao) пишет, что «некогнитивная компетентность» (измеряемая по опроснику Большой пятерки) оказывает устойчивое значимое влияние на удовлетворенность работой среди индивидов, рожденных в 90-е гг. в КНР: нейротизм демонстрирует негативное влияние, а способность прийти к согласию, добросовестность и экстраверсия — позитивное [21]. Р. Левин (R. Levine) и Й. Рубенштейн (Y. Rubinstein), используя данные панельного исследования Current Population Survey за период 1990-2012 гг., приходят к выводу, что предприниматели (включая самозанятых), обладающие более высоким уровнем «некогнитивных черт», зарабатывают больше, чем наемные работники и менее успешные бизнесмены [16].

Таким образом, **цель** данного исследования — проанализировать связь между некогнитивными характеристиками человеческого капитала и отдельными показателями достижений (экономическими и неэкономическими).

Обзор литературы

Проблематика некогнитивных характеристик человеческого капитала является новой и стремительно развивающейся, в особенности для российской научной литературы, где публикации на эту тему начали появляться только с 2019 г. При этом наблюдается рассогласованность теоретико-методологических позиций, когда одни авторы включают некогнитивные характеристики в структуру человеческого капитала, а другие — нет.

В этой связи оправданной кажется концептуальная рамка, предложенная Ю. В. Латовым, который пишет, что человеческий капитал можно рассматривать в узком и широком смысле [4]. Рассмотрение концепции в узком смысле не только возвращает нас к классическому прочтению человеческого капитала, но и позволяет избежать сложностей при обосновании его усложненной структуры. Поскольку в таком случае уже не обязательно обозначать всё множество переменных, положительно связанных с доходом, как структурные элементы человеческого капитала, вместо этого их можно рассматривать в качестве характеристик (модераторов) человеческого капитала [14]. Итак, мы придерживаемся второй точки зрения и считаем, что некогнитивные характеристики не являются структурным элементом человеческого капитала в узком (традиционном) смысле слова, но оказывают значимое влияние на экономическое и трудовое поведение индивида.

В поведении некогнитивные характеристики проявляются в виде конструкта состояния, связанного с положительной оценкой возможности достижения лично значимых целей [17]; они влияют на совокупные усилия, которые человек прикладывает к выполнению задач [12].

В социологической интерпретации это согласуется с понятиями саморегуляции социального поведения и социальной установки (attitude). В. А. Ядов, анализируя многообразие подходов к осмыслению социальной установки, заключает, что

«это понятие фиксирует по крайней мере пять аспектов: состояние сознания и нервной системы; выражение готовности к реакции на внешнюю среду; организованность такой готовности; ее связь с предшествующим опытом; тот факт, что она оказывает направляющее и динамическое влияние на поведение» [7].

А. Гарсия-Перез (A. Garcia-Perez) и др. пишут, что источником формирования установок выступает социальный контекст, т. е. любой человек из окружения, члены семьи, соседи, коллеги, социальные группы и сообщества, к которым индивид имеет отношение. Социальное окружение оказывает благотворное влияние на человека, когда «позитивные образцы» поведения (открытость, вовлеченность, уважение, ориентация на взаимную пользу) преобладают над негативными [13].

Таким образом, в исследовании человеческого капитала социальные установки могут выступать своеобразной прокси-переменной, которая отражает предшествующий опыт социального взаимодействия в профессиональной деятельности, агрегированный в виде состояния готовности к продуктивному использованию имеющихся знаний и навыков.

В данной статье мы сосредотачиваем внимание на таких некогнитивных характеристиках человеческого капитала, как *самоэффективность* (self-efficacy), *устойчивость* (resilience) и *агентность* (agency). Самоэффективность определяет уверенность в собственных силах при решении рабочих задач, готовность взять на себя ответственность и ожидание благоприятного исхода [11]. Устойчивость определяет настойчивость в достижении цели, способность, сталкиваясь с трудностями, не останавливаться и не отступать [17]. Агентность определяет представление человека о том, что события и процессы его жизни подконтрольны ему, что он является инициатором своих действий и несет за них ответственность [8].

Проведенный анализ литературы позволяет предполагать, что обладание высокоуровневыми некогнитивными характеристиками человеческого капитала может способствовать улучшению жизненных результатов.

Принятыми в социолого-экономических исследованиях индикаторами жизненных достижений, кроме объективного показателя дохода, являются субъективные показатели удовлетворенности работой, реализации профессионального потенциала, удовлетворенности жизнью, уверенности в будущем. В этом контексте стоит прежде всего упомянуть работы Н. Е. Тихоновой, которая пишет, что «наряду с объективно существующими моделями стратификации общества большое значение имеет субъективная стратификация населения», поэтому важно анализировать самооценки людей по различным основаниям [9].

Материалы и методы

Прикладное дескриптивное социологическое исследование проведено в соответствии с позитивистской парадигмой. В анализе данных помимо частотных

распределений и сравнения средних применялся стандартный статистический метод корреляций. Сбор данных осуществлялся смешанным методом, сочетавшим печатные раздаточные анкеты и онлайн-форму ($n = 1\,261$; 514 — печатных анкет, 747 — электронных).

Целесообразно проводить анализ человеческого капитала исключительно экономически активного населения (поскольку основу теории составляет положительная связь с доходом), поэтому выборочная совокупность репрезентирует работающее население региона старше 18 лет, 43% мужчин и 57% женщин.

Вопросы, использованные при сборе данных и привлеченные к анализу в статье, представлены в Приложении. Для измерения самооффективности и устойчивости использован инструментарий, разработанный Ф. Лутнас (F. Luthans) и соавторами [17], адаптация на русский язык проведена в работе [6]. Для измерения агентности использован стандартный вопрос из исследований социального самочувствия: «В какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит: от Вас самих, от других людей». Итоговые индексы принимали значения от 1 до 6, где 6 — «полностью соответствует мне», 1 — «совсем не соответствует мне» (для самооффективности и устойчивости) и 6 — «полностью зависит от меня», 1 — «полностью зависит от других» (для агентности).

Результаты и обсуждение

На первом этапе анализа было проведено сравнение средних значений полученных индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала по основным социально-демографическим и профессиональным группам (рис. 1-5). Индексы высчитывались как среднее арифметическое от соответствующих вопросов (см. Материалы и методы и Приложение) и принимали значения от 1 до 6.

Различия по полу ожидаемо минимальны, однако в целом мужчины дают более высокие оценки практически всем некогнитивным характеристикам человеческого капитала (рис. 1).

Рис. 1. Средние значения индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала по полу

Fig. 1. Average values of indices of non-cognitive characteristics of human capital by gender

В целом работники среднего возраста (от 31 до 50 лет) дают более высокие самооценки некогнитивных характеристик, чем более молодые (до 30 лет) и старшие (от 51 года; рис. 2). Такой результат кажется закономерным, поскольку именно в этом возрасте профессиональная компетентность достигает пика, тогда как в более ранние периоды жизни она еще только формируется, а в более поздние — начинает снижаться.

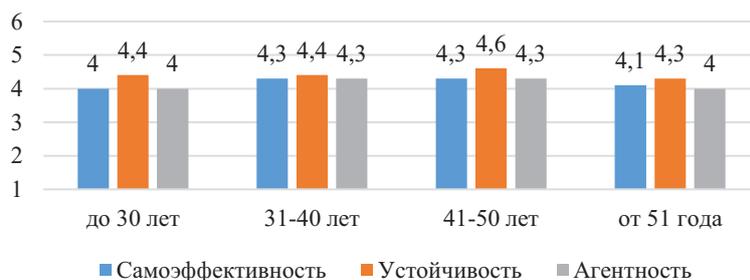

Рис. 2. Средние значения индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала по возрастным группам

Fig. 2. Average values of indices of non-cognitive characteristics of human capital by age groups

Социальные группы с разным уровнем образования обладают достаточно похожими показателями самооэффективности и устойчивости, в то время как средние значения индекса агентности растут вместе с повышением уровня образования (рис. 3). Вероятно, более образованные индивиды имеют более широкие возможности проактивного воздействия на окружающую социальную среду, что согласуется с положениями теории человеческого капитала.

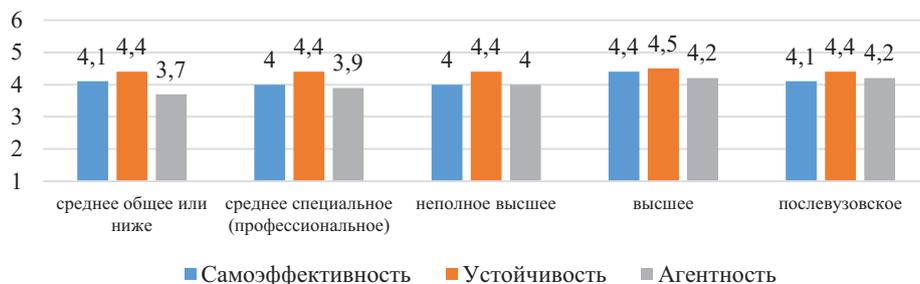

Рис. 3. Средние значения индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала по уровню образования

Fig. 3. Average values of indices of non-cognitive characteristics of human capital by education level

В уровнях самооэффективности, устойчивости и агентности не наблюдается отраслевая специфика (рис. 4). По всей видимости, некогнитивные качества

являются по своей сути универсальными, та или иная сфера профессиональной деятельности не формирует особого спроса на них.

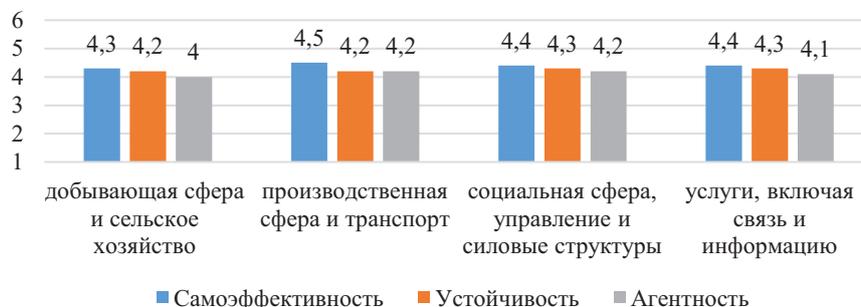

Рис. 4. Средние значения индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала по отрасли занятости

Fig. 4. Average values of indices of non-cognitive characteristics of human capital by employment sector

Значения некогнитивных характеристик человеческого капитала отличаются в зависимости от наличия/отсутствия подчиненных, а также по мере увеличения их количества (рис. 5). Можно заметить, что по мере увеличения количества подчиненных растут значения индексов всех трех некогнитивных характеристик. Отдельный интерес вызывает то, что у очень крупных руководителей эти значения ниже. Вероятно, сверхвысокий уровень ответственности вынуждает их предъявлять особенно завышенные требования к собственной компетентности. Исследования показывают, что руководители имеют более развитый человеческий капитал, поскольку их деятельность связана не только с решением собственных задач, но и с управлением работой других людей [18].

Рис. 5. Средние значения индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала по наличию и числу подчиненных

Fig. 5. Average values of indices of non-cognitive characteristics of human capital by the presence and number of subordinates

В целом можно сказать, что некогнитивные качества по-разному проявляются у представителей различных социально-демографических, профессиональных и статусных групп, но такие различия невелики, а их системная интерпретация затруднительна.

В этой связи далее был проведен анализ корреляций некогнитивных характеристик человеческого капитала с субъективными и объективными показателями жизненных достижений (рис. 6).

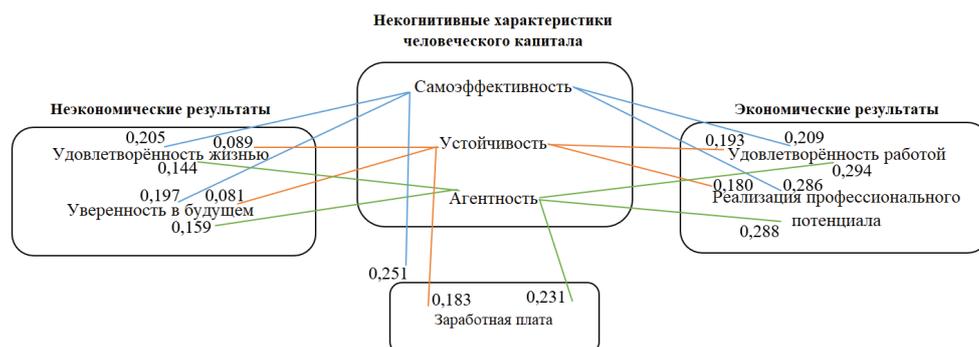

Рис. 6. Матрица корреляций некогнитивных характеристик человеческого капитала с показателями жизненного успеха

Fig. 6. Matrix of correlations of non-cognitive characteristics of human capital with indicators of life success

Примечание: все корреляции значимы на уровне $p < 0,01$.

Note: all correlations are significant at the $p < 0.01$ level.

Было выявлено, что все показатели жизненных результатов статистически значимо коррелируют со значениями индексов некогнитивных характеристик человеческого капитала.

Можно заметить, что корреляции между экономическими достижениями (удовлетворенность работой, реализация профессионального потенциала) выше, чем корреляции с неэкономическими достижениями (удовлетворенность жизнью, уверенность в будущем). Это может свидетельствовать о том, что некогнитивные качества более «востребованы» в профессиональной (рабочей) деятельности, чем в остальных сферах жизни.

Наиболее сильные корреляции наблюдаются по показателю самооффективности, которая признается важной детерминантой производительности труда во многих исследованиях [10]. Агентность также показала заметные корреляции с жизненными успехами работающего населения региона. Способность к самостоятельному индивидуальному инициативному действию оказывается значимой для обеспечения личной продуктивности (в том числе в период кризиса [8]). Корреляции устойчивости с достижениями оказались наименьшими; это может означать, что способность противостоять трудностям и испытаниям сама по

себе перестала быть чем-то особенным и является теперь «обязательным требованием», которое рынок труда и сама жизнь предъявляет к современному человеку.

Наконец, можно видеть положительную корреляцию между самооффективностью, устойчивостью, агентностью и заработной платой. Это позволяет говорить о том, что некогнитивные качества действительно могут стимулировать капитализацию профессиональной квалификации.

Таким образом, на основании проведенного анализа были получены статистически значимые подтверждения того, что индивиды, которые более уверены в своих силах при решении рабочих задач, настойчивы в достижении профессиональных целей и самостоятельны в своих действиях, демонстрируют не только более высокие субъективные оценки жизненных достижений, но и имеют более высокую заработную плату.

Полученные результаты в целом соответствуют данным исследований российских и зарубежных авторов (как в плоскости экономических, так и неэкономических жизненных достижений).

Так, Е. В. Гимпельсон и др. пишут, что более образованные люди имеют более выраженную склонность принимать внутреннюю ответственность за события своей жизни (внутренний локус контроля) [2]. В свою очередь, М. А. Максимова утверждает, что существует тесная связь на индивидуальном и групповом уровне между заработной платой и «некогнитивными способностями». При этом добросовестность является ведущим фактором роста заработной платы мужчин, в то время как женщины получают большую отдачу от открытости, способности прийти к согласию, экстраверсии [19].

Г. Ф. Ромашкина и др. приходят к выводу о том, что социально-психологические свойства личности могут объяснять вариации признаков, отражающих социально-экономические достижения людей (наличие и количество подчиненных, удовлетворенность местом работы) [6]. Пяйвикки Йяскеля (Päivikki Jääskelä) и др. разработали собственный инструментарий и провели эмпирическое исследование, которое показало, что интерес, уверенность в собственной компетентности и активность являются важными факторами агентности студентов колледжей, что проявляется в их результатах в образовательной деятельности и жизни в целом [20]. Исследование К. Мадриза (C. Madriz) и др. показало, что самооффективность имеет не меньшее значение для вовлечения в предпринимательскую деятельность, чем специальные знания. В частности, индивид, имеющий представление о том, что он обладает необходимыми для управления бизнесом компетенциями, с большей вероятностью начинает свое дело [18].

Заключение

В рамках социологического подхода некогнитивные характеристики человеческого капитала могут быть интерпретированы как социальные установки, влияющие на саморегуляцию поведения в рабочей деятельности, определяющие способность и готовность индивида капитализировать имеющиеся знания и навыки.

Данное исследование показало наличие положительной связи между жизненными достижениями и некогнитивными характеристиками человеческого капитала, что в целом соответствует выводам, представленным в зарубежной и российской литературе по данной тематике: самоэффективность, устойчивость и агентность могут оказывать важное влияние на трудовое и экономическое поведение человека.

Ограничения исследования обусловлены данными. Социально-личностные качества были измерены однократно, что не позволяет говорить о постоянном характере полученных результатов. В случае использования панельных данных можно будет сделать более точные выводы. Кроме того, будущие исследования могут быть сосредоточены на отраслевых и возрастных особенностях изучаемой проблемы.

Наконец, данное исследование предпринимает попытку подсветить значимость проблематики некогнитивных характеристик человеческого капитала для социологических и экономических изысканий. В настоящий момент в российском академическом дискурсе такая постановка вопроса является достаточно мало изученной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волченко Т. В. Влияние некогнитивных характеристик сотрудника на принятие решения о добровольном увольнении / Т. В. Волченко, Л. С. Ружанская, М. А. Фокеев // Управленец. 2021. Том 12. № 2. С. 87-101. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-2-7
2. Гимпельсон В. Е. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные / В. Е. Гимпельсон, А. А. Зудина, Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5-31. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-5-31
3. Красова Е. В. Достижения на фоне проблем: к 60-летию теории человеческого капитала / Е. В. Красова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. № 4. С. 7-14. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-4-7-14
4. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) / Ю. В. Латов // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161-175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11
5. Попов Д. С. Человеческий капитал в России: точность измерения и ограничения подхода / Д. С. Попов // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 27-38. DOI: 10.31857/S013216250010466-5
6. Ромашкина Г. Ф. Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической проверки комплексного инструментария / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова, И. Ф. Печеркина // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 3 (13). С. 8-32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
8. Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта / П. С. Сорокин,

- А. В. Зыкова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216-241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858
9. Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян / Н. Е. Тихонова // Вестник Института социологии. 2018. Том 9. № 4. С. 11-43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536
  10. Alhadabi A. Grit, self-efficacy, achievement orientation goals, and academic performance in University students / A. Alhadabi, A. C. Karpinski // International Journal of Adolescence and Youth. 2019. Vol. 25, no. 1, pp. 519-535. DOI: 10.1080/02673843.2019.1679202
  11. Cid D. T. Psychological Capital Questionnaire (PCQ-24): Preliminary Evidence of Psychometric Validity of the Brazilian Version / D. T. Cid, M. C. F. Martins, M. Dias, A. C. F. Fidelis // Psico-USF. 2020. № 25 (1). Pp. 63-74. DOI: 10.1590/1413-82712020250106
  12. Duckworth A. L. Measurement Matters: assessing personal qualities other than cognitive ability for educational purposes / A. L. Duckworth, D. S. Yeager // Educational Researcher. 2015. № 44 (4). Pp. 237-251. DOI: 10.3102/0013189x15584327
  13. Garcia-Perez A. Human Capital Competence and Proficiency / A. Garcia-Perez, J. G. Cegarra-Navarro, D. Bedford, M. Thomas, S. Wakabayashi // Critical Capabilities and Competencies for Knowledge Organizations. 2019. Pp. 161-172. DOI: 10.1108/978-1-78973-767-720191015
  14. Heckman J. J. Hard evidence on soft skills / J. J. Heckman, T. Kautz // Labour Economics. 2012. № 19 (4). Pp. 451-464. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.05.014
  15. Kautz T. Fostering and measuring skills: Improving cognitive and non-cognitive skills to promote lifetime success / T. Kautz, J. J. Heckman, R. Diris, B. Ter Weel, L. Borghans // NBER Working Paper w20749. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 2014. 91 pp.
  16. Levine R. Smart and illicit: who becomes an entrepreneur and do they earn more? / R. Levine, Y. Rubinstein // NBER Working Paper 19276. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 2013. 73 pp.
  17. Luthans F. Developing the Psychological Capital of Resiliency / F. Luthans, G. R. Vogelgesang, P. B. Lester // Human Resource Development Review. 2006. Vol. 5. № 1. Pp. 25-44. DOI: 10.1177/11534484305285335
  18. Madriz C. Human and social capital as drivers of entrepreneurship / C. Madriz, J. C. Leiva, R. Henn // Small Business International Review. 2018. № 2 (1). Pp. 29-42. DOI: 10.26784/sbir.v2i1.47
  19. Maksimova M. A. The return to non-cognitive skills on the Russian labor market / M. A. Maksimova // Applied Econometrics. 2019. № 53. Pp. 55-72.
  20. Päivikki J. Assessing agency of university students: validation of the AUS Scale / P. Jääskelä, A.-M. Poikkeus, K. Vasalampi, U. M. Valleala, H. Rasku-Puttonen // Studies in Higher Education. 2016. Vol. 42. No. 11. Pp. 2061-2079. DOI: 10.1080/03075079.2015.1130693
  21. Yao J. Study on the Influence of Non-cognitive Competence on Job Satisfaction of Post-90s Employees in China / J. Yao // International Journal of Economic Behavior and Organization. 2021. Vol. 9. № 1. Pp. 1-9. DOI: 10.11648/j.ijebo.20210901.11

Приложение. Инструментарий исследования
Appendix. Research questions

Самоэффективность (self-efficacy)

1. На совещании с руководством я могу уверенно рассказывать о своей рабочей деятельности.
2. Я чувствую себя уверенно, представляя информацию группе коллег.
3. Обсуждая настоящее и будущее развитие компании на совещании, я чувствую себя уверенно.

Устойчивость (resilience)

1. Обычно я спокойно отношусь к стрессовым ситуациям на работе.
2. Если на работе мне придется столкнуться с трудностями, я их преодолею.
3. При необходимости я смогу выполнить рабочую задачу самостоятельно.

Агентность (agency)

1. Улучшение моей жизни зависит сегодня от меня самого.
2. Улучшение моей жизни зависит сегодня от других людей.

Показатели жизненных достижений

1. Насколько Вы сегодня удовлетворены своей жизнью в целом? (1 — полностью удовлетворен; 2 — скорее удовлетворен; 3 — и да, и нет; 4 — скорее не удовлетворен; 5 — не удовлетворен).
2. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем? (1 — полностью уверен; 2 — скорее уверен; 3 — и да, и нет; 4 — скорее не уверен; 5 — не уверен).
3. Насколько Вы удовлетворены Вашей работой (1 — полностью удовлетворен; 2 — скорее удовлетворен; 3 — и да, и нет; 4 — скорее не удовлетворен; 5 — не удовлетворен).
4. Оцените по 100 бальной шкале насколько полно (в %) на нынешней работе Вы реализуете свой профессиональный потенциал? (от 0% до 100%).
5. Укажите Ваш совокупный среднемесячный доход (после вычета всех налогов) в тысячах рублей.

Roman R. KHUZIAKHMETOV¹

UDC 314.174

NON-COGNITIVE CHARACTERISTICS OF HUMAN CAPITAL AND LIFE OUTCOMES*

¹ Assistant, Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
r_o_m_a_n_14@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0850-4716

Abstract

The modern theory of human capital no longer interprets education, professional qualifications, and work experience as the only sources of income and labor productivity. There is a growing interest in the research of non-cognitive characteristics of human capital, which represent the socio-psychological qualities of an individual that affect the capitalization of knowledge and skills. The author focuses on such non-cognitive characteristics of human capital as self-efficacy, resilience, and agency.

The article aims to analyze the relationship between non-cognitive characteristics of human capital and indicators of individual achievement (economic and non-economic). Applied descriptive sociological research is conducted in accordance with the positivist paradigm. Frequency distributions, comparison of averages, and correlation method are used in data analysis. The sampling represents the working population of the region (n = 1 261).

The results show that self-efficacy, resilience and agency are represented differently in various socio-demographic, professional and status groups, but these differences are small. Life results are statistically significantly correlated with the values of the indices of non-cognitive characteristics of human capital. Correlations between economic achievements

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no 20-311-90019 “Non-cognitive human capital in the regional labor market: generational features”).

Citation: Khuziakhmetov R. R. 2022. “Non-cognitive characteristics of human capital and life outcomes”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 43-57. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-43-57

(job satisfaction, professional fulfillment) are higher than correlations with non-economic achievements (life satisfaction, confidence in the future).

The author concludes that individuals demonstrate not only higher subjective assessments of life achievements, but also have higher wages if they are more confident in their abilities when solving work tasks, persistent in achieving professional goals, and independent in their activity.

Keywords

Human capital, non-cognitive, self-efficacy, resilience, agency, attitudes, labor productivity.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-_-_-

REFERENCES

1. Volchenko T. V., Ruzhanskaya L. S., Fokeev M. A. 2021. "Non-cognitive skills of employees and their influence on voluntary turnover". *Upravlenets — The Manager*, vol. 12, no. 2, pp. 87-101. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-2-7 [In Russian]
2. Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapeliushnikov R. I. 2020. "Non-cognitive components of human capital: Evidence from Russian data". *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 5-31. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-5-31 [In Russian]
3. Krasova E. V. 2021. "Achievements against problems: for 60th anniversary of human capital theory". *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, no. 4, pp. 7-14. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-4-7-14 [In Russian]
4. Latov Yu. V. 2021. "Institutional Trust as a Social Capital in Modern Russia (on the Results of Monitoring)". *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 161-175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11 [In Russian]
5. Popov D. S. 2020. "Human Capital in Russia: Measurement Accuracy and Limitations of the Method". *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, no. 11, pp. 27-38. DOI: 10.31857/S013216250010466-5 [In Russian]
6. Romashkina G. F., Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V., Pecherkin I. F. 2020. "Human capital study: experience of empirical testing of complex tools". *Siberian Socium*, vol. 4, no. 3 (13), pp. 8-32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32 [In Russian]
7. Self-Regulation and Forecasting of a Person's Social Behavior: A Dispositional Concept. 2013. 2nd extended edition. Moscow: Centre for social forecasting and marketing. 376 pp. [In Russian]
8. Sorokin P. S., Zykova A. V. 2021. "'Transformative Agency' as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5, pp. 216-241. DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1858 [In Russian]
9. Tikhonova N. E. 2018. "Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russian". *Vestnik Instituta Sotsiologii*, vol. 9, no. 4, pp. 11-43. DOI: 10.19181/vis.2018.27.4.536 [In Russian]
10. Alhadabi A., Karpinski A. C. 2019. "Grit, self-efficacy, achievement orientation goals, and academic performance in University students". *International Journal of Adolescence and Youth*, vol. 25, no. 1, pp. 519-535. DOI: 10.1080/02673843.2019.1679202

11. Cid D. T., Martins M. C. F., Dias M., Fidelis A. C. F. 2020. "Psychological Capital Questionnaire (PCQ-24): Preliminary Evidence of Psychometric Validity of the Brazilian Version". *Psico-USF*, no. 25 (1), pp. 63-74. DOI: 10.1590/1413-82712020250106
12. Duckworth A. L., Yeager D. S. 2015. "Measurement Matters: assessing personal qualities other than cognitive ability for educational purposes". *Educational Researcher*, no. 44 (4), pp. 237-251. DOI: 10.3102/0013189x15584327
13. Garcia-Perez A., Cegarra-Navarro J. G., Bedford D., Thomas M., Wakabayashi S. 2019. "Human Capital Competence and Proficiency". In: *Critical Capabilities and Competencies for Knowledge Organizations*, pp. 161-172. DOI: 10.1108/978-1-78973-767-720191015
14. Heckman J. J., Kautz T. 2012. "Hard evidence on soft skills". *Labour Economics*, no. 19 (4), pp. 451-464. DOI: 10.1016/j.labeco.2012.05.014
15. Kautz T., Heckman J. J., Diris R., Ter Weel B., Borghans L. 2014. "Fostering and measuring skills: improving cognitive and non-cognitive skills to promote lifetime success". NBER Working Paper w20749. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 91 pp.
16. Levine R., Rubinstein Y. 2013. "Smart and illicit: who becomes an entrepreneur and do they earn more?". NBER Working Paper 19276. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. 73 pp.
17. Luthans F., Vogelgesang G. R., Lester P. B. 2006. "Developing the Psychological Capital of Resiliency". *Human Resource Development Review*, vol. 5, no. 1, pp. 25-44. DOI: 10.1177/11534484305285335
18. Madriz C., Leiva J. C., Henn, R. 2018. "Human and social capital as drivers of entrepreneurship". *Small Business International Review*, no. 2 (1), pp. 29-42. DOI: 10.26784/sbir.v2i1.47
19. Maksimova M. A. 2019. "The return to non-cognitive skills on the Russian labor market". *Applied Econometrics*, no. 53, pp. 55-72.
20. Päivikki J., Poikkeus A.-M., Vasalampi K., Valleala U. M., Rasku-Puttonen H. 2016. "Assessing agency of university students: validation of the AUS Scale". *Studies in Higher Education*, vol. 42, no. 11, pp. 2061-2079. DOI: 10.1080/03075079.2015.1130693
21. Yao J. 2021. "Study on the Influence of Non-cognitive Competence on Job Satisfaction of Post-90s Employees in China". *International Journal of Economic Behavior and Organization*, vol. 9, no. 1, pp. 1-9. DOI: 10.11648/j.ijebo.20210901.11

ПРАВО

Наталья Петровна НОСОВА¹
Дмитрий Леонидович САВЕЛЬЕВ²
Ольга Владимировна АЛИЕВА³

УДК 342.25

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

¹ доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного и муниципального управления,
Тюменский государственный университет
n.p.nosova@utmn.ru

² кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального управления,
Тюменский государственный университет
d.l.savelev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-4890-1217

³ кандидат юридических наук, заведующий
кафедрой государственного и муниципального управления,
Тюменский государственный университет
o.v.alieva@utmn.ru

Аннотация

Статья посвящена аналитическому исследованию изменений, произошедших в результате реформирования основного закона Российской Федерации. Авторы рассматривают современную конституционную реформу как комплексную системную модернизацию

Цитирование: Носова Н. П. Конституционная модернизация института местного самоуправления в Российской Федерации (историко-правовой аспект) / Н. П. Носова, Д. Л. Савельев, О. В. Алиева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 58-75. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-58-75

не только органов публичного управления, но и общественного развития страны в целом. Проблема исследуется в методологии историко-правового дискурса. В рамках заявленной темы анализируется историческая динамика конституционных изменений и оценок института местного самоуправления в России. Авторы исторически последовательно характеризуют развитие теоретических воззрений на проблемы изучаемого института, особенности реализации местного самоуправления и его взаимодействие с органами государства на разных этапах исторического развития. В статье проанализированы позиции советского конституционализма в сфере публичного управления, а также предпринята попытка оценки современного состояния и тенденций модернизации в связи с внесением последних поправок в российскую Конституцию.

Проведенный анализ показал, что сформированная современная система местного самоуправления — это результат длительного исторического развития российского общества, в котором нашли свое отражение социально-культурные, политические и экономические особенности как локальных территорий, так и государства в целом. Конституционное закрепление понятия «единая система публичного управления» основывается на ключевой идее о том, что выстраивание единой системы публичной власти в российских условиях может получить поступательное развитие и быть успешно реализованным только в рамках установления нового баланса разграничения полномочий между всеми уровнями власти и их взаимодействия на основе конструктивного диалога. Авторы приходят к выводу, что объективная и системная оценка изменения статуса органов местного самоуправления в обновленной структуре публичной власти может быть в полной мере реализована только после завершения процесса пересмотра федерального и регионального законодательства исходя из содержания норм обновленной Конституции, и их дальнейшего применения на практике.

Ключевые слова

Государственная власть, местное самоуправление, органы публичной власти, субсидиарность, Конституция РФ, конституционная модернизация, публичное управление, местное самоуправление.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-58-75

Введение

Современную конституционную реформу в Российской Федерации можно рассматривать в качестве комплексной системной реформы. И не только в деятельности органов публичного управления, но и в общественном развитии страны в целом. Думается, что реформа прежде всего направлена на формирование принципиально новой парадигмы публичного управления — парадигмы, приоритетно нацеленной на повышение качества жизни населения и эффективности самого публичного управления.

С этой точки зрения важные и серьезные изменения, которые были внесены в главу 8 российской Конституции, определили по сути дальнейшее развитие всего публичного управления и местного самоуправления как его составляющей.

Да, теперь местное самоуправление в первую очередь следует рассматривать именно так. Ведь за основу блока конституционных поправок взята идея о единстве двух компонентов публичной власти — государственной и муниципальной как единой вертикально интегрированной системы органов.

Конституционное закрепление тезиса о единстве публичной власти не могло остаться незамеченным и стало мотивацией для широкого круга дискуссий не только в научно-теоретическом плане, но и в рамках анализа, отражающего практику взаимодействия органов публичной власти, по вопросам осуществления компетенций, возложенных на эти органы.

История развития и институционализации демократических элементов в системе российского публичного управления, к числу которых относятся и различные формы самоуправления, самоорганизации населения, достаточно ярко демонстрирует и свидетельствует о том, что интересы верховной власти нередко, а то и часто, превалировали над интересами общественными.

Многочисленные с разной степенью успешности попытки модернизации власти, направленные на расширение форм общественного участия и создание эффективно действующих институтов гражданского общества, сталкивались с объективной необходимостью осуществления стратегии «сильного государства», обусловленную факторами внешней и/или внутренней самоизоляции.

Особое место в рамках модернизационных процессов, затронувших российское государство, занимают те, которые направлены на формирование оптимальной не только для задач сегодняшнего дня, но и для будущих перспектив и целей, модели публичного управления. Центральный элемент данной модели (если таковая возможна) предусматривает нахождение и сохранение баланса между достаточно сильной верховной властью, деятельность которой базируется на нормах права, и системой самоорганизации граждан, воплощающейся в концепции местного самоуправления.

Методы

Идея единства двух уровней публичной власти, как и, собственно, природы местного самоуправления, не просто не нова, она имеет достаточно долгую историческую эволюцию.

В начале XX столетия в политико-правовой литературе возобладала «государственная» трактовка понятия местного самоуправления.

Обоснованием данной позиции служило мнение, что органы власти, действующие в рамках локальных территорий и имеющие статус «местных органов», наделяются полномочиями самим государством. В силу этого характер властных функций местных органов является прямым продолжением государственной власти, и, следовательно, отсутствуют основания для противопоставления государственных и местных властных структур, которые по сути являются единым целым.

Одним из утвердившихся отечественных подходов к оценке содержания местного самоуправления, который сформировался в 70-е гг. XIX в., стала «го-

сударственная» теория, активно разрабатывавшаяся в трудах В. П. Безобразова, А. Д. Градовского, Н. И. Лазаревского, Б. Н. Чичерина.

Отмечая наличие права органами местной власти осуществлять «управление в области администрации, юстиции, налогов от государства и по государственным законам» [4, с. 41] делался логический вывод о единстве системы управления и отсутствии особого статуса местных властных структур.

Резюмируем, что приверженцы государственной теории рассматривают понятие «местное самоуправление» как относительную категорию, содержательный смысл которой может быть раскрыт только через анализ содержания и характеристик понятия «центральное управление».

Трактовка местного управления как специфической разновидности публичной власти, но при этом неотъемлемой составляющей системы государственного управления, должна исходить из принципа приоритетной роли государства в определении содержания деятельности и самой структуры местной власти.

Нельзя не отметить, что реализация «государственного» подхода к формированию системы местного самоуправления предполагает не один вариант взаимоотношений центральных и местных органов власти: государство в полном объеме контролирует деятельность органов местного самоуправления либо местное сообщество, получая право на формирование собственных органов управления, находится под «наблюдением» государственного служащего, выполняющего функции внешнего аудитора.

Самоуправление в рамках подобной интерпретации рассматривается как право, дарованное верховной властью отдельным элементам социально-политической системы (отдельным территориальным образованиям, сублокальным территориям, корпорациям, общинным и сословным объединениям) на самостоятельное управление, исходя из собственных экономических, административных и иных интересов, «но под контролем агентов правительственной власти» [9, с. 93].

По мнению А. Д. Градовского, совокупность органов власти на местах и содержание их деятельности представляет собой систему, функционирование которой базируется на принципах «внутреннего управления, при которой государство передает некоторые из своих задач в руки местного населения». Следовательно, проблематика содержания самоуправления на местах не должна рассматриваться сквозь призму противопоставления двух институций — государства в лице органов власти и локальных управленческих структур, выражающих интересы местных сообществ. Задача сводится к необходимости эффективного и последовательного распределения «дел в самой правительственной сфере» [6].

Другой теоретик местного самоуправления В. П. Безобразов считал, что создаваемые в тот период земства как сословно-представительные органы обеспечивали реализацию двух групп властных функций — отдельных полномочий государственных органов и решали задачи управления местным хозяйством [1].

Антитезой «государственной» теории местного самоуправления выступает «общественная» (хозяйственная) теория самоуправления, в основе которой заложен тезис о противопоставлении двух сфер политических и экономических отношений — государственной и общественной. Различия в институциональной организации и самоорганизации проистекают из разности, а в ряде случаев и антагонизме, интересов государства и местных сообществ.

Сущностные характеристики местного самоуправления в трактовке «общественников» основаны на убеждении необходимости расширения прав местных сообществ на самостоятельное управление своими общественными интересами при «сохранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами» [18, с. 489]. Реализация такого подхода создает предпосылки для повышения эффективности деятельности государственных структур за счет передачи полномочий связанных с решением частных задач жизнедеятельности граждан на низовой уровень управления. Децентрализация системы управления в этой конфигурации власти предусматривает и сокращение государственных расходов на осуществление деятельности по решению «местных вопросов», что рассматривается как прерогатива местного сообщества и местных властей. Подходы, закрепленные в «общественной» теории местного самоуправления, были взяты за основу составителями русского городского Положения 1870 г. [5].

Именно эти воззрения дали толчок развитию теории местного самоуправления в России, которую часто называют общественно-хозяйственной. Концептуально общественная и общественно-хозяйственная теории практически схожи. А. И. Васильчиков [3], В. Н. Лешков [20], подчеркивая разность сфер деятельности и организационных форм функционирования государственных и местных органов, настаивали на законодательном определении круга полномочий, передаваемых местным структурам.

При этом особое внимание при оценке эффективности функционирования самоуправления отводилось реальной независимости и самостоятельности местных органов от органов государственной власти. Как справедливо отмечал Н. И. Лазаревский, положительный эффект самоуправления в рамках административной деятельности проявляется лишь в ситуации, когда органы государственной власти предоставляют местным структурам реальные полномочия и минимизируют свое вмешательство в их деятельность [19, с. 47]. Особое внимание должно уделяться созданию механизмов позволяющих обеспечить действительную реализацию полномочий органами местной власти исключая неформальные практики влияния со стороны государственных органов.

Размышляя о будущем конституционном устройстве страны, передовые общественные деятели ратовали за расширение самостоятельности местных органов, формирование народного представительства и привлечению местных органов к участию в делах государства.

Теоретические представления российских ученых второй половины XIX в. заложили основные векторы научно-теоретического анализа природы и содержательных характеристик местного самоуправления на длительную перспекти-

ву. Выдвинутые и получившие всестороннее обоснование идеи относительно сущности местного самоуправления остаются актуальными и в XXI столетии с учетом социально-политических и экономических сдвигов, оказавших существенное влияние на развитие системы местного самоуправления в XX в.

Октябрьский переворот 1917 г. положил начало формированию новой конфигурации государственного управления, основанной на многоуровневой системе Советов депутатов трудящихся и солдат как представительных органов. При этом основополагающий принцип «советской» формы власти, предусматривал жесткую соподчиненность Советов, которые сверху донизу образовали единую вертикаль государственной власти.

Начальный этап формирования нового механизма управления предусматривал укрепление и развитие Советов как органов власти, альтернативой которым выступали городские думы и земские управы. Противостояние земств и Советов как двух организационных форм представительства интересов населения на местах фактически начинает сворачиваться с января 1918 г. В директиве НКВД РСФСР закреплялся тезис о запрете деятельности земских и городских органов управления и передачи властных полномочий Советам. При этом Советам рекомендовалось активно привлекать в свой состав кадровые ресурсы земских учреждений.

Конституция РСФСР 1918 г. закрепила систему Советов [16]. В качестве высшего органа власти в рамках сложившегося административно-территориального деления страны выступали съезды советов. Исполнительные и распорядительные функции между съездами Советов возлагались на их исполнительные комитеты.

Внутренняя организационная структура исполнительных комитетов предусматривала создание отделов, сформированных по отраслевому принципу и имевших «двойное подчинение» — Советам на местах с одной стороны и соответствующему центральному наркомату с другой [17].

Этот принцип сохранился и в Конституции 1924 г. [14], закрепившей принципы управления новым государственным образованием — СССР.

Конституция СССР 1936 г. изменила административно-территориальное деление страны, но в основе государственного устройства по-прежнему лежала советская система представительных органов всех уровней [14].

Принятие Конституции СССР 1977 г. [11] предусматривало ряд изменений в статусе и организационных принципах деятельности Советов. Советы были переименованы в Советы народных депутатов, изменились сроки их полномочий. Вместе с тем положения Конституции 1977 г. не только сохранили сформированные ранее принципы организации системы государственного управления, предусматривающие особую роль партийных структур, но еще более усилили роль последних в системе реализации государственно-управленческих функций. Ярко проявившаяся тенденция на централизацию партийно-государственного аппарата означала снижение роли Советов при рассмотрении и принятии управленческих решений, фактически поставив их под контроль партийной номенклатуры. Данная конфигурация политической власти сохранялась вплоть до конца 1980-х гг.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. возрастает внимание к проблемам местного самоуправления, основанным на признании необходимости изменения направленности организации местной власти, предусматривающей переход от командно-административных к экономическим методам управления. Особое внимание с точки зрения теории и практики функционирования местного самоуправления приобретает проблематика реформирования системы местных Советов и переоценки содержания и основных направлений их деятельности [7].

Попытки реформирования системы управления на местах возродили споры между «государственниками» и приверженцами «общественной теории», но уже на новом витке развития исторического процесса.

В рамках развернувшихся дискуссий была предпринята попытка переосмыслить двойственный характер советской системы местного самоуправления с позиции расширения роли местных Советов в рамках общей политики демократизации за счет новых организационных форм общественной самодеятельности и территориального самоуправления [13].

Сторонники возможной контролируемой трансформации Советов местных депутатов «из органов государственной власти в органы местного самоуправления» [24] полагали, что правовой основой подобных изменений станут новые законодательные акты — Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР» 1990 г. [10] и Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» 1991 г. Содержание этих законов стало важным шагом в изменении подходов к трактовке понятия «местное самоуправление», принципов и границ его осуществления.

Фактически была предпринята попытка обосновать необходимость поэтапного разграничения системы органов государственной власти и местного самоуправления. Последние, по замыслу реформаторов, должны были получить широкий круг полномочий по самостоятельному решению локальных вопросов.

Однако реальная оценка финансово-экономических возможностей и степень политической самостоятельности Советов ставили под сомнение реализуемость такого подхода. Отказ от сложившейся вертикали государственной власти на основе системы Советов народных депутатов рассматривался рядом авторов как преждевременный шаг. Социальные и политические реалии иллюстрировали целый ряд объективных ограничений, отражающих невозможность «сконструировать местное самоуправление так, чтобы оно было абсолютно свободно от государственной политики» [2, с. 49].

Переломным моментом в развернувшихся дискуссиях стало принятие Конституции РФ в декабре 1993 г. [15], которая определила местное самоуправление как самостоятельный уровень власти с одновременным закреплением самостоятельного статуса органов местного самоуправления.

В рамках демократического транзита начала 1990-х гг. в политическом и общественном сознании происходит закрепление нового взгляда на содержание местного самоуправления.

Непосредственная реализация демократических принципов политического управления, развитие институтов гражданского общества рассматривается

в контексте максимальной самостоятельности системы местного самоуправления и закреплении ее статуса в качестве самостоятельного властного публичного института.

Правовая и организационная основа российской модели муниципального управления отталкивается от принципов, которые содержатся в Европейской Хартии местного самоуправления.

Под местным самоуправлением в Хартии понимается «право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» [8].

В рамках подобного подхода создаются предпосылки и правовые гарантии для вовлечения граждан в систему публичного управления, основанную на принципах демократизации общественных отношений и децентрализации при принятии управленческих решений исходя из интересов местного сообщества. При этом органам местной власти предоставляются реальные полномочия в рамках решения вопросов развития локальных территорий на основе действующего законодательства.

Взаимодействие государства и институтов гражданского общества, к числу которых можно отнести местное самоуправление, исходит из понимания местного самоуправления не просто как основы демократического строя, но как уровня публичной власти, который позволяет непосредственно осуществить право граждан на участие в управлении государственными делами. Государство же рассматривается как политический институт, обеспечивающий реализацию законных прав граждан.

Фактическая рецепция принципов и подходов к организации местного самоуправления содержащихся в Европейской хартии местного самоуправления нашла свое отражение как в Конституции РФ, так и в федеральном законе № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (опубликован и вступил в силу 1 сентября 1995 г.) [25].

Важно подчеркнуть, что при определении подходов к принципам организации системы муниципальной власти нормы федерального закона 1995 г. четко коррелируются с нормами статьи 72 Конституции РФ.

Артикуляция общих принципов организации местного самоуправления является предметом совместного ведения РФ и ее субъектов. Реализация такого подхода фактически предусматривает, что на уровне федерального законодательства определяются общие рамки организации системы местного самоуправления, а на уровне регионального законодательства закрепляются особенности организации этой системы, исходя из исторических и иных традиций региона, сложившихся практик и подходов к организации местной власти в субъекте.

Однако, как показывает анализ практики применения норм Федерального закона на уровне субъектов РФ, особенности и традиции участия граждан в местном самоуправлении не нашли должного отражения в правовых актах

регионального уровня. Значимым пробелом является отсутствие четкого закрепления форм ответственности местной власти перед гражданами и государственными структурами, а также отсутствие структурированной системы мер контроля за деятельностью должностных лиц в рамках принятия и реализации управленческих решений.

Однако, несмотря на имевшиеся пробелы, именно положения упомянутого закона заложили общие подходы к финансово-экономическому обеспечению деятельности местных сообществ в рамках решения вопросов местного значения, закрепив за муниципальными образованияами право на собственные источники финансовых поступлений и возможность осуществления экономической деятельности за счет использования муниципальной собственности.

Новый этап развития системы местного самоуправления в России был обусловлен принятием 6 октября 2003 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ [26]

Содержание принципиально переработанного федерального закона 1995 г. (а фактически нового закона) в определенной степени направлено на преодоление тех противоречий и проблем развития местного самоуправления, которые проявились в ходе его реализации. Прежде всего хотелось бы отметить направленность норм нового закона на повышение статуса и расширения функций представительных органов власти.

Может показаться, что тенденции на усиление регламентации и детализации функционирования органов местного самоуправления со стороны федеральных структур, четко проявившиеся в федеральном законе № 131-ФЗ, в определенной степени сокращают возможности влияния на содержание деятельности муниципальных органов региональными органами. Однако в рамках практической реализации положений федерального закона зависимость муниципальных властей от региональных органов сложно переоценить. Особенно ярко такая зависимость проявляется в вопросах межбюджетных отношений и территориальной организации местного самоуправления в рамках субъекта РФ.

Конституционная норма постулирует, организационную обособленность муниципального управления от системы государственной власти. Смысловое содержание данной нормы предусматривает использование муниципальными органами самоуправленческих и координационных механизмов, имманентных системе местного самоуправления и учитывающих особенности локальных систем управления как в границах субъекта федерации, так и в масштабах РФ в целом.

Одним из механизмов, обеспечивающих защиту интересов муниципальных органов в рамках взаимодействия с федеральными и региональными органами, может стать воссоздание и актуализация деятельности объединений муниципальных образований [23], которые выражают консолидированную позицию органов местного самоуправления по наиболее значимым вопросам взаимодействия всех уровней власти.

Значимой новацией стала норма, согласно которой в случае ненадлежащего исполнения полномочий муниципальными исполнительными — распорядительными органами предусмотрена возможность временного исполнения данных полномочий региональными органами власти. При этом следует подчеркнуть, что в законе 2003 г. недостаточно полно прописаны подходы к содержанию форм ответственности муниципальных органов и должностных лиц перед государством.

Можно сделать вывод, что местное самоуправление как форма коллективной реализации населением непосредственно или через органы местного самоуправления права на решение вопросов местного значения фактически интегрируется в общую институциональную систему по реализации публичных функций и задач, осуществляемых органами государственной власти.

Предпринятый выше анализ сложившихся подходов и легальных определений, а также основных направлений практики такого многогранного явления, как местное самоуправление, позволяет понять логику и значение тех изменений и дополнений, которые были внесены в главу 8 российской Конституции. Заметим, что ключевая статья 12 Конституции сохранила ранее закрепленное положение о гарантии осуществления местного самоуправления на территории РФ, самостоятельности в границах установленных полномочий.

Однако, как следует из поправок и дополнений, внесенных в главу восьмую Конституции РФ, принцип самостоятельности и независимости муниципальных органов в рамках взаимодействия с органами государственной власти не рассматривается как незыблемый.

Результаты исследования и их обсуждение

Подход, воспринятый российской властью и ориентированный на формирование единой вертикали публичной власти, закрепленный в новой редакции Конституции, дает возможность государственным структурам федерального и регионального уровней значительно расширить и по собственной инициативе использовать различные организационно-правовые механизмы взаимодействия с муниципальными органами.

Ярким подтверждением расширения полномочий государственных органов в отношении муниципальных структур является норма (статья 131 (часть 1.1) Конституции РФ) предоставляющая возможность органам государственной власти принимать участие в формировании органов местного самоуправления, если это предусмотрено действующим законодательством, а также назначать и освобождать от должности должностных лиц муниципального образования.

Концептуальные позиции конституционной реформы 2020 г. в определенной степени предопределены запросами российского социума к органам публичной власти. Расширение общественного представительства и реальное включение институтов гражданского общества в структуру государственного и муниципального управления, с одной стороны, ориентировано на стабильное функционирование всех институтов публичного управления, а с другой, на максималь-

но эффективное обеспечение удовлетворения социально-экономических и политических потребностей граждан. Согласимся с позицией А. А. Ивановой, что изменения, внесенные в Конституцию РФ, «направлены на прекращение полемики о месте местного самоуправления в системе власти с целью решения проблем на том уровне, на котором оно эффективно для граждан» [12, с. 421-431].

В целом можно утверждать, что фактическое изменение статуса местного самоуправления в системе публичной власти после 2020 г. свидетельствует о преобладании центростремительных тенденций, закреплении вертикально интегрированного подхода в структуре отношений всех уровней власти через введение дефиниции «единая система публичной власти».

Идея единства публичной власти в государстве, заложенная в основу конституционных поправок в части 3 статьи 132 российской Конституции (в обновленной редакции), закрепляет данный принцип: органы местного самоуправления и органы государственной власти рассматриваются в качестве элементов единой системы публичной власти в РФ.

Стратегическая задача, на решение которой направлено данное изменение, заключается в повышении эффективности взаимодействия властных структур в рамках решения задач социального и экономического развития территории в интересах проживающих там граждан.

Категории «публичная власть», «система публичной власти», «государственные органы» упоминаются в обновленных статьях Конституции РФ: часть 1 ст. 67, п. «г» ст. 71, ч. 1 ст. 80, п. «д.5» ст. 83, ч. 3 ст. 131. В то же время основной закон государства не раскрывает определения этой концепции. Закрепление этих понятий в тексте Конституции РФ не означает, что они концептуально меняют функциональную основу взаимодействия органов власти различного уровня. Это проявляется, например, в норме ч. 2 ст. 132 Конституции, согласно которой органы местного самоуправления могут быть наделены федеральным или региональным законом отдельными государственными полномочиями, с предоставлением финансовых и экономических ресурсов, необходимых для их осуществления. В этом случае государство наделено правом контролировать выполнение делегированных полномочий. Полагаем, что на данном этапе развития конституционного права в РФ закрепление развернутого определения «публичная власть» в тексте Конституции не является целесообразным. Конкретизация содержания данного понятия, на наш взгляд, должна найти отражение в федеральном законодательстве, регламентирующем содержание деятельности органов публичной власти. Как показывает практика конкретизация механизмов взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления посредством системы федерального и регионального законодательства позволяет не только очертить сферы деятельности отдельных органов, но и сформировать концептуальные основы формирования единой системы публичного управления.

Таким образом, логическая цепочка, устанавливающая общие принципы формирования публичных органов власти разного уровня, закрепляется в Ос-

новном законе России и определяет статус органов местного самоуправления как части многоуровневой системы публичной власти. При этом принцип разграничения функций и полномочий рассматривается в качестве неотъемлемого элемента единого государственного механизма. В силу этих обстоятельств местное самоуправление может быть эффективным только при условии организационной и правовой гармонизации отношений органов власти различных уровней [21].

Заключение

Как видим из проведенного анализа, непосредственное закрепление принципа единства публичной власти в обновленной редакции соответствующих конституционных положений отражает сложившиеся и в определенной степени институционализированные формы взаимодействия органов власти, нашедшие свое отражение в правореализационной практике.

Сформированная система местного самоуправления — это результат длительного исторического развития российского общества, в котором нашли свое отражение социально-культурные, политические и экономические особенности как локальных территорий, так и государства в целом. В данном контексте современный этап развития местного самоуправления имеет собственные «временные и национальные особенности», которые не обусловлены ни европейскими моделями организации местной власти, ни историческими уроками российских земств [22].

Ключевая идея выстраивания единой системы публичной власти в российских условиях может получить поступательное развитие и быть успешно реализованной только в рамках установления нового баланса разграничения полномочий между всеми уровнями власти и их взаимодействия на основе конструктивного диалога.

Практическое осуществление положений, закрепленных в новой редакции Конституции РФ, во многом будет определяться изменением подходов к проблеме ответственности органов публичной власти и связанной с ней проблемой субсидиарности построения взаимоотношений между государством и местным самоуправлением. Иными словами, принципиальное значение приобретает вопрос разграничения предметов ведения между уровнями управления в рамках единой системы публичной власти — если опираться на тезис о единстве как таковой.

Конституционное закрепление понятия «единая система публичного управления» требует новой оценки проблемы ответственности органов местного самоуправления за результаты осуществляемой деятельности и перед населением, и перед вышестоящим уровнем публичного администрирования. Чему в рамках конституционной нормы практика отдаст предпочтение? Найдет ли она искомый баланс конструктивного взаимодействия между всеми уровнями публичной власти? Или конституционное укрепление вертикали публичной власти станет преобладающим?

Подводя промежуточные итоги введения новелл в Конституцию с точки зрения организации органов государственной власти, можно сделать предположение о дальнейшем укреплении вертикали власти и трансформации органов местного самоуправления в организационном и правовом аспекте в составную часть единого механизма публичного управления.

Объективная и системная оценка изменения статуса органов местного самоуправления в обновленной структуре публичной власти может быть оценено в полной мере только после завершения процесса пересмотра федерального и регионального законодательства исходя из содержания норм обновленной Конституции, и их дальнейшего применения на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление / В. П. Безобразов // Русский вестник. 1874. Апрель. С. 524-273.
2. Васильев В. И. Советы или муниципалитеты? / В. И. Васильев // Народный депутат. 1991. № 16. С. 47-54.
3. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений: в 3 томах / А. И. Васильчиков. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1870. Том 2. 479 с.
4. Гнейст Р. Г. Правовое государство и административные суды Германии / Р. Г. Гнейст. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1896. 371 с.
5. Городовое положение 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Собр. 2. Том XLV. № 48498.
6. Градовский А. Д. Система местного самоуправления на западе Европы и в России / А. Д. Градовский // Сборник государственных знаний / Под ред. В. П. Безобразова. Санкт-Петербург: Издательство Д. Е. Кожанчикова. Т. 5. 460 с.
7. Дьяльнов Г. В. Советы народных депутатов в условиях перестройки / Г. В. Дьяльнов; отв. ред. Ю. А. Макаров. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990. 86 с.
8. Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.). 1985 // Гарант: справочно-правовая система. URL: <http://base.garant.ru/2540485/#ixzz5Oe2XnPC> (дата обращения: 23.09.2021).
9. Еремян В. В. История местного самоуправления России (XII — начало XX века) / В. В. Еремян, М. В. Федоров. М.: Изд-во РУДН, 1999. 295 с.
10. Закон СССР от 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства СССР» // Известия. 1991. 18 февраля.
11. Закон СССР от 7 октября 1977 г. № 6367-IX «О порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) СССР. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/1592893/> (дата обращения: 15.10.2021).
12. Иванова А. А. Конституционное закрепление местного самоуправления: теоретико-правовой подход / А. А. Иванова // Вестник Удмуртского университета. 2021. Том 31. Вып. 3. С. 421-431.
13. Кашо В. С. Органы территориального общественного самоуправления / В. С. Кашо, В. Т. Прохоров // Государство и право. 1992. № 7. С. 46-53.

14. Конституция (Основной Закон) СССР 1924 г. Утверждена резолюцией II Съезда Советов от 31 января 1924 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508661/ (дата обращения: 15.10.2021).
15. Конституция Российской Федерации. Принята всеобщим голосованием 12.12.1993. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 15.10.2021).
16. Конституция РСФСР 1918 г. Принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. URL: <https://base.garant.ru/185478/> (дата обращения: 15.10.2021).
17. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения / Т. П. Коржихина. М.: РГГУ, 1994. 418 с.
18. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. Том 2. Часть особенная. 747 с.
19. Лазаревский Н. И. Самоуправление / Н. И. Лазаревский // Мелкая земская единица: сб. статей. СПб.: [б. и.], 1903. 471 с.
20. Лешков В. Н. Опыт теории земства и его земских учреждений по «Положению 1864 года января первого» / В. Н. Лешков // День. 1865. № 42-44.
21. Местное самоуправление в единой системе публичной власти. Вектор и последствия конституционной реформы в Российской Федерации: монография / О. А. Кожевников, А. А. Ларичев, Н. Л. Пешин; под общ. ред. Л. Т. Чихладзе, А. А. Ларичева, Е. Н. Хазова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 343 с.
22. Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинности, право / Л. Ф. Писарькова // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3-27. № 3. С. 25-29.
23. Указ Президента РФ от 22.10.1998 № 1281 (ред. от 28.05.2004) «О Конгрессе муниципальных образований Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 октября 1998 г. № 43. Ст. 5336.
24. Фадеев В. И. Местное самоуправление: российский вариант. Научно-аналитические обзоры / В. И. Фадеев, П. И. Шлемин; отв. ред. Е. В. Алферов. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1993. 67 с.
25. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 августа 1995 г. № 35. Ст. 3506.
26. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40. Ст. 3822.

Natalia P. NOSOVA¹
Dmitrii L. SAVELEV²
Olga V. ALIEVA³

UDC 342.25

CONSTITUTIONAL MODERNIZATION OF THE INSTITUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

- ¹ Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of State and Municipal Administration,
University of Tyumen
n.p.nosova@utmn.ru
- ² Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Department of State and Municipal Administration,
University of Tyumen
d.l.savelev@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-4890-1217;
- ³ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of State and Municipal Administration,
University of Tyumen
o.v.alieva@utmn.ru

Abstract

The article is an analytical study of the changes that have occurred as a result of the reform of the federal land of the Russian Federation. The authors consider the modern constitutional reform as a comprehensive systemic modernization of not only public administration bodies but also the social development of the country as a whole. The problem lies in the methodology of historical and legal discourse.

Within the framework of the stated topic, the historical dynamics of constitutional changes and assessments of the institution of local self-government in Russia is analyzed. The authors historically consistently characterize the development of theoretical views on the problems

---

Citation: Nosova N. P., Savelev D. L., Alieva O. V. 2022. "Constitutional modernization of the institution of local self-government in the Russian Federation". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 58-75. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-58-75

---

of the institution under study, the features of the implementation of local self-government and its interaction with state bodies at different stages of historical development.

The article analyzes the positions of Soviet constitutionalism in the field of public administration, and also attempts to assess the current state and modernization trends in connection with the latest amendments to the Russian Constitution.

The analysis showed that the formed modern system of local self-government is the result of a long historical development of Russian society, which reflects the socio-cultural, political and economic features of both local territories and the state as a whole.

The constitutional consolidation of the concept of “single system of public administration” is based on the key idea that building a unified system of public authority in Russian conditions can be progressively developed and be successfully implemented only within the framework of establishing a new balance of delineation of powers between all levels of government and their interaction on the basis of constructive dialogue.

The authors come to the conclusion that an objective and systematic assessment of the change in the status of local governments in the updated structure of public authority can be fully implemented only after the completion of the process of reviewing federal and regional legislation based on the content of the norms of the updated Constitution, and their further application in practice.

Keywords

State power, local self-government, public authorities, subsidiarity, the Constitution of the Russian Federation, constitutional modernization, public administration, local self-government.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-58-75

REFERENCES

1. Bezobrazov V. P. 1874. “Zemstvo institutions and self-government”. Russian Bulletin. Moscow. Pp. 524-273. [In Russian]
2. Vasiliev V. I. 1991. “Councils or municipalities?”. People’s Deputy, no. 16, pp. 47-54. [In Russian]
3. Vasilchikov A. I. 1870. About self-government. Comparative review of Russian and foreign zemstvo and public institutions. Saint-Petersburg: The typography of Eduard Praza. Vol. 2. 479 p. [In Russian]
4. Gneist R. G. 1896. The rule of law and administrative courts in Germany. Saint-Petersburg: Typography of V. Bezobrazov and Co. 371 p. [In Russian]
5. Complete collection of laws of the Russian Empire (CCL). City position of 16 June 1870. Part 2, vol. 45, no. 48498. [In Russian]
6. Gradovsky A. D. “The system of local self-government in the West of Europe and in Russia”. Collection of state knowledge. Edited by V. P. Bezobrazov. Saint-Petersburg: Publishing House of D. E. Kozhanchikov. Vol. 5. 460 p. [In Russian]

7. Dylnov G. V. 1990. Councils of people's deputies in the conditions of "perestroika". Edited by Yu. A. Makarov. Saratov: Saratov University Publishing House. 86 p. [In Russian]
8. Guarantor legal reference system. 1985. European charter of local self-government ETS no. 122 (Strasbourg). Accessed on 23 September 2021. <http://base.garant.ru/2540485/#ix-zz5Oe2XnIIC> [In Russian]
9. Eremyan V. V., Fedorov M. V. 1999. History of local self-government in Russia (12th — early 20th century). Moscow: RUDN University Publishing House. 295 p. [In Russian]
10. Izvestia. 18 February 1991. Law of the USSR of 9 April 1990 "On the general principles of local self-government and local economy of the USSR". [In Russian]
11. Law of the USSR of 7 October 1977 no. 6367-IX "On the procedure for enacting the constitution (Basic Law) of the USSR. Accessed on 15 October 2021. <http://www.rusconstiution.ru/library/articles/9675> [In Russian]
12. Ivanova A. A. 2021. "Constitutional consolidation of local self-government: theoretical and legal approach". Udmurt University Herald, vol. 31, iss. 3, pp. 421-431. [In Russian]
13. Kasho V. S., Prokhorov V. T. 1992. "Bodies of territorial public self-government". State and Law, no. 7, pp. 46-53. [In Russian]
14. The Constitution (Basic Law) of the USSR of 1924. Approved by the resolution of the 2nd Congress of Soviets of 31 January 1924. Accessed on 15 October 2021. <http://www.rusconstiution.ru/terem/9572> [In Russian]
15. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by universal vote on 12 December 1993. Accessed on 15 October 2021. <http://www.rusconstiution.ru/terem/44> [In Russian]
16. The Constitution of the RSFSR of 1918. Adopted by the 5th All-Russian Congress of Soviets in a meeting of 10 July 1918. Accessed on 15 October 2021. <http://www.rusconstiution.ru/terem> [In Russian]
17. Korzhikhina T. P. 1994. The Soviet state and its institutions. Moscow: Russian State University for the Humanities. 418 p. [In Russian]
18. Korkunov N. M. 1909. Russian state law. Saint-Petersburg: Typography of M. M. Stasyulevich. Vol. 2. Special part. 747 p. [In Russian]
19. Lazarevsky N. I. 1903. "Self-government". Small zemstvo unit: collection of articles. Saint-Petersburg: [b.i.]. 471 p. [In Russian]
20. Leshkov V. N. 1865. "Experience in the theory of the zemstvo and its zemstvo institutions according to the 'Regulations of 1 January 1864'". Day. No. 42-44. [In Russian]
21. Kozhevnikov O. A., Larichev A. A., Peshin N. L. 2020. Local self-government in a single system of public authority. Vector and consequences of the constitutional reform in the Russian Federation: monograph. Edited by L. T. Chikhladze, A. A. Laricheva, E. N. Khazova. Moscow: UNITY-DANA. 343 p. [In Russian]
22. Pisarkova L. F. 2001. "The development of local self-government in Russia before the great reforms: custom, duties, law". National History, no. 2, pp. 3-27; no. 3, pp. 25-29. [In Russian]
23. Collection of Legislation of the Russian Federation of 26 October 1998 no. 43, art. 5336. Decree of the President of the Russian Federation of 22 October 1998 no. 1281 (as amended on 28 May 2004) "On the Congress of municipalities of the Russian Federation" (outdated). [In Russian]

24. Fadeev V. I., Shlemin P. I. 1993. Local self-government: the Russian version. Scientific and analytical reviews. Edited by E. V. Alferov. Moscow: Russian Academy of Sciences Publishing House. 67 p. [In Russian]
25. Collection of Legislation of the Russian Federation of 28 August 1995 no. 35, art. 3506. Federal Law of 28 August 1995 no. 154-FZ “On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation”. [In Russian]
26. Collection of Legislation of the Russian Federation of 6 October 2003 no. 40, art. 3822. Federal Law of 6 October 2003 no. 131-FZ “On the general principles of organization of local self-government in the Russian Federation”. [In Russian]

Виолетта Генриховна АБСАЛЯМОВА¹

УДК 347.77

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ БИОЭТИКИ

¹ аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
v.g.absalyamova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-5059-5095

Аннотация

Основной целью настоящей статьи является рассмотрение правовых аспектов, регулирующих генетическое тестирование и обработку его результатов в нескольких странах, и указание на сходства и различия. В статье рассматриваются причины создания единого стандарта для обеспечения защиты, хранения, передачи, обработки и анализа генетических данных. В современных российских условиях вопросы утечки информации из такого рода учреждений, которые имеют место в зарубежных странах, пока не актуальны. Во многом это связано с тем, что правовое регулирование соответствующих общественных отношений в России только начинает зарождаться, поэтому есть все основания полагать, что такие проблемы возникнут и потребуют решения.

Методологическую основу исследования составляют эмпирические методы сравнения и описания, а также частнонаучный метод сравнительного правоведения — компаративный анализ законодательства Российской Федерации, Франции, Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики. В анализе рассматриваются спорные аспекты регулирования данного вопроса на уровне национального законодательства, а также предлагаются поправки к Федеральному закону «О персональных данных» с учетом мировых тенденций.

Генетическое тестирование стало частью диагностики все большего числа медицинских заболеваний. Методы генетического тестирования вступили в эру высокой производительности, что позволяет как диагностике, так и медицинским исследованиям решать

Цитирование: Абсалямова В. Г. Гражданско-правовой режим генетической информации в контексте биоэтики / В. Г. Абсалямова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 76-89. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-76-89

более сложные вопросы. За пределами государственной системы здравоохранения генетическое тестирование приобрело важное значение для решения множества вопросов, тем не менее законодательство в области генетического тестирования во многих странах отстает. Автор приходит к заключению о необходимости широкого обсуждения и последующего принятия Закона «О кибербезопасности» в РФ, некоторые концептуальные положения которого могут быть восприняты национальной правовой системой с целью совершенствования действующего законодательства об охране генетической информации.

Ключевые слова

Информация, ДНК, персональные данные, генетическая информация, биометрические данные, защита генетической информации.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-76-89

Введение

Редактирование генома является фундаментальным вопросом биомедицины и благосостояния населения. Рассмотрение данной проблемы мотивировано отсутствием нормативно-правовой базы редактирования генома человека в Российской Федерации. Редактирование эмбриональной ДНК человека является важнейшим научным открытием для мирового сообщества. Научное сообщество ставит вопросы об использовании биотехнологии — редактировании генома — с точки зрения безопасности и этики. Именно поэтому важно учитывать требования национального и международного законодательства. Дихотомия нового правового института редактирования генома человека тесно связывает между собой глобальные и национальные законодательные пробелы. Европейская группа по этике в науке и новых технологиях осветила этот вопрос в документе «Руководство по редактированию генома» [14]. Изучение практики Европейской комиссии могло бы лечь в основу разработки законодательства в РФ. Однако правовые вопросы регулирования генома все еще недостаточно изучены. По этой причине считаем крайне важным восполнить этот пробел. Юридическая наука не должна оставаться в стороне при решении таких важных вопросов, как этическое и гражданско-правовое регулирование генетической информации. Основной целью исследования является введение новых положений гражданско-правового регулирования генетической информации генома в РФ с учетом анализа зарубежного законодательства. Качественные и количественные методы используются для сравнения, сопоставления, обобщения и расчета данных о биометрии как части генетической информации с целью выявления новых тенденций в правовом регулировании.

Методы

Методологическую основу исследования составляют эмпирические методы сравнения и описания, а также частнонаучный метод сравнительного правоведения — компаративный анализ законодательства РФ, Франции, Соединенных

Штатов Америки и Китайской Народной Республики. В анализе рассматриваются и анализируются спорные аспекты регулирования данного вопроса на уровне национального законодательства, а также предлагаются поправки к Федеральному закону «О персональных данных» с учетом мировых тенденций.

Результаты исследования и их обсуждение

Основные положения охраны генетической информации

Все научные открытия в области редактирования генома человека сделаны для борьбы с неизлечимыми заболеваниями. Национальное законодательство должно определять случаи, в которых использование генной инженерии необходимо для человека. Предполагается, что геномное редактирование в состоянии обеспечить увеличение продолжительности жизни, улучшить демографическую ситуацию в мире и победить многие неизлечимые болезни. Конечно, этическая и правовая оценки являются главными при проведении лабораторных исследований на эмбрионах. Во-первых, существуют фундаментальные концептуальные соображения, имеющие решающее значение для этической оценки приложений редактирования генома, в том числе с учетом их глобального воздействия. Во-вторых, безопасность технологии обычно рассматривается как критерий, имеющий решающее этическое значение. Технологическое вмешательство должно приносить пользу людям и обществу без неоправданных негативных последствий для отдельных людей или групп.

Эти концепции и связанные с ними ценности используются при осмыслении технологии и выработке рекомендаций по ее использованию. Разделение на науку, с одной стороны, и этику, с другой, или этика как некое «послесловие», упускает из виду тот факт, что весь процесс научной деятельности, от формулировки исследовательского вопроса до проведения исследования, оценки и интерпретации данных, пронизан предпочтениями и ценностями. Кроме того, системы управления наукой обязательно включают в себя всеобъемлющие концептуальные идеи и этические взгляды. Консультативный комитет экспертов, созданный ВОЗ в 2018 г. «для разработки глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека», обязуется принять во внимание «научные, этические, социальные и правовые проблемы», связанные с редактированием соматического и зародышевого генома, с целью выработки рекомендаций по соответствующим институциональным, национальным, региональным и глобальным механизмам управления.

До конца 1970-х гг. никакое целенаправленное технологическое вмешательство не могло привести к появлению человека на свет. С технической возможностью свести вместе яйцеклетку и сперматозоид вне женского тела появление человека оказалось в руках третьих лиц. С помощью технологий CRISPR/CasX возможность вмешательства стала настолько специфичной, что даже генетический состав человеческого эмбриона находится в распоряжении научного сообщества. С биологической точки зрения, генетический дизайн не является вмешательством до тех пор, пока производятся только такие генетические из-

менения, которые приводят к появлению генов, присутствующих у человека. Даже если в геном человека внедряется ДНК из другого организма, это не меняет человечности этого существа, пока не существует никакой формулы расчета процента или резкого порога, за которым носитель генетического дизайна перестает считаться человеком.

Однако возникает вопрос, не влияет ли изменение исходного генетического состояния человека на природу человечности или, скорее, правоотношений между людьми, делая их неравными в отношении их исходных генетических условий: геном одного человека может быть подвергнут целенаправленному редактированию другим человеком. Таким образом, инженерно-конструкторский подход в геномной инженерии может подорвать фундаментальное равенство всех людей, которое подразумевает, что в диапазоне человечества не существует разрывов, которые могли бы придать одним людям более низкий статус, чем другим. Такое равенство подразумевает, что все люди без исключения имеют равную ценность и наделены человеческим достоинством.

Основные положения защиты биометрических данных

РФ одной из первых решила озадачиться сохранностью генетических данных своих граждан. Так, Президент РФ Владимир Путин на совещании 14 мая 2020 г. по вопросам развития генетических технологий заявил о необходимости создания национальной базы генетической информации, поручив Правительству РФ организовать работу в данном направлении [8, с. 93], в частности, создать единый стандарт обеспечения защиты данных, их хранения, передачи, разработки и анализа [10].

В РФ хранением и анализом биометрических данных занимается Ростелеком. В 2021 г. создан «реестр для доступа к биометрическим данным», сейчас к нему подключены банки и Центральный банк РФ, со временем предполагается подключение и других игроков рынка, к примеру, сотовых операторов или ритейлеров. Вносить в список тех, кому будут предоставлены биометрические данные, будет оператор системы Ростелеком.

Сейчас правоотношения в сфере генетической информации регулируются Федеральным законом «О персональных данных». Однако всё чаще появляются новости, как тот или иной сервис признал факт утечки данных пользователей. Пока видится только один путь для обеспечения защиты биометрических данных граждан — это приравнять допуск к персональным данным к допуску государственной тайне, т. к. этой информацией могут воспользоваться иностранные государства, политика которых угрожает территориальной целостности РФ. Кроме этого, можно допустить, чтобы этой информацией мог пользоваться искусственный интеллект, т. к. на территории Москвы введены специальные режимы по регулированию искусственного интеллекта (Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки

и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте РФ — городе федерального значения Москве») [3, с. 377; 12]. Стоит отметить, что возникает несколько других вопросов, как и где хранить информацию, особенно с ведением санкций.

Кроме этого, следует провести сравнительно-правовой анализ между Французской Республикой и РФ. Сначала стоит рассмотреть опыт Французской Республики, в частности, Закон от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 «О цифровой республике», в котором делается попытка урегулировать сферу персональных данных, «право на цифровую смерть», и выяснить, кто должен регулировать правовую составляющую жизни в социуме и отвечать за нарушения закона, какие установлены санкции за нарушения [16]. В какой-то степени этот Закон является революционным для Французской Республики. Не стоит забывать, что Франция — консервативная страна и еще не скоро подойдет к тому, чтобы приравнять генетическую информацию к цифровой и так же ее защищать, как персональные данные пользователей. В январе 2020 г. Еврокомиссия предложила ввести в странах ЕС временный запрет (от трех до пяти лет) на использование систем распознавания лиц в общественных местах. Такой срок отведен на подготовку законодательной базы для защиты персональных данных европейцев. По информации независимого новостного издания EObserver, 80% граждан Евросоюза не хотят «делиться» своими лицами [1, с. 63].

Хранение, обеспечение сохранности и предоставление доступа являются первостепенными аспектами регулирования генетической информации. Если к ней будет допускаться только искусственный интеллект, требуются высокопроизводительные сервера, которыми обладает небольшое количество стран вследствие сложности разработки и производства этих технологий, особенно квантовых компьютеров, т. к. для них требуются специальные условия не только производства, но и содержания. Такими компьютерами пока обладают только две страны: Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика.

При использовании квантовых компьютеров возможно обеспечение и внедрение квантовой криптографии, которую невозможно будет взломать, так как ключ будет находиться в нескольких измерениях. Только в таком случае будет возможно обеспечить защиту генетических данных граждан. Становится очевидным, что инновации не противоречат мерам предосторожности. Это взаимодополняющие стратегии, в которых предосторожность будет способствовать инновациям и даст уверенность, необходимую для поддержки этих новых и рискованных технологий.

Компаративный анализ правового регулирования генетической информации в США и Китае

На мировом рынке биометрических систем активно применяются технологии, основанные на распознавании и использовании следующих биометрических данных:

- отпечатки пальцев;

- изображение лица;
- изображение радужной оболочки;
- глаза;
- голос;
- рисунок вен;
- геометрия ладони, ДНК и другие [5, с. 51].

При этом, в соответствии с прогнозами, рынок технологий идентификации по отпечаткам пальцев до 2023 г. будет расти медленнее средних темпов роста всего рынка биометрических технологий с учетом кризиса полупроводников, который начался в 2020 году из-за коронавирусной инфекции COVID-19 [6].

Главным инициатором внедрения биометрических паспортов на государственном уровне стали США. В 2002 г. Конгресс США принял «Закон о защите государственных границ», в соответствии с которым граждане 27 стран мира, имевшие соглашения с США о безвизовом режиме, могли беспрепятственно въезжать на территорию сроком до 90 дней только при условии наличия у них биометрических документов [2, с. 46].

В 2004 г. США ввели систему снятия отпечатков пальцев и фотографирования всех прибывающих в Америку иностранцев, создали базу идентификации людей [2, с. 44]. В 2005 г. в КНР приняли закон «Государственная стратегия по развитию информатизации в период 2006-2020 гг.», в котором был разработан целый ряд комплексных мер для обеспечения безопасности в сфере информационных технологий. В рамках такой стратегии предполагалось создание собственного программного обеспечения для контроля за пользователями в Интернете. Далее с 2015-2016 гг. запускается 43 пилотных проекта Credit China в разных городах страны, к ним подключается система поощрений и наказаний. Пользователям присваиваются единые «номера социального доверия». Особенно важным стал запуск приложения «Честный Шанхай» в крупнейшем мегаполисе страны. Регистрация в нем имела добровольный характер. Программа собирала данные пользователей из всех открытых источников и хранила их в архиве в течение ночи, назначая им рейтинг в соответствии с их спецификой. Программа «социального рейтинга», разработанная компанией Tencent, предполагает сбор информации о пользователях через популярнейшие мессенджеры. Таким образом, с помощью этой программы можно проанализировать окружение, друзей и знакомых, а также поведение владельцев веб-сайта. В 2017 г. система «социального рейтинга» вступила в действие в отдельных городах, а с 1 мая 2018 г. вступили в силу ограничения для граждан с низкой степенью надежности. К настоящему времени в систему помещена информация уже о 70% населения Китая [9, с. 353].

При этом участие в этой программе на данный момент носит добровольный характер, но с 2020 года она становится обязательной для всех граждан. «Социальный рейтинг» связывается с удостоверением личности и в дальнейшем

регистрируется в централизованной базе данных, доступной в сети Интернет. Несомненно, среди распространенных оснований для понижения рейтинга и попадания в «опасную зону» выделяются задолженность по коммунальным платежам и задолженность по займам. В качестве меры наказания может применяться отказ в предоставлении номеров в гостиницах повышенной комфортности, при этом наиболее распространенным видом наказания является отказ в предоставлении авиабилетов и билетов на скоростные поезда (наиболее популярный вид транспорта для путешествий по стране), а также отказ в продаже высокоскоростного интернета [9, с. 355].

В Китае с 2017 года введен «Закон о кибербезопасности», регламентирующий все стороны обеспечения безопасности государственной информации и хранения персональных данных. Закон о кибербезопасности стал первым в Китае законодательным актом, комплексно регулирующим киберсети страны. Он вступил в силу 1 июня 2017 года. Закон о кибербезопасности Китая означает не только усиление требований к безопасности, но и изменение подхода к применению законов о защите данных. Мы рассмотрим положение дел в Китае и сравним режим защиты персональных данных с «Генеральным регламентом по защите персональных данных» [4, с. 126]. Администрация кибербезопасности Китая, которая является центральным регулятором киберсетей, выпустила первый проект всего через пять дней после того, как 1 июля 2015 года Всекитайское собрание народных представителей приняло Закон о национальной безопасности. Сам председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул связь между этими двумя понятиями: «без кибербезопасности нет национальной безопасности». Данная ситуация характерна не только для Китая, правительства по всему миру сталкиваются с новыми или усиленными проблемами национальной безопасности в связи с растущим значением онлайн-сетей. Среди других примеров — действия администрации Трампа против китайских компаний TikTok и WeChat, а также запрет индийского правительства на китайские приложения [13].

Китайские требования конфиденциальности данных исторически располагаются в различных нормативных актах, включая общие принципы, касающиеся конфиденциальности в Конституции Китая и Гражданском кодексе, а также отраслевые нормативные акты, относящиеся к таким секторам, как Интернет, финансовые услуги и электронная коммерция. Кроме того, существует ряд региональных законов, таких как «Шанхайские правила защиты прав потребителей». Положение изменилось с принятием в 2017 году Закона «О кибербезопасности». После его вступления в силу участились случаи применения административных мер, а Министерство промышленности и информационных технологий ежеквартально публикует списки предприятий, нарушающих правила о персональных данных. Даже крупнейшие технологические игроки Китая получили выговоры за несоблюдение законов о конфиденциальности данных, а также были уголовные дела, в которых отдельные лица

были заключены в тюрьму за продажу персональных данных. Регламент оказал сильное влияние на Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, где правительства обратили внимание на Генеральный регламент по защите персональных данных при разработке правил защиты данных для лучшей защиты интересов своих граждан. Безусловно, некоторые аспекты режима защиты данных в Китае тесно связаны с данным Регламентом. Определение понятия персональной информации трактуется в Законе «О кибербезопасности» как информация, которая относится к физическому лицу, и которая сама по себе или в сочетании с другой информацией может раскрыть личность этого лица. Данное определение имеет сходство с определением персональных данных в «Генеральном регламенте по защите персональных данных» Китайской Народной Республики.

Кроме того, несмотря на отсутствие формального эквивалента концепции персональных данных особой категории, авторитетные руководства по использованию личной информации в онлайн-сетях определяют чувствительные персональные данные в порядке, очень похожем на определение персональных данных особой категории в соответствии с Регламентом. Однако есть и различия. Генеральный регламент по защите персональных данных предусматривает шесть условий, необходимых для обработки персональных данных, в то время как Закон «О кибербезопасности» устанавливает лишь одно условие — получение согласия физического лица на обработку персональной информации. В этом отношении «Генеральный регламент по защите персональных данных», вероятно, более гибкий и удобный для бизнеса, так как, например, компаниям не нужно заставлять физических лиц, подписывать договорные условия, чтобы дать письменное согласие, или предоставлять согласие по щелчку мыши в сценарии онлайн-регистрации. Предполагается, ситуация изменится, поскольку высший законодательный орган Китая в октябре прошлого года опубликовал долгожданный первый проект «Закона о защите личной информации», который содержит в себе обращение в сторону эффективности бизнеса, вводя новые основания для сбора и обработки личной информации. Генеральный регламент по защите персональных данных предусматривает ряд прав для субъектов данных, таких как право на исправление неточностей в персональных данных, право на удаление, право на доступ к личной информации и право на переносимость данных.

Правительство Китая представило удостоверение личности размером с банковскую карту, которое сочетает в себе функции обычного паспорта и электронного чипа. Помимо стандартной паспортной информации (ФИО, место рождения, прописка и временная регистрация), это электронное удостоверение личности содержит информацию об образовании, государственных льготах и штрафах. База хранится в закрытой правительственной сети, которая существует независимо от общедоступных коммерческих и военных каналов. Удостоверение личности не может быть использовано для выезда за границу. При

выезде из страны необходимо иметь паспорт с микрочипом RAID, на котором биометрические данные могут быть считаны терминалом стандартного разрешения США в аэропорту [10, с. 17]. Введение удостоверения личности/цифрового паспорта позволяет государству также следить за социальной мобильностью населения.

«Закон о кибербезопасности» в настоящее время официально предоставляет только право на исправление и удаление данных. Однако эквиваленты других прав изложены в руководствах по лучшей практике в Китае, и политики конфиденциальности многих крупных компаний включают эти руководства в свою деятельность. Кроме того, новый закон о защите личной информации, который ожидается в 2023 году, вероятно, сделает соблюдение этих прав обязательным. С точки зрения законодательного урегулирования защиты данных в Китае необходимо сделать многое в плане повышения осведомленности и обучения даже основам того, как должен быть создан «Регламент», имея в виду институциональные советы по обзору, которые существуют для глобальных исследований с целью защиты прав и благополучия субъектов исследований.

Заключение

Проведенный анализ подчеркивает важность необходимости совершенствования правового регулирования генетической информации, в частности, биометрических данных. Это необходимо для развития биомедицины и ее применения на практике. Результаты исследования показывают влияние правового регулирования на предмет, структуру и функции правоотношений по геномному редактированию человека. Основные выводы статьи заключаются в том, что теперь все регулируется законом о персональных данных, что само по себе, на мой взгляд, не совсем логично и правильно, так как практически каждый месяц появляются новости о том, что тот или иной сервис признался в «утечке» пользовательских данных. Поэтому можно с уверенностью предположить, что с развитием биометрии произойдет то же самое. Пока единственный способ, на который можно указать, это приравнять доступ к персональным данным к государственной тайне, так как эта информация может быть использована недружественными странами.

Утверждается, что пока рано говорить о защите генетических данных, поскольку государство достигло того момента, когда только начало собирать и защищать биометрические данные пользователей. Многие вопросы и проблемы еще не возникли, но они возникнут со временем. Теоретический вклад и практические последствия представлены в том, что закон должен упорядочить определенные случаи, в которых использование геной инженерии будет необходимо для человека. Можно прийти к выводу, что этическая оценка и правовая конфигурация является первоочередным пунктом эффективности применения биотехнологии — редактировании генома человека. Вывод заключается в том, что инновации не являются противоположностью предосторожности. Это взаимодополняющие стратегии, в которых осторожность будет способствовать

инновациям и обеспечит уверенность, необходимую для поддержки этих новых и рискованных технологий.

Предполагается что, еще рано говорить о принятии «Закона о кибербезопасности» в Российской Федерации. Однако некоторые его концептуальные положения могут быть восприняты национальной правовой системой с целью совершенствования действующего законодательства об охране генетической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурьянов М. С. Цифровые права человека как условие эффективного участия России и других государств-участников Евразийского экономического союза в цифровизации 4.0 / М. С. Бурьянов // ТТПС. 2021. № 1 (55). С. 61-67.
2. Войтенко Ю. И. Биометрические документы: борьба с международным терроризмом или контроль за личностью? / Ю. И. Войтенко // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 42-52.
3. Иванов А. О. Возможности оказания отдельных государственных услуг в области обеспечения транспортной безопасности в условиях специального регулирования / А. О. Иванов, С. И. Леснов // Техник транспорта: образование и практика. 2020. № 4. С. 376-379.
4. Меньшиков П. В. Система противодействия угрозам информационной безопасности КНР / П. В. Меньшиков, Л. К. Михина // Вестник ЗабГУ. 2022. № 1. С. 124-139.
5. Миронова Д. Д. Biometric technology as a perfect component of banking security / Д. Д. Миронова, Е. В. Трудкова // Modern science. 2019. № 1. С. 49-53.
6. Обзор международного рынка биометрических технологий и их применение в финансовом секторе / Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. Москва, 2018. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/36012/rev_bio.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
7. Петров А. А. Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия / А. А. Петров // CHRONOS. 2020. № 8 (47). С. 11-24.
8. Рассолов И. М. Институт правового обеспечения оборота генетической информации: парадигма будущего информационного права / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова // Lex Russica. 2021. № 11 (180). С. 92-101.
9. Самусева О. А. Социальный рейтинг как системная характеристика политической надежности в китайском обществе / О. А. Самусева // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 349-361.
10. Совещание о развитии генетических технологий в России // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63350> (дата обращения: 20.05.2022).
11. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
12. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации»

Федерации — городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

13. Biden revokes Trump's TikTok and WeChat bans, but sets up a security review of foreign-owned apps // Official website of Washingtonpost. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2021/06/09/tiktok-ban-revoked-biden/> (дата обращения: 20.05.2022).
14. Human genome editing: recommendations // Official website of World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030381> (дата обращения: 20.05.2022).
15. LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // Official site of French national legislation. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORF-TEXT000033202746> (дата обращения: 20.05.2022).

Violetta G. ABSALYAMOVA¹

UDC 347.77

THE CIVIL LAW REGIME OF GENETIC INFORMATION IN THE CONTEXT OF BIOETHICS

¹ Postgraduate student,
Department of Civil Law Disciplines,
University of Tyumen
v.g.absalyamova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-5059-5095

Abstract

The main purpose of this article is to review the legal aspects governing genetic testing and the processing of genetic test results in several countries and to point out similarities and differences. The article discusses the reasons for creating a unified standard to ensure protection, storage, transmission, processing, and analysis of genetic data. In modern Russian conditions, the issues of information leakage from such institutions, which take place in foreign countries, are not yet relevant. This is largely due to the fact that legal regulation of relevant social relations in Russia is just beginning to emerge, so there is every reason to believe that such problems will arise and will require a solution.

The methodological basis of the study consists of empirical methods of comparison and description, as well as the private-scientific method of comparative law — comparative analysis of the legislation of the Russian Federation, France, the United States of America and the People's Republic of China. The analysis examines and analyzes controversial aspects of the regulation of this issue at the level of national legislation and proposes amendments to the Federal Law “On Personal Data” taking into account global trends.

Genetic testing has become part of the diagnosis of an increasing number of medical conditions, while genetic testing methods have entered the era of high throughput, allowing both diagnostics and medical research to address many complex issues. Genetic testing, outside of the public health system, has become important in addressing a multitude of issues, yet legislation on genetic testing in many countries lags behind. The author concludes that

---

Citation: Absalyamova V. G. 2022. “The civil law regime of genetic information in the context of bioethics”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 76-89. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-76-89

---

in this context, a broad discussion and subsequent adoption of a law “On Cybersecurity” in the Russian Federation is necessary, some of whose conceptual provisions can be adopted by the national legal system to improve the current legislation on the protection of genetic information.

Keywords

Information, DNA, personal data, genetic information, biometrics, protection of genetic information.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-76-89

REFERENCES

1. Buryanov M. S. 2021. “Digital human rights as a condition for effective participation of Russia and other Eurasian Economic Union member states in digitalization 4.0”. TTPS, no. 1 (55), pp. 61-67. [In Russian]
2. Voytenko Y. I. 2016. “Biometric documents: Combating international terrorism or identity control?”. *International Life*, no. 8, pp. 42-52. [In Russian]
3. Ivanov A. O., Leonov S. I. 2020. “Possibilities of providing some state services in the field of transport safety in the conditions of special regulation”. *Transport Technician: Education and Practice*, no. 4, pp. 376-379. [In Russian]
4. Menshikov P. V., Mikhina L. K. 2022. “System of counteraction to threats to information security of the PRC”. *Transbaikal State University Herald*, no. 1, pp. 124-139. [In Russian]
5. Mironova D. D., Trudkova E. V. 2019. “Biometric technology as a perfect component of banking security”. *Modern science*, no. 1, pp. 49-53. [In Russian]
6. Official website of the Central Bank of the Russian Federation. 2018. Review of international biometric technologies market and their application in financial sector. Accessed on 20 May 2022. https://cbr.ru/Content/Document/File/36012/rev_bio.pdf [In Russian]
7. Petrov A. A. 2020. “Chinese digital profile or social trust scoring system”. *CHRONOS*, no. 8 (47), pp. 11-24. [In Russian]
8. Rassolov I. M., Chubukova S. G. 2021. “Institute of legal support of circulation of genetic information: paradigm of future information law”. *Lex Russica*, no. 11 (180), pp. 92-101. [In Russian]
9. Samuseva O. A. 2019. “Social rating as a systemic characteristic of political reliability in Chinese society”. *Socio-Humanitarian Knowledge*, no. 6, pp. 349-361. [In Russian]
10. Official website of the President of Russia. Meeting on development of genetic technologies in Russia. Accessed on 20 May 2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/63350> [In Russian]
11. Collection of laws of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part 1). Art. 3451. Federal Law “On personal data” dated 27.07.2006 no. 152-FZ. [In Russian]
12. Collection of laws of the Russian Federation. 2020. No. 17. Art. 2701. Federal law of 24.04.2020 no. 123-FZ “On conducting an experiment on establishing special regulation in order to create the necessary conditions for the development and introduction of artificial

intelligence technologies in the subject of the Russian Federation — the city of federal significance Moscow”. [In Russian]

13. Official website of Washingtonpost. Biden revokes Trump’s TikTok and WeChat bans, but sets up a security review of foreign-owned apps. Accessed on 20 May 2022. <https://www.washingtonpost.com/technology/2021/06/09/tiktok-ban-revoked-biden/>
14. Official website of World Health Organization. Human genome editing: recommendations. Accessed on 20 May 2022. <https://www.who.int/publications/i/item/9789240030381>
15. Official site of French national legislation. LOI n° 2016-1321 du 7 Octobre 2016 pour une République numérique. Accessed on 20 May 2022. <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746>

Лев Михайлович БОЛЬШАКОВ¹

УДК 342.727

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДЕЛОВ СВОБОДЫ СЛОВА

¹ старший преподаватель
кафедры Конституционного и административного права,
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)
levbolshakov74@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9325-6827

Аннотация

Работа посвящена изучению современного состояния свободы слова и ее пределов как в России, так и во всем мире. Актуальность исследования связана с тем, что, несмотря на закрепленные в международных и национальных нормах элементы свободы слова, современные тенденции ее развития ставят много вопросов относительно сохранения ранее установленного баланса свободы слова и ее ограничения.

Учитывая это, целью исследования является выявление условий, способствующих указанным изменениям, анализ современных закономерностей развития.

Применительно к свободе слова проанализировано влияние на общество и государство процессов глобализации и деглобализации, информационных технологий, медиакорпораций, а также элементов саморегуляции общественных структур. Выявлены изменения в реализации свободы слова без изменения ее правового закрепления, а также «поколенческий разрыв» дестабилизирующий общество.

Предполагается, что на развитие права в отношении пределов свободы слова будут в значительной мере оказывать влияние такие факторы, как объективно нарастающая глобализация и сопротивление ей со стороны политических элит, с одной стороны, и увеличение влияния новых медиакорпораций и гражданского общества, с другой стороны, что еще больше усугубит установленный «поколенческий разрыв». Прогноз строится на проведенном автором социологическом исследовании на тему «Свобода слова и ее пределы», а также оценке полученных результатов и их сопоставление с данными других исследователей.

Цитирование: Большаков Л. М. Современные тенденции развития правового регулирования пределов свободы слова / Л. М. Большаков // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 76-94. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-90-108

Настоящая статья является продолжением анализа современного понимания свободы слова и ее пределов в рамках интегративного подхода, предложенного автором в ранних публикациях. Использование этого подхода позволило оценить уровень правового регулирования пределов свободы слова, а также предположить варианты их изменения в ближайшей перспективе.

Ключевые слова

Свобода слова, пределы свободы слова, конституционное право, тенденции развития, глобализация, деглобализация, поколенческий разрыв.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-90-108

Введение

Свобода слова представляет собой одну из фундаментальных свобод, благодаря которой происходит формирование и выражение общественного мнения, создаются условия эффективного взаимодействия общества с его элементами и государством. Она выступает важной гарантией других прав и свобод. В то же время свобода слова не может быть абсолютной и должна реализовываться исключительно в своих пределах.

Несмотря на закрепление свободы слова нормами международного права, которые разделяются большей частью государств мира, ее терминологическое понимание, содержание и пределы индивидуальны для каждой конкретной страны. При этом наблюдается общая тенденция к усилению вмешательства государства в сферу свободы слова, характерная, как для стран англо-саксонской, так и романо-германской группы. Представляется, что она носит скорее вынужденный, нежели концептуальный характер и связана, в т. ч. с развитием сети Интернет. Государства всего мира стремятся создать элементы контроля этой информационной среды.

Одновременно с этим в связи с глобализацией изменения в любой стране с неизбежностью влияют на соседние государства, а зачастую распространяются на весь регион или мир. Особенно наглядно это проявляется, когда речь идет о странах, имеющих значительные трансграничные экономические связи. Возникая в одной стране, новые идеи находят свое индивидуальное развитие в другой, преобразуются в нечто иное под воздействием внутренних условий.

Кроме того, значительное влияние на вопросы, связанные с пределами свободы слова, стало оказывать гражданское общество и «новые медиа». Последние своими корпоративными нормами, порой, заменяют правовые нормы. Общество так же создает элементы, регулирующие свободу слова, влияние которых зачастую не менее очевидно, чем действующих правовых норм.

Учитывая это, автором поставлена цель выявления современных закономерностей развития, их изучение и разработка общих рекомендаций для приведения их в правовое русло (при необходимости).

Методы

В процессе исследования были использованы диалектический метод познания, а также связанный с ним системно-структурный метод, метод сравнительного

правоведения и историко-правовой, а также конкретно-социологический и метод моделирования.

Метод сравнительного правоведения и историко-правовой послужили средством раскрытия некоторых особенностей развития объекта исследования и его современного состояния как в России, так и в других странах. В исследовании были учтены особенности различных правовых семей.

Конкретно-социологический метод и метод моделирования позволили проанализировать отношение общества к свободе слова и ее ограничениям в зависимости от возраста респондентов, прогнозировать дальнейшее развитие свободы слова и предложить варианты правового регулирования.

Кроме того, ход исследования и его результаты были predeterminedены приверженностью к интегративному подходу, который позволил в рамках современного понимания права оценить свободу слова и ее элементы, избежав категоричности свойственной позитивистскому и естественному пониманию права.

Результаты

Отправной точкой исследования (эмпирической базой) статьи явилось социологическое исследование через анкетирование 204 респондентов на тему «Свобода слова и ее пределы». Его результатом стало выявление особенностей восприятия института свободы слова, отношения к ее ограничению в разных возрастных группах. Анкетирование проводилось в августе 2021 г. — декабре 2021 г. в г. Челябинск. Автором сделаны выводы об укреплении в обществе понимания ценности демократических элементов, с одной стороны, и о разнице в оценки их реализации, с другой. Выявлен «поколенческий разрыв».

Из 204 опрошенных (выборка респондентов была проведена по возрастным критериям, по 51 респонденту в каждой возрастной группе) 98% согласились с тем, что свобода слова является важным элементом демократического государства (рис. 1, 2).

п/п	Вопрос	18 -24		25 - 44		45 - 64		65 и старше	
		Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
1.	Считаете ли Вы свободу слова важным элементом демократического государства?	51 (100 %)	0	51 (100 %)	0	50 (98 %)	1 (2 %)	48 (94 %)	3 (6 %)

Рис. 1. Результаты опроса респондентов по возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы свободу слова важным элементом демократического государства?»

Fig. 1. The results of the survey of respondents by age groups. Question: “Do you consider freedom of speech an important element of a democratic state?”

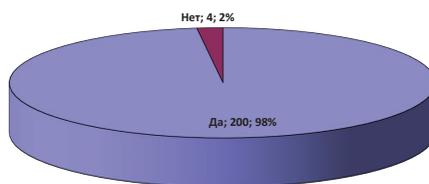

Рис. 2. Результаты опроса респондентов по всем возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы свободу слова важным элементом демократического государства?»

Fig. 2. The results of the survey of respondents for all age groups. Question: “Do you consider freedom of speech an important element of a democratic state?”

При этом 91% опрошенных диссертантом респондентов указали на целесообразность существования ограничений свободы слова (рис. 3, 4).

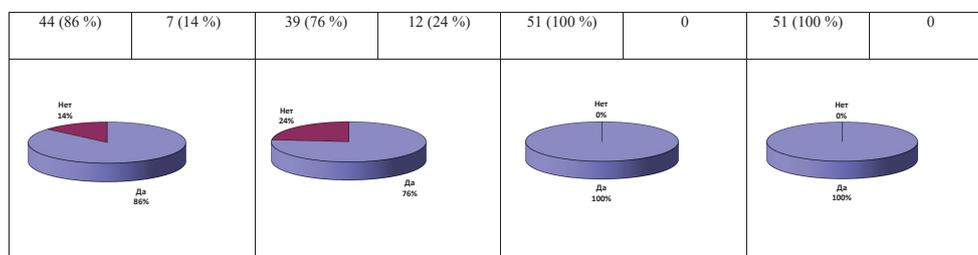

Рис. 3. Результаты опроса респондентов по возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы, что свобода слова должна ограничиваться?»

Fig. 3. The results of the survey of respondents by age groups. Question: “Do you think that freedom of speech should be restricted?”

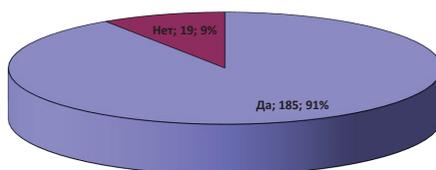

Рис. 4. Результаты опроса респондентов по всем возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы, что свобода слова должна ограничиваться?»

Fig. 4. The results of the survey of respondents for all age groups. Question: “Do you think that freedom of speech should be restricted?”

Однако по другим вопросам такое единение не наблюдалось. Так, по вопросу «существует ли тенденция к ограничению свободы слова в России» 90% респондентов в группах от 18 до 24 лет и 86% — от 25 до 44 лет указали на

справедливость этого высказывания. Тогда как среди респондентов от 45 до 64 лет и от 65 лет и старше с этим согласились лишь 20 и 2% опрошенных, соответственно (рис. 5, 6).

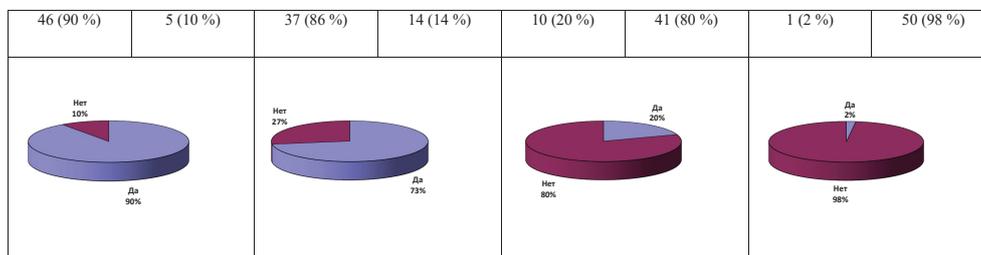

Рис. 5. Результаты опроса респондентов по возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы, что существует тенденция к ограничению свободы слова в РФ?»

Fig. 5. The results of the survey of respondents by age groups. Question: “Do you think that there is a tendency to restrict freedom of speech in the Russian Federation?”

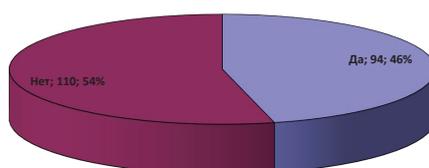

Рис. 6. Результаты опроса респондентов по всем возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы, что существует тенденция к ограничению свободы слова в РФ?»

Fig. 6. The results of the survey of respondents for all age groups. Question: “Do you think that there is a tendency to restrict freedom of speech in the Russian Federation?”

По вопросу одобрения государственной политики в отношении свободы слова также были выявлены диаметрально противоположные суждения респондентов разных возрастных групп. Опрошенные в возрасте от 18 до 24 лет и в возрасте от 25 до 44 лет высказали свое несогласие: 84 и 86%, соответственно. Тогда как 82 и 88% представителей старших возрастных групп ее разделяют (рис. 7, 8).

Полученные результаты во многом сходны с данными других исследований на смежные темы и требует серьезного научного исследования, т. к. «поколенческий разрыв» является серьезным дестабилизирующим фактором.

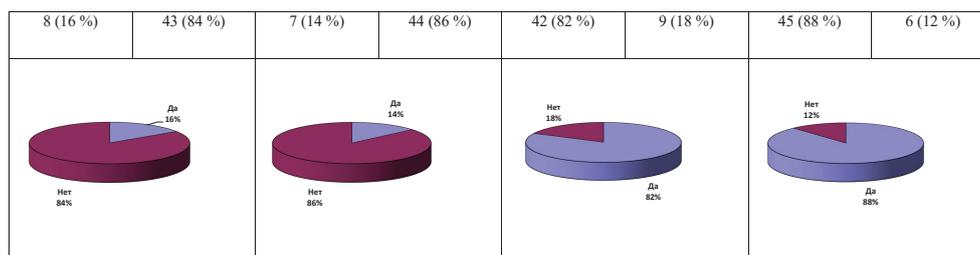

Рис. 7. Результаты опроса респондентов по возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы политику государства в области свободы слова правильной?»

Fig. 7. The results of the survey of respondents by age groups. Question: “Do you think the state’s policy in the field of freedom of speech is correct?”

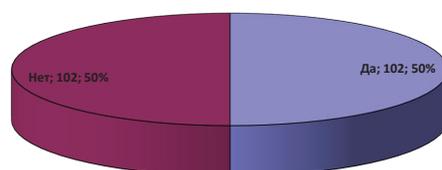

Рис. 8. Результаты опроса респондентов по возрастным группам. Вопрос: «Считаете ли Вы политику государства в области свободы слова правильной?»

Fig. 8. The results of the survey of respondents for all age groups. Question: “Do you think the state’s policy in the field of freedom of speech is correct?”

Обсуждение

Эффект глобализации применительно к пределам свободы слова

Возникновение и развитие трансграничных связей между государствами мира, порожденные процессом глобализации, привели к тому, что одной из очевидных тенденций развития правового регулирования пределов свободы слова является перенесение элементов понимания свободы слова, характерных для одних правовых систем в правовые системы других государств мира. При этом такое перенесение не всегда оправданно и может быть реализовано в негативном аспекте.

Так, либеральное понимание свободы слова, распространившись в странах с традиционно сильной центральной властью, преобразовалась в декларирование свободы для всех и ее реализацией только для отдельных групп. А в странах, где либеральные ценности были традиционно сильны, большое влияние стало играть меньшинство при вынужденной толерантности большинства [1]. В обоих случаях произошедшие изменения способствуют разбалансировке общества в привычном варианте и ставят вопрос о новом этапе развития прав и свобод

человека и гражданина. В первом варианте государством обществу предлагается вариант снижения значимости индивидуальных прав для достижения общего блага, национальной идеи, во втором — общество диктует государству вариант превалирования гражданского общества над государством.

К первой группе государств можно отнести Россию, где, конституционное законодательство устанавливает достаточно большой объем прав. Их пределы, в целом, совпадают с международными нормами и не требуют значительной корректировки. Одновременно с этим на следующих правовых уровнях конституционные нормы подвергаются серьезному расширительному толкованию, зачастую искажающему суть прав или свобод. Сказанное в полной мере относится и к свободе слова. Более того, существенные изменения вносит и правоприменитель.

Это обосновывается собственным путем развития демократии, национальными интересами, интересами большинства, «духовными скрепами».

В целом, подобное понимание соотносится с особенностями исторического развития страны. По верному замечанию Г. Г. Дилигенского, очевидной причиной слабости демократии в России является ее история и культура, в которых отсутствуют какие-либо устойчивые демократические традиции. Политические предпочтения значительной части взрослого населения страны сложились в советский период, в течение которого не сформировалось ценностное отношение к правам и свободам [8, с. 138.]. Несмотря на то, что указанное замечание Г. Г. Дилигенского относится к 2001 г., по сути, мало что поменялось.

Основу современной политики составляют люди именно с таким мышлением. При этом несколько поколений граждан, имеющих иные убеждения, остаются недостаточно включенными в политическое пространство. Так, по данным Государственной Думы РФ, в 2021 г. средний возраст ее депутатов составил 53 года: 7 депутатов младше 30 лет, 53 — от 30 до 39 лет, 115 — от 40 до 49 лет, 149 — от 50 до 59 лет и 126 — от 60 лет и старше [6]. Такое очевидное смещение возраста депутатов в сторону старших возрастных групп является одной из причин отмечаемой многими специалистами проблемы «поколенческого разрыва» [18, с. 59-67]. Она же была выявлена применительно к теме пределов свободы слова автором настоящей статьи.

К слову, подобная проблема актуальна и для другой группы стран. Однако проявления и последствия этой проблемы другие. В частности, как отмечают исследователи, несмотря на то, что Конгресс США в значительной части состоит из возрастных конгрессменов, их потенциальные сменщики по своим идеям мало чем от них отличаются. Одновременно с этим большое значение играют различные институты гражданского общества, которые по своему влиянию могут соперничать с государством. Они, в свою очередь, более разнообразны по возрастным, расовым, половым и иным характеристикам. Таким образом, не происходит полное исключение молодого поколения из жизни общества и государства. Консервация политической элиты уравнивается обще-

ственной динамикой. Но для этого нужна полноценная реализация свободы слова [23].

Однако говорить о единственном тренде даже в странах одной из выделенных групп не приходится. Так, с одновременным увеличением влияния гражданского общества значительная часть населения в странах Европы по различным причинам поддерживает приход к власти авторитарных лидеров и консервативных партий, отражающих идеи собственной демократии, отличной от классического понимания. По сути, происходит процесс усиления суверенитета государства, при котором общечеловеческие идеи, закрепленные в международных актах, изменяются до неузнаваемости или вообще игнорируются.

Речь идет не только о традиционно конкурирующих государствах, но и о союзниках, в которых идеи, исходящие от мировых экономических и политических лидеров, начинают рассматривать как враждебные. Так, если противостояние между Россией и США (которые по большому счету никогда не воспринимали друг друга полноправными союзниками) очевидно, то американское господство стало раздражающим фактором и для их союзников.

Как справедливо замечают В. А. Шамахов и Н. М. Межевич, для ЕС США является гарантом безопасности, главным военным партнером. Однако это не ликвидирует конфликты, связанные с предлагаемой США моделью экономического и политического устройства. В ЕС есть политические и общественные силы, которые считают, что Европа стала заложником антикитайской и антироссийской политики [21, с. 19]. Отсюда стремление защитить свое внутреннее информационное пространство, представив его в границах полностью или в значительной части совпадающими с границами государств.

Указанное движение обратное процессу глобализации (деглобализация) связано и с изменением социальной структуры развитых стран мира. Государства, защищающие и распространяющие демократические ценности, столкнулись с массовой миграцией населения, при которой деформируется внутреннее устройство общества, дестабилизируются его базовые структуры. Так, в Европе быстрыми темпами происходит рост численности людей с исламскими ценностями, что порождает диссонанс между устоявшимися правилами политики государства и традиционными религиозными ценностями. Указанное полностью относится и к свободе слова.

Исламская концепция свободы слова основана на том, что только Аллах может создавать законы. Он же источник прав человека. Отсюда дарованные Всевышним права человека не могут быть изменены или ликвидированы государством или обществом. Существование же установленных запретов основывается на том, что человек, реализуя свободу слова и мысли, может причинить вред. В таком случае возможен запрет [14, с. 161-162].

Существующие в исламе запреты могут существенно расходиться с правилами светского государства и вызывать, с одной стороны, негодование мигрантов по поводу таких расхождений; с другой стороны, они порождают

запрос у коренного населения защититься от внешнего чуждого воздействия. Усиливается это и страхом общества перед квазирелигиозными террористическими организациями, публично выступающими от имени ислама. Отсюда усиление в политике европейских государств ультраправых организаций основу которых составляет молодежь, готовая к активному противодействию [3, с. 119].

Похожие явления наблюдаются и в России. Информационное пространство рассматривается как элемент геополитики, которое необходимо защитить от «внешних и внутренних враждебных сил». Вопрос «конституционной идентичности» стал предметом рассмотрения на высшем государственном уровне. Так, Конституционный Суд РФ говорит о важности традиций, социокультурных установок, слагающих конституционную идентичность, которая имеет юридическое значение [10].

Отсюда различного рода предложения по защите информационной среды страны, в т. ч. весьма спорные. Так, вызывает серьезную настороженность реализация Федерального закона от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“», который направлен на создание локального сегмента сети Интернет [20]. Основные опасения связаны с тем, что предложенные изменения позволяют контролировать точки подключения к мировому сегменту, т. е. при необходимости государство может не просто контролировать содержание входящего в страну информационного потока (например, по причинам идеологии, как в Китае или Иране), но при желании отключать его в принципе от глобальной системы, как это сделано, например, в Северной Корее и Мьянме.

Однако, как представляется, такое развитие ситуации будет негативно влиять на национальную экономику, образовательную, культурную и иные сферы и, по сути, является нарушением свободы слова граждан страны. Более того, такой подход нецелесообразен.

Влияние информационных технологий на общество и государство

Развитие информационных технологий, отказ от которых нереален, со всей очевидностью стирает границы коллективной идентичности. А сама информационная система становится все менее контролируемой и все более контролирующей. Происходит образование нового информационного порядка, в котором ведущую роль играют не государства, а медиакорпорации; стираются границы; интенсивно меняется экономический и политический ландшафт планеты, которой, в свою очередь, преобразует межкультурные связи. Отсюда некоторое обострение даже между странами на первый взгляд одного экономического и политического устройства, а также столкновение корпораций и государственных органов.

Как отмечает И. М. Дзялошинский, «есть основания предполагать, что время наций, в том числе и гражданских, кончилось» [7, с. 71]. Большому количе-

ству людей во всем мире для своей самоидентификации важно понимание своей этнической, религиозной принадлежности или даже просто наличие круга друзей. Отсюда актуален вопрос не реставрации схем подчинения личности общему благу и государственной идеологии, предлагаемых в доглобализационную эпоху, а создания благоприятных условий для формирования грамотной и ответственной личности [7, с. 71].

Как представляется, некоторое размывание характеристик национального менталитета происходит во всех странах мира. Скорость и степень стирания таких границ отличается в зависимости от многих условий, но в создавшихся обстоятельствах это неизбежно. Соответственно, нужно не запрещать информацию как таковую, а создавать информационную среду, формирующую ценностные ориентиры, критическое отношение к любой получаемой информации [2, с. 31-39].

Действительно, в современном мире принадлежность индивида к какой-либо социальной группе не является чем-то обязательным или предрешимым. Он вполне может жить автономно, самостоятельно удовлетворяя свои ключевые потребности, а при желании не иметь контактов с другими людьми вовсе. Снизилось и значение государства. Иными словами, появилась возможность перемещаться внутри гражданского общества, которое основано на общегуманистических принципах. Это предоставляет людям возможность взаимодействовать в планетарном масштабе без привлечения государства как посредника [12, с. 473-474].

Учитывая предлагаемую автором позицию к свободе слова, основанную на интегративном подходе, государство должно закреплять естественно-складывающиеся положительные тенденции, при необходимости регулировать их. Шагом в этом направлении может стать существенная доработка федерального законодательства в целях поэтапной ликвидации некоторых ограничительных норм с одновременным проведением просветительской политики. Это, безусловно, потребует серьезных денежных вложений, но потенциально поможет решить часть актуальных проблем информационного характера, повысить интеллектуальный потенциал молодого населения, ввести эту группу граждан в политическую жизнь страны. Предлагаемое решение будет способствовать развитию сильной страны, основанной на стабильности конституционного строя и незаблємости прав и свобод человека.

По сути, речь идет о некотором прорыве сравнимым с «японским экономическим чудом», когда Япония, находясь в весьма затруднительном положении после Второй мировой войны, стала, помимо всего прочего поощрять развитие новых технологий.

Именно «ставка» на подрастающее поколение, предоставление ему возможности полноценного развития благодаря доступу к современной информационной среде может стать фактором будущего развития гражданского общества, состоящего из людей, прекрасно ориентирующихся в информационном хаосе

и способных его упорядочить, а также имеющих навыки эффективного взаимодействия благодаря готовности усваивать и воспроизводить актуальную составляющую «информационного опыта человечества, включающего работу с информацией и информационно-коммуникационными технологиями» [5, с. 91-105]. Такой подход также сочетается с вновь внесенными поправками в Конституцию РФ [9, ч. 4, ст. 67.1].

*Международное сотрудничество
как фактор регулирования глобальных медиакомпаний*

Помимо внутригосударственной смены ориентиров, очевидно, нужно решать проблемы влияния глобальных медиакомпаний на общество и государство, установить общие для государств-членов ООН нормы свободы слова в сети Интернет, юрисдикционные правила разрешения информационных споров.

Актуальность регулирования деятельности глобальных медиакорпораций связана с тем, что они:

- 1) реализуют свои проекты на территории большинства государств мира;
- 2) юридически относятся к стране, в которой зарегистрирован головной офис компании и, соответственно, действуют вне правового поля страны, из которой получают прибыль, зачастую в обход ее национальным правовым актам. В основном такие компании сосредоточены в США [17];
- 3) принимают самостоятельные локальные акты, регулирующие вопросы свободы слова своих пользователей. При этом технические и юридические аспекты обработки пользовательских данных закрыты и для государств, и для пользователей программ.

Кроме того, медийные корпорации стали полноценным субъектом международной политики, активно участвуют в различных глобальных процессах, реализуя «собственную корпоративную дипломатию» [15, с. 120]. Как подчеркивает И. В. Кирия, рассматривая концепцию культурного империализма, «транснациональные СМИ одним своим существованием ставят под сомнение национальную политику..., но все же обязаны принимать в расчет внешнеполитическую линию той страны, из которой они вещают» [11, с. 60].

В связи со сказанным перспективным представляется предложение Совета Федерации Федерального Собрания РФ по разработке международной конвенции, регулирующей деятельность глобальных медиакомпаний. Высказанные в Заявлении Совета Федерации нарушения принципа свободы слова глобальными интернет-компаниями [19] действительно имеют место и актуальны не только на России, но других государств.

Последнее можно подтвердить действиями государственных органов разных стран мира, связанные с попытками ввести указанные организации под действие собственных законов. В частности, ЕС в рамках своих приоритетов до 2024 г. указывает на то, что важными направлениями являются:

- цифровой суверенитет и собственные стандарты с четким акцентом на данные, технологии и инфраструктуру;
- борьба против монополизма в цифровой индустрии, доступности нелегального контента, использования информации о потребителях для целевой рекламы [22, 24].

Самоцензура как фактор внеправового регулирования пределов свободы слова

Еще одной тенденцией развития пределов свободы слова, которая носит околоправовой характер, но требует анализа, стала самоцензура СМИ. Указанное явление возникло под воздействием правовых ограничений, а также доступности для журналистского сообщества данных о негативном влиянии некоторых видов информации. В частности, как отмечает О. М. Нечипоренко, информация о теракте обладает двумя признаками:

- 1) провоцирующим эффектом, имеющим позитивно-негативные свойства, как для антитеррористических организаций, так и для террористов. Получая информацию о теракте через СМИ, указанные субъекты могут ее анализировать и делать выводы для обеспечения безопасности (первые) или увеличения числа пострадавших (вторые);
- 2) токсикогенностью, вызывая нервозность, панику в обществе. Для этого даже не обязательно проводить террористическую операцию на самом деле. Зачастую достаточно ее имитировать, чтобы общество было дезориентировано [16, с. 121].

В качестве эффективного способа противостояния таким явлениям в научном сообществе предлагается естественная фильтрация низкокачественной литературы за счет научного сообщества, которое вместо террористических идей может предложить идею «позитивного социального и культурного развития», что возможно только при поддержке «государства, действующего в интересах общества, а не в узко корпоративных интересах» [4, с. 148], а также иных структур, в т. ч. СМИ.

Отсюда указанное стремление ряда СМИ к самоцензуре, когда отдельная информация, имеющая широкий общественный резонанс и способная помочь террористам получить еще больший эффект от совершенных действий, целенаправленно меняется. В качестве примера можно рассматривать ретушь фотографии журналиста П. Т. Геррерой с места взрыва поезда в Мадриде. Газета *El País*, в которой он работал, опубликовала фото без изменений. Однако редакции других европейских газет подвергли ее ретуши, убрав лежащую на переднем плане оторванную руку или сделав цветокоррекцию, при которой эта часть тела была неразличима. Однако в других случаях СМИ, наоборот, могут способствовать героизации терроризма, превращая его из акта преступления в акт борьбы против Запада, который «лжет о своей свободе слова и правах человека» [3, с. 118].

В этом смысле важны принципы профессионального журналистского сообщества, которые хоть и носят рекомендательный характер, но позволяют его представителям соотносить распространяемую информацию с нормами морали,

психологией коммуникации, подвергать определенные острые темы самоцензуре. Например, Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции, принятые Федеративным Советом Союза журналистов России 30 октября 2001 г., устанавливают, что:

- при сборе информации журналисты должны не предпринимать действий, которые могут подвергнуть риску жизни жертв, отдавать приоритет их здоровью и жизни перед информационными правами;
- не создавать ситуаций для получения террористами удачного материала;
- не брать интервью во время террористического акта в целях исключения пособничества в передаче информации такими лицами;
- стараться избегать действий, оправдывающих, героизирующих терроризм;
- воздерживаться от натурализма;
- учитывать, что дискредитация какой-либо религии, расы или национальности не допустимы и являются хорошей почвой для ненависти и международного терроризма [13, с. 207].

Схожие документы приняты журналистскими сообществами во всем мире.

Конечно, указанные правила подкрепляются только морально-этическими принципами журналистов. Тем не менее, они даже в таком виде обладают регулирующим воздействием на большую часть профессионального журналистского сообщества.

Однако в современном мире всё большее значение начинают играть новые медиа, в которых субъектами зачастую выступают не журналисты, а лица, никак не связанные с этой профессией. Кодекса правил получения, создания и распространения информации блогерами в России не существует. Таким образом, любые действия блогеров опираются исключительно на их внутренние ценности и никак не ограничиваются блогерским сообществом. Однако целый ряд сигналов говорят о том, что общество постепенно отрегулирует эту сферу за счет введения института репутации. Поэтому и здесь вмешательство государственных органов должно быть минимальным.

Примером негативной реакции общества на слова публичного лица стал скандал вокруг Р. Тодоренко, которая в апреле 2020 г. в интервью одному из каналов YouTube высказала некорректные замечания в адрес жертв домашнего насилия, предложив им искать причину в себе. В итоге с ней были разорваны крупные рекламные контракты и она лишилась премии «Женщина года» по мнению журнала Glamour.

Заключение

Подводя итоги исследованию, проведенному в рамках настоящей статьи, можно сделать следующие основные выводы:

1. Направленность государства на сужение пределов свободы слова в России негативно влияет на национальную экономику, образовательную,

культурную и иные сферы. Кроме того, она способствует усилению «поколенческого разрыва». Всё это в конечном счете является существенным препятствием развитию страны. Обоснованные опасения, связанные с отрицательным влиянием некоторых видов информации, могут быть сняты не запретами и ограничениями на информацию как таковую, а путем создания информационной среды, формирующей ценностные ориентиры, критическое отношение к любой получаемой информации. Для этого государство должно закреплять естественно-складывающиеся положительные тенденции и только при необходимости регулировать их. Шагом в этом направлении может стать существенная доработка федерального законодательства в целях поэтапной ликвидации некоторых ограничительных норм с одновременным проведением просветительской политики, которая решит часть актуальных проблем информационного характера, повысит интеллектуальный потенциал молодого населения, введет эту группу граждан в политическую жизнь страны. Предлагаемое решение будет способствовать развитию сильной страны, основанной на стабильности конституционного строя и незыблемости прав и свобод человека.

2. Общемировая тенденция, проявляемая в широком влиянии глобальных медиакомпаний на общество и государство, должна быть включена в правовое поле путем принятия международной конвенции, которая установит общие для государств-членов ООН нормы свободы слова в сети Интернет, юрисдикционные правила разрешения информационных споров.
3. Развитие гражданского общества способствует внеправовому регулированию отношений, связанных со свободой слова. В этом смысле институты самоцензуры и репутации являются положительным примером ограничения свободы слова без государственного вмешательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрианов В. Мировые системные дисбалансы: дисбаланс между объемом мирового ВВП и размером глобального долга / В. Андрианов // Общество и экономика. 2020. № 12.
2. Баженов Ю. Д. Технология духовно-нравственной экологии молодежи средствами медиапросветительской деятельности / Ю. Д. Баженов // Медиаобразование. 2014. № 4. С. 31-39.
3. Базаркина Д. Ю. Влияние квазирелигиозного терроризма на общественное мнение: на опыте Европейского Союза / Д. Ю. Базаркина // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12. С. 118, 119.
4. Базаркина Д. Ю. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация в государственном управлении / Д. Ю. Базаркина // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 43. С. 148.

5. Бодрунова С. С. Медиакратия. Атлантические подходы к определению термина / С. С. Бодрунова // *Материалы международной научной конференции «Медиафилология. Границы дисциплины»*. СПб., 2013. С. 91-105.
6. Вячеслав Володин: средний возраст депутатов ГД восьмого созыва на год больше, чем седьмого / Государственная дума. URL: <http://duma.gov.ru/news/52390/> (дата обращения: 21.12.2021).
7. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: экологический аспект / И. М. Дзялошинский // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2013. № 1. С. 71.
8. Дилигенский Г. Г. Путин и российская демократия (Putin and Russian democracy) / Г. Г. Дилигенский // *Актуальные проблемы Европы*. 2001. № 4. С. 138.
9. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // *СЗ РФ*. 2020. № 11. Ст. 1416.
10. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля» (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19 октября 2021 г. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
11. Кирия И. В. «Цифровой раскол» и глобализация СМИ и ИКТ / И. В. Кирия // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2005. № 4. С. 60.
12. Ковалев А. А. Международная защита прав человека: учебное пособие / А. А. Ковалев. М.: Статут, 2013.
13. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста: учебник и практикум для академического бакалавриата / Г. В. Лазутина. М.: Издательство Юрайт, 2018.
14. Лукьянов Д. В. Религиозные свободы и свобода слова: европейский и исламский подходы / Д. В. Лукьянов // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 3 (19). С. 161-162.
15. Маркина Ю. В. Современное понимание процессов медийной концентрации в системе мировых СМИ / Ю. В. Маркина // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. 2014. № 4. С. 120.
16. Нечипоренко О. М. Избыточная информация о террористических угрозах как элемент напряженности в обществе / О. М. Нечипоренко // *Институты гражданского общества против глобализации преступности и терроризма. Сборник статей*. М., 2008. С. 121.
17. Рейтинг самых крупных мировых медиакомпаний // NoNews. Никаких новостей. URL: <https://nonews.co/directory/lists/companies/top-global-media> (дата обращения: 21.01.2022).
18. Рябова Т. Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян / Т. Б. Рябова // *Комплексные исследования детства*. 2021. Том 3. № 1. С. 59-67.
19. СФ принял Заявление в связи с нарушением принципа свободы слова глобальными американскими интернет-компаниями // Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/123460/> (дата обращения: 21.01.2022).
20. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» // *СЗ РФ*. 2019. № 18. Ст. 2214.

21. Шамахов В. А. Дивный старый мир и новые фактора развития / В. А. Шамахов, Н. М. Межевич // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1 (35). С. 19.
22. A Europe fit for the digital age // European Commission, Official Website. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age_en (дата обращения: 21.01.2022).
23. Chambers S. Civil Society and the State / S. Chambers, J. S. Kopstein // The Oxford Handbook of Political Theory / edited by J. S. Dryzek, B. Honig, and A. Phillips. Online edition. Oxford Academic, 2008. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548439.003.0020 (дата обращения: 21.12.2021).
24. The Digital Services Act: ensuring a safe and accountable online environment // European Commission, Official Website. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act-ensuring-safe-and-accountable-online-environment_en#documents (дата обращения: 21.01.2022).

Lev Mikhailovich BOLSHAKOV¹

UDC 342.727

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE LIMITS OF FREEDOM OF SPEECH

¹ Senior Lecturer,
Department of Constitutional and Administrative Law,
South Ural State University (Chelyabinsk)
levbolshakov74@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9325-6827

Abstract

This article studies the current state of freedom of speech and its limits, both in Russia and in the rest of the world. Despite the consolidation of elements of freedom of speech in international and national norms, current trends in its development raise many questions regarding the preservation of the previously established balance of freedom of speech and its restrictions, which makes this study relevant.

Thus, the purpose of this research is to identify the conditions that contribute to these changes, to analyze modern patterns of development.

In relation to freedom of speech, the author analyzes the influence of globalization and deglobalization processes, IT, media corporations, as well as elements of self-regulation of public structures on society and the state.

The results reveal the changes in the implementation of freedom of speech without changing its legal consolidation, as well as the “generational gap” destabilizing society.

The author assumes that the development of the law regarding the limits of freedom of speech will be influenced by the following factors: objectively increasing globalization and resistance to it from political elites; an increase in the influence of new media corporations and civil society, which will further exacerbate the established “generational gap”. This assumption relies on a sociological study conducted by the author on the topic “Freedom of Speech and Its Limits”, as well as an assessment of the results obtained and their comparison with the data of other researchers.

Citation: Bolshakov L. M. 2022. “Modern trends in the development of legal regulation of the limits of freedom of speech”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 76-94. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-90-108

This article continues the analysis of the contemporary understanding of freedom of speech and its limits within the framework of the integrative approach proposed by the author in his earlier publications. This approach helped in assessing the level of legal regulation of the limits of freedom of speech; in addition, it provides options for their change in the near future.

Keywords

Freedom of speech, limits of freedom of speech, constitutional law, development trends, globalization, globalization, generational gap.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-90-108

REFERENCES

1. Andrianov V. 2020. "World systemic imbalances: the imbalance between the volume of world GDP and the size of global debt". *Society and Economics*, no. 12. [In Russian]
2. Bazhenov Yu. D. 2014. "Technology of spiritual and moral ecology of youth by means of media enlightenment activity". *Media Education*, no. 4, pp. 31-39. [In Russian]
3. Bazarkina D. Yu. 2017. "The influence of quasi-religious terrorism on public opinion: on the experience of the European Union". *Russia: Trends and Prospects of Development*, no. 12, pp. 118, 119. [In Russian]
4. Bazarkina D. Y. 2014. "Communication management and strategic communication in public administration". *Public Administration. Electronic Bulletin*, no. 43, p. 148. [In Russian]
5. Bodrunova S. S. 2013. "Mediacracy. Atlantic approaches to the definition of the term". *Proceedings of the International Research Conference "Media Philosophy. Boundaries of Discipline"*, pp. 91-105. St. Petersburg. [In Russian]
6. State Duma. "Vyacheslav Volodin: the average age of deputies of the State Duma of the eighth convocation is one year more than the seventh". Accessed 21 December 2021. <http://duma.gov.ru/news/52390/> [In Russian]
7. Dzyaloshinsky I. M. 2013. "Media space of Russia: ecological aspect". *Questions of Theory and Practice of Journalism*, no. 1, p. 71. [In Russian]
8. Diligensky G. G. 2001. "Putin and Russian democracy (Putin and Russian democracy)". *Actual Problems of Europe*, no. 4, p. 138. [In Russian]
9. RF Law on the amendment to the RF Constitution of 14 March 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power". In: *SZ RF*, 2020, no. 11, art. 1416. [In Russian]
10. Information of the RF Constitutional Court "Methodological aspects of constitutional control" (to the 30th anniversary of the RF Constitutional Court)", approved by the RF Constitutional Court Decision of 19 October 2021. Accessed 12 December 2021. <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf>. [In Russian]
11. Kiria I. V. 2005. "Digital split" and globalization of mass media and ICT". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 4, p. 60. [In Russian]
12. Kovalev A. A. 2013. *International Protection of Human Rights: Textbook*, pp. 473-474. Moscow: Statute. [In Russian]

13. Lazutina G. V. 2018. Professional Ethics of a Journalist.: Moscow: Yurayt Publishing House. [In Russian]
14. Lukyanov D. V. 2016. "Religious freedoms and freedom of speech: European and Islamic approaches". Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA), no. 3 (19), pp. 161-162. [In Russian]
15. Markina Yu. V. 2014. "Modern understanding of media concentration processes in the world media system". Bulletin of the VSU, series: Philology. Journalism, no. 4, p. 120. [In Russian]
16. Nechiporenko O. M. 2008. "Excessive information about terrorist threats as an element of tension in society". In: Civil Society Institutions against the Globalization of Crime and Terrorism. Collection of Articles, p. 121. Moscow. [In Russian]
17. NoNews. "Rating of the world's largest media companies". Accessed 21 January 2022. <https://nonews.co/directory/lists/companies/top-global-media> [In Russian]
18. Ryabova T. B. 2021. "Age of power? 'Imaginary generations' and trust in politicians in the social representations of modern Russians". Complex Studies of Childhood, vol. 3, no. 1, pp. 59-67. [In Russian]
19. RF Federation Council. "The SF adopted a Statement in connection with the violation of the principle of freedom of speech by global American Internet companies". Accessed 21 January 2022. <http://council.gov.ru/events/news/123460/> [In Russian]
20. RF Federal Law No. 90-FZ of 1 May 2019 "On Amendments to the Federal Law 'On Communications' and the Federal Law 'On Information, Information Technologies and Information Protection'". In: SZ RF, 2019, no. 18, art. 2214. [In Russian]
21. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. 2021. "The wondrous old world and new factors of development". Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, no. 1 (35), p. 19. [In Russian]
22. European Commission, Official Website. "A Europe fit for the digital age". Accessed 21 January 2022. https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age_en
23. Chambers S., Kopstein J. S. 2008. "Civil society and the state". In: Dryzek J. S., Honig B., Phillips A. (eds.). The Oxford Handbook of Political Theory. Online edition. Oxford Academic. Accessed 21 January 2022. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548439.003.0020
24. European Commission, Official Website. "Digital Services Act: Ensuring a secure and accountable online environment". Accessed 21 January 2022. https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act-ensuring-safe-and-accountable-online-environment_en#documents

Марк Наумович РУДМАН¹
Артур Разимович ТУРИЯНОВ²

УДК 342.4

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА**

¹ кандидат исторических наук, магистр права,
доцент кафедры теории государства и права,
Институт права, Башкирский государственный университет (г. Уфа)
markrudman@yandex.ru

² ведущий юрисконсульт,
МКУ «Центр организации и проведения конкурсных процедур» (г. Уфа)
artur.aspir@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются предпосылки конституционной реформы 2020 г., упразднившей институт конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации. Авторами выявляются значение и факторы развития региональной конституционной юстиции, рассматриваемого как один из фундаментальных элементов российского конституционного федерализма. Приведен подробный анализ аргументов в пользу ликвидации органов конституционной юстиции субъектов РФ, которые не содержат вариантов обеспечения эффективного конституционного контроля на уровне регионов, что представляется отражением низкой заинтересованности общества в сохранении конституционного строя. В качестве ведущей причины ликвидации региональных конституционных и уставных судов выделяется отсутствие политического запроса на их деятельность в силу неразвитости российского федерализма.

Цитирование: Рудман М. Н. Проблемы развития системы конституционного контроля в субъектах Российской Федерации после конституционной реформы 2020 года / М. Н. Рудман, А. Р. Туриянов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 95-109. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-109-123

Новизна статьи заключается в выявлении взаимосвязи между развитием конституционной юстиции в субъектах РФ и политической стабильностью конституционного строя российского государства. Автор подчеркивает значение возможности учреждения органов конституционной юстиции в субъектах РФ для развития отечественного конституционализма, которая сохраняется на основе действующего конституционного законодательства. При этом отмечается, что предлагаемая в рамках конституционной реформы 2020 г. модель с подчинением региональных органов конституционной юстиции представительным органам субъектов федерации нарушает конституционный принцип независимости судебной власти.

В статье выдвигается гипотеза о том, что развитие конституционной основы российского федерализма опирается на стабильность конституционного и уставного законодательства регионов. Следовательно, эффективность регионального конституционного контроля представляет собой фундаментальную основу существующего конституционного строя. Поэтому осуществляющие такой контроль учреждения должны быть выведены из непосредственного подчинения представительным органам субъектов федерации.

Ключевые слова

Конституционное законодательство, конституционный контроль, субъект федерации, конституционный суд, федерализм, конституционный совет, судебная власть.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-109-123

Введение

Определение статуса и границ конституционного контроля согласно содержанию фундаментальных положений Конституции РФ о смысле, содержании и применении законов, повлекла за собой признание конституционного права субъектов РФ на учреждение своих высших судебных органов с аналогичными функциями.

Ведущей особенностью порядка создания конституционных и уставных судов в субъектах РФ, согласно Конституции РФ, являлась необязательность их учреждения. Высшие представительные органы субъектов РФ получили возможность самостоятельного решения этого вопроса. Сложность этой проблемы, вытекающей из противоречивого характера и особенностей самого российского федерализма, находящегося на стадии формирования, что не во всех субъектах РФ, отличающихся историческими традициями, и обусловленными ими социально-правовыми запросами, были сформированы такие органы.

За тридцать лет с начала судебной реформы в России с 1990 по 2020 г. органы конституционного контроля были учреждены в 16 субъектах, включая девять республик: Адыгею, Башкортостан, Бурятию, Дагестан, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию — Аланию, Татарстан, Тыву и Чечню. Однако анализировать степень эффективности в эти годы их деятельности по оценке специалистов по истории конституционного права и конституционного контроля в России очень затруднительно, поскольку концептуально не сформулирован предмет такого анализа.

Методы

Процесс формирования и развития органов конституционного контроля в республиках и других субъектах РФ с достаточной степенью обоснованности делится на три этапа.

Первый из них охватывает период до принятия Конституции РФ 1993 г., т. е. время первых попыток учреждения органов конституционного контроля в субъектах федерации до 1993 г. Верхняя граница ограничивается 1993 г. на том основании, что в этот период по образцу конституционных реформ, предпринимаемых центральным российским правительством, руководство республик осуществляло те или иные конституционные реформы, включая попытки создания региональных органов конституционного контроля. Однако отсутствие историко-правового опыта в такой сфере и недостатки законодательной базы привели к тому, что правоведы указывают на такую особенность данного периода, как фактическое отсутствие легитимности появления и функционирования таких органов.

Второй этап включает 1993-1996 гг., т. е. время ускоренного формирования законодательных оснований для учреждения и деятельности органов конституционного контроля в субъектах РФ, для которых была создана федеральная законодательная база в форме принятия Конституции 1993 г., содержащей фундаментальные установки для функционирования в России органов конституционного правосудия. Данный период характеризуется осознанием проблем недостаточного уровня развития российского федерализма, в рамках которого не была выработана устойчивая и приемлемая для всех участников модель взаимодействия и распределения властно-законодательных полномочий между федеральным центром и субъектами федерации. Поэтому и заимствование законодательных новелл федерального уровня в сфере организации конституционного контроля сопровождалось дискуссиями о содержании таких заимствований и постановкой вопроса о пределах законодательной самостоятельности субъектов федерации.

Третий этап начинается в 1996 г. и продолжается до настоящего времени. В эти годы законодатель адаптируется к принципам федерализма, признавая правосубъектность регионов в решении вопросов, отведенных конституцией к сфере их ведения. Поэтому рассматриваемый этап сопровождается разработкой на уровне федерального законодательства системы рекомендательных по отношению к законодательным органам субъектов федерации норм по учреждению конституционных и уставных судов РФ. Эта система опирается на положения ст. 27 ФКЗ «О судебной системе». Согласно п. 1 указанной статьи, субъект РФ получал право учреждение своих органов конституционного контроля

«для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для их толкования» [18].

На основании этой статьи законодательные (представительные) органы субъектов РФ получили полномочия для законодательного регулирования деятельности таких органов через принятие специальных законов о данных органах в субъектах РФ. Из этого следует, что организационно-правовой процесс учреждения органов конституционного контроля в республиках РФ можно считать составной частью формирования органов конституционного контроля в России в целом [2, с. 10].

Результаты и обсуждение

Федеральное законодательство включало республиканские органы конституционного контроля в судебную систему РФ, предоставляя республиканским законодателям возможности самостоятельного регулирования их статуса. К примеру, согласно п. 1 ст. 11, срок полномочий и предельный возраст пребывания в должности судьи для судей конституционных (уставных) судов субъектов РФ должен был устанавливаться законами указанных субъектов РФ [6].

Однако эффективность деятельности конституционных судов республик изначально в условиях незрелого российского федерализма вызывала сомнения у правоведов и работников правоприменительной системы. Обыденной стала ситуация простоя конституционных судов республик РФ, в которой они по несколько лет подряд не выносили ни одного постановления, как это было в деятельности указанных органов Чеченской Республики, Республика Тыва, Кабардино-Балкарской Республики и Адыгейской Республики. При очевидном отсутствии социального запроса на их деятельность, политическое руководство регионов после нескольких споров, в которых орган конституционного контроля признавал их распоряжения неконституционными, стало проявлять стремление избавиться от барьеров, которые могли быть созданы их деятельности со стороны республиканских органов конституционного контроля.

Стремление законодателя исключить случаи конкуренции органов конституционной юстиции с судами общей привела к уточнению сферы компетенции конституционных и уставных судов на уровне судебной практики. В Постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ неоднократно отмечалось, что при наличии в субъекте РФ конституционного (уставного) суда суды общей юрисдикции не уполномочены рассматривать дела о проверке соответствия законов субъекта РФ, подзаконных актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления конституции (уставу) субъекта РФ, т. к. их рассмотрение отнесено согласно ч. 1 и 3 ст. 27 ФКЗ «О судебной системе» к компетенции конституционного (уставного) суда субъекта РФ [12].

Но создание правовых основ функционирования органов конституционного контроля в республиках и других субъектах РФ не могло ускорить политического развития общества, в котором такие органы так и не стали востребованы за три десятилетия реформ. Следствием такого положения на уровне судебной практики является как отсутствие загруженности республиканских органов конституционного контроля, так и нехватка такого контроля относительно стре-

нительно растущего объема нуждающихся в такой проверке актов органов государственной власти и местного самоуправления. В абсолютном большинстве субъектов федерации общество и органы государственной власти не проявили заинтересованности в организации такого контроля и соответствующие органы так и не были учреждены. Многие отечественные правоведы подчеркивают социально-политическую значимость создания органов конституционного контроля в субъектах РФ, что в первую очередь, касается публично-правовых образований, имеющих свою конституцию, т. е. республик РФ.

С. Э. Несмеянова подчеркивала, что такое положение ведет к опасному для построения правового государства положению, в котором огромный массив актов законодательства субъектов федерации, отнесенный, согласно Конституции РФ 1993 г., к их исключительному ведению, остается вне конституционного контроля согласно конституциям (и уставам) соответствующих субъектов РФ. При этом, по ее убеждению, каждый субъект федерации нуждается в создании независимых и компетентных органов судебного конституционного контроля для обеспечения эффективности своего развития, разрабатывая собственный основной закон в форме конституции или устава [9, с. 205].

Б. С. Эбзеев, имевший опыт работы в КС РФ с 1991 по 2008 г., писал о преимуществах субъектов РФ со своими конституционными судами в сравнении с аналогичными субъектами, так и не учредившими подобные органы в сфере обеспечения и защиты прав населения. При этом настораживает тот факт, что «абсолютное большинство субъектов, которые хотя и имеют должную законодательную базу, но не могут решиться на то, чтобы создать этот институт» [21, с. 15]. По его оценке, отсутствие в республиках и других субъектах РФ органов конституционного контроля нарушает основополагающие принципы организации государственной власти в России, прямо противореча установленному в ст. 19 Конституции РФ принципу равенства граждан перед законом и судом вне зависимости от места проживания.

В. В. Мамонов выделяет ценность самого факта деятельности органов конституционного правосудия на федеральном и региональном уровне, которая обусловлена его влиянием на формирование в российском обществе такого правового явления, как конституционная культура. Он определяет конституционную культуру как знание, уважение, соблюдение и защиту Конституции России, конституций (уставов) субъектов РФ [8, с. 58].

Но кризисное состояние и явное отсутствие запроса на деятельность органов конституционной юстиции при стремлении органов исполнительной власти освободиться от контроля с их стороны, увеличивает влияние сторонников их ликвидации. Как отмечает К. М. Худолей, снижение эффективности органов конституционного контроля субъектов РФ объясняется ограничением их полномочий как следствии возникающих между ними и региональным руководством политических конфликтов. В республике Тыве, как и в Санкт-Петербургской области, такой конфликт привел к потере органами конституционной юстиции полномочий по рассмотрению законности актов губернаторов и уменьшению

численности судейского корпуса. Их компетенция ограничена рассмотрением заявлений о нарушениях конституционных прав граждан [20, с. 97].

Отсутствие политической поддержки принципа разделения властей и ограничение полномочий дополнялись тем, что по вопросам совместного ведения федерации и субъектов федерации органы региональной юстиции получали возможность осуществления конституционного контроля, конкурирующего с КС РФ. Безусловный приоритет в таких случаях КС РФ также лишал значения деятельность республиканских конституционных судов.

По кругу своих полномочий конституционные и уставные суды субъектов федерации призваны решать возникающие по разным причинам конституционно-правовые проблемы, в публичном рассмотрении которых не заинтересованы органы государственной власти этих субъектов. По этой причине в большинстве из них и не созданы органы конституционной юстиции. Возникающие на этой почве конфликты привели к ликвидации суды Бурятии, Тывы, Мордовии, а также уставный суд в Челябинской области. Под влиянием такого примера инициативы ликвидации конституционных (уставных) судов неоднократно выдвигались и в других субъектах РФ [20, с. 98].

Сторонники ликвидации органов конституционного контроля в публично-правовых образованиях, имеющих статус субъектов федерации, обосновывают свою позицию тем, что с учетом имеющейся практики крайне незначительного количества обращений в такие органы, дела по таким обращениям вполне могут рассматриваться судами общей юрисдикции, что несущественно увеличит загруженность. С нашей точки зрения, такая позиция не принимает во внимание значимость содержания деятельности конституционных и уставных судов, которые, во-первых, подчеркивают фактом своего существования реализацию принципов федерализма в России; во-вторых, занимаются научно-аналитической деятельностью в сфере выявления запросов общества к содержанию конституционного строя. Подобная деятельность имеет огромное значение в плане поддержания взаимосвязи между законодательными установками конституционного правления и социальным заказом общества, интересы которого этот тип правления должен обеспечивать наиболее эффективно. Надо подчеркнуть специфику деятельности конституционных и уставных судов субъектов федерации, которая не ограничивается решением задач правоприменительной деятельности по конкретным юридическим фактам — ими должны заниматься судебные органы общей юрисдикции [16, с. 45].

Однако объективная ситуация в регионах РФ в настоящее время характеризуется практикой, отражающей стремление к ликвидации органов конституционной юстиции субъектов федерации на фоне равнодушия к этим проблемам региональных законодателей и политиков. Нормативной основой такой возможности служит содержание ч. 2 ст. 17 ФКЗ «О судебной системе», согласно которой учреждение и ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ должно осуществляться на основании законов соответствующих субъектов РФ [18].

На основании этого положения федерального конституционного законодательства были упразднены конституционные суды в Республике Бурятия [5] и Республике Тыва [7]. Основаниями принятия таких актов являлись уже отмеченные ссылки на фактическое отсутствие их загруженности, хотя это утверждение представляется спорным. Например, Конституционный суд Республики Тыва с момента своего учреждения рассмотрел 53 обращения. Но их ежегодное количество постепенно снижалось, хотя из республиканского бюджета на его содержание ежегодно расходовалось около 30 млн. руб.

Примечательно, что в ходе парламентских дискуссий об упразднении Конституционного суда Республики Бурятия некоторые депутаты Народного хурала утверждали, что сам факт такой ликвидации суда как одного из ведущих институтов управления в конституционном государстве означает угрозу утраты республикой статуса субъекта РФ [17, с. 95].

Обозначенная тенденция к закрытию органов конституционной юстиции по инициативе региональных законодателей ставит проблему передачи их функций и незавершенных дел. Наряду с объективной необходимостью решать этот вопрос, его правовая основа закреплена в п. 3 ст. 17 ФКЗ «О судебной системе», согласно которой ни один судебный орган не подлежит ликвидации, если отнесенные к его компетенции вопросы отправления правосудия не передаются одновременно в юрисдикцию другого судебного органа.

В усложняющихся условиях экономического кризиса и нехватки бюджетных средств, усугубленных последствиями эпидемии COVID-19, Правительство РФ обратило внимание на бессмысленность расходов на содержание органов конституционного контроля в субъектах РФ [2, с. 12]. Законодатель решил форсировать этот процесс, приняв Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ (далее: ФКЗ № 7 от 8 декабря 2020 г.), согласно которому до 1 января 2023 г. конституционные и уставные суды субъектов РФ должны быть ликвидированы [19]. В рамках данного закона закреплено обязательство конституционных и уставных судов субъектов РФ не принимать к производству новые дела и завершить рассмотрение текущих дел, уже принятых к производству до 1 января 2023 г. Из этого следуют положения о запрете назначения новых судей конституционных и уставных судов субъектов РФ и гарантиях сохранения их материального и социального обеспечения, предусмотренных для участников таких судебных органов в отставке.

Решение об упразднении региональной юстиции само по себе делает актуальным поиск ответа на вопрос о том, какие судебные органы должны в будущем заменить их. Частично направление решения этого вопроса задано в ст. 7 ФКЗ № 7 от 8 декабря 2020 г., согласно которой субъектам РФ предоставляются полномочия по учреждению конституционных и уставных советов, которые будут функционировать «при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации». Такой подход федерального законодателя в принципе нивелирует независимость таких органов от соответствующих «законодательных (представительных)» органов субъектов

федерации, из чего следует, что в таком статусе конституционные и уставные советы уже не будут являться органами судебного контроля, функционирующими на основе принципа разделения властей. И соответственно, сфера их компетенции уже не будет включать функцию конституционного надзора и конституционного контроля.

Процесс обсуждения вариантов решения этого вопроса усложняется тем, что процедура ликвидации конституционных судов республик РФ выявила угрожающие признаки конституционного кризиса. Он выявляется в крайне низком уровне юридической подготовки сторонников ликвидации таких органов. На это указывают М. А. Митюков и А. В. Безруков, отмечая, что в принципе антиконституционна идея передачи дел о нарушении нормативно-правовыми актами положений конституции РФ или субъекта РФ от органов региональной конституционной юстиции рассмотрению дел суду общей юрисдикции на основе закона субъекта РФ [13, с. 39]. По мнению Д. М. Евстифеева, такой подход вполне приемлем, поскольку в компетенцию федерального законодательства входят вопросы правового регулирования региональной конституционной юстиции. Данное мнение основано на том, что, согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ, к ведению федерации относится решение вопросов, связанных с судостроительством [4, с. 140].

По мнению А. О. Казанцева и А. В. Савоськина, полномочия конституционных судов республик РФ должны быть переданы КС РФ на том основании, что конституционный судебный процесс на федеральном и региональном уровнях максимально приближены друг к другу [14, с. 1112].

А. В. Кряжков и другие специалисты в сфере конституционной юстиции настаивают на необходимости принятия специального федерального закона о конституционной (уставной) юстиции, закрепляющего общие принципы организации и деятельности конституционных судов республик РФ, как и уставных судов в областях и краях РФ. Принятие такого закона должно стать дополнительной правовой гарантией независимости и авторитета органов конституционной юстиции субъектов РФ, учитывая проблему оказания давления на такие органы со стороны органов государственной власти субъектов федерации.

К. М. Худолей подчеркивает невозможность в полной мере заменить конституционные суды республик РФ в силу их специфических функций, выражающих сущность федерализма — конституционный надзор и контроль за соблюдением конституционного акта, определяющего государственный суверенитет данной республики как субъекта РФ. Комментируя инициативы по передаче их функций КС РФ, он отмечает, что данный орган может и должен проверять конституционность нормативно-правовых актов субъектов РФ, но только на предмет соответствия Конституции РФ. Но недопустимо передавать КС РФ полномочия по проверке региональных нормативно-правовых актов на предмет соответствия региональной конституции или уставу, т. к. эта компетенция входит в пределы исключительного ведения этого субъекта РФ. Аналогичным образом, КС РФ не может рассматривать конституционность муниципаль-

ных нормативно-правовых актов, что подтверждается статистикой, согласно которой именно запросы по этой категории дел составляли большинство среди общего числа дел, рассмотренных конституционными судами республик РФ и уставными судами [20, с. 103].

Значение деятельности конституционных судов республик РФ наряду с уставными судами состоит еще и в том, что они имеют прецедентный характер. Это позволяет дополнять нормативную базу конституционного правосудия на основе «живого права», т. е. на основе опыта судебной практики [11]. С этой точки зрения недопустимо представляется сама идея передачи дел из производства конституционных судов судам общей юрисдикции, принимаемых в рамках общего нормоконтроля, как это предлагается некоторыми авторами [10, с. 1647].

Но пассивность представительных органов республик РФ наряду с настойчивостью федерального законодателя в принятии решения об упразднении конституционных и уставных судов делают обоснованным вывод о том, что для развития эффективной системы регионального конституционного правосудия необходима политическая воля. Она не может проявиться в условиях слабого уровня развития гражданского общества и востребованных его институтами механизмов конституционного контроля и конституционного надзора в субъектах РФ [3, с. 146].

Выводы

В целом, следует выделить следующие причины упразднения конституционных и уставных судов субъектов РФ.

Во-первых, ничтожно малое количество рассматриваемых дел. Причину такой слабой востребованности современные исследователи видят в отсутствии понимания у законодателей всех уровней значимости конституционных (уставных) судов в системе конституционно-правового регулирования процесса становления российского федерализма [10, с. 1647].

Во-вторых, стремление федерального и регионального законодателя к экономии бюджетных средств, хотя этот вопрос можно было бы решить путем законодательного оформления режима осуществления полномочий судей на непостоянной основе, как это реализовано в конституционных судах большинства земель Германии [1, с. 3].

Предполагая, что стратегическое будущее России во многом зависит от успехов развития именно российского федерализма, необходимо учитывать, что органы конституционной юстиции в республиках РФ должны были играть большую роль в системе сдержек и противовесов. Поэтому законодатель должен был поддерживать данную систему, чтобы обеспечить их эффективное функционирование [15, с. 56]. Исходя из этих действительно государственных соображений, следует сохранить конституционный контроль в регионах. Анализируемое решение представляется логичным в сложившихся обстоятельствах, но неверным с точки зрения укрепления демократических и федеративных принципов в государственном устройстве [10, с. 1648].

Под давлением различных обстоятельств в федеративном государстве вполне допустимо и возможно угасание тех или иных институционально важных отношений. При таком развитии событий представляется крайне важным создать условия для развития федеративных отношений и эффективного функционирования этих институтов в будущем. Поскольку законодательно предусмотрена возможность учреждения конституционных и уставных советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ, то из этого следует, что в результате принятия ФКЗ № 7 от 8 декабря 2020 г. региональная конституционная юстиция в республиках Российской Федерации прекратила существование. Но деятельность по организации конституционного контроля и конституционного надзора может в случае возникновения соответствующего запроса в субъектах РФ продолжаться в форме конституционных советов.

При этом надо отметить, что реализованная в ФКЗ № 7 от 8 декабря 2020 г. концепция формирования советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ основана на игнорировании фундаментального принципа функционирования судебной системы РФ, заключающегося в независимости суда. Отсюда следует проблема обеспечения самостоятельности таких конституционных советов, организационно находящихся под контролем законодательных (представительных) органов республик РФ.

Наряду с этим, одним из значимых следствий упразднения конституционных и уставных судов, имеющих стратегическое значение для построения правового государства в России, является ликвидация органов, обеспечивающих защиту конституционных прав и свобод личности, гарантированных согласно Основному Закону РФ. Учитывая территориальный масштаб страны, региональных конституционные (уставные) суды представляли собой институциональную основу такой защиты, упраздняемую согласно реформе 2020 г.

Таким образом, накопленный к 2020 г. опыт деятельности республиканских органов конституционной юстиции показал, что в российских регионах фактически отсутствует политический запрос на продолжение их деятельности. Упразднение конституционных судов в Тыве и Бурятии обозначило тенденцию к свертыванию работы республиканских органов конституционного контроля, вершиной которой стало решение законодателя об их упразднении до начала 2023 г. Под влиянием такой практики среди специалистов по конституционной юстиции развернулась острая дискуссия о допустимости передачи полномочий органов конституционной юстиции субъектов РФ Конституционному суду РФ или судам общей юрисдикции. Очевидный разброс мнений по этому вопросу отражает глубину конституционного кризиса, проявляющегося в неспособности институтов поддержания федерализма в области конституционного контроля. Законодатель сохранил полномочия субъектов РФ по учреждению при представительных органах государственной власти в указанных субъектах конституционных и уставных советов с передачей им полномочий бывших конституционных и уставных судов субъектов РФ. Но новые конституционные

советы, учреждаемые «при» законодательно-представительных органах республик РФ, будут находиться под полным административным контролем своих учредителей в лице этих органов. Поэтому вызывает сомнение эффективность реализации ими функций конституционного контроля и надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Юбилей Конституционного Суда Российской Федерации: некоторые итоги и размышления / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 2-4.
2. Григорьева Н. В. Исторические этапы формирования органов конституционного контроля в России / Н. В. Григорьева // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 5-12.
3. Евлоев И. М. Ликвидация конституционных (уставных) судов субъектов РФ: закономерность или ошибка? / И. М. Евлоев // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 141-150.
4. Евстифеев Д. М. Некоторые проблемы становления региональной конституционной юстиции / Д. М. Евстифеев // Российский юридический журнал. 2001. № 4. С. 139-140.
5. Закон Республики Бурятия от 9 мая 2018 г. № 2938-V «Об упразднении Конституционного Суда Республики Бурятия» (принят Народным Хуралом РБ 24 апреля 2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2021).
6. Закон РФ 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 5.04.2005 № 33-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2021).
7. Конституционный закон Республики Тыва от 11 января 2019 г. № 30-КЗРТ «Об упразднении Конституционного суда Республики Тыва и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Тыва» (принят Верховным хуралом (парламентом) РТ 26 декабря 2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2021).
8. Мамонов В. В. Конституционная культура - основа российского государства / В. В. Мамонов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1. С. 55-61.
9. Несмеянова С. Э. Актуальные проблемы конституционной юстиции / С. Э. Несмеянова // Вопросы управления. 2013. № 1. С. 204-207.
10. Питиримова А. О. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ: невостребованный элемент в системе органов региональной государственной власти или ее модернизация? / А. О. Питиримова // Эволюция российского права. Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 29-30 апреля 2021 г. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 1645-1650.
11. Постановление Конституционного суда Республики Башкортостан по делу о толковании отдельных положений статьи 132 и статьи 135 Конституции Республики Башкортостан от 26 ноября 1998 г. № 8-П // Советская Башкирия. 1998. 3 декабря.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
13. Проблемы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации: беседа профессора М. А. Митюкова (Москва) и доцента А. В. Безрукова // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 34-46.
14. Савоськин А. В. Возможно ли упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации? / А. В. Савоськин, А. О. Казанцев // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1108-1114.
15. Саликов М. С. Федеративный строй России: понятие и содержание / М. С. Саликов // Юридический вестник ДГУ. 2018. № 1. С. 53-61.
16. Саломатин А. Ю. Региональная конституционная юстиция — завоевание судебного федерализма или системная ошибка? / А. Ю. Саломатин, А. Д. Гуляков, А. В. Дунаев // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 45-48.
17. Степшина А. В. Региональная конституционная юстиция в российской федерации: актуальные проблемы и пути их решения / А. В. Степшина // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 92-98.
18. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).
19. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).
20. Худолей К. М. Некоторые сожаления о ликвидации конституционных (уставных) судов субъектов РФ / К. М. Худолей // EX JURE. 2021. № 3. С. 95-105.
21. Эбзеев Б. С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности российского государства / Б. С. Эбзеев // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 17 июня 2005 г. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 15-21.

Mark Naumovich RUDMAN¹
Artur Razimovich TURYSANOV²

UDC 342.4

**PROBLEMS OF DEVELOPING THE SYSTEM
OF CONSTITUTIONAL CONTROL
IN THE CONSTITUENT ENTITIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION AFTER
THE 2020 CONSTITUTIONAL REFORM**

¹ Cand. Sci. (Hist.), Master of Law, Associate Professor,
Department of Theory of State and Law, Institute of Law,
Bashkir State University (Ufa)
markrudman@yandex.ru

² Leading Legal Counsel,
Center for Organization and Conducting Competitive Procedures (Ufa)
artur.aspir@mail.ru

Abstract

This article analyzes the prerequisites for the 2020 constitutional reform, which abolished the institution of constitutional and statutory courts in the constituent entities of the Russian Federation. The author identifies the significance and factors for the development of regional constitutional justice, considered as one of the fundamental elements of Russian constitutional federalism. The study provides a detailed analysis of the arguments for liquidating the bodies of constitutional justice of the RF constituent entities with no options for ensuring effective constitutional control at the regional level, which seems to be a reflection of society's low interest in maintaining the constitutional order. The leading reason for liquidating regional constitutional and statutory courts is the lack of a political request for their activities due to the underdevelopment of Russian federalism.

Citation: Rudman M. N., Turyanov A. R. 2022. "Problems of developing the system of constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation after the 2020 constitutional reform". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 95-109. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-109-123

The novelty of this research lies in identifying the relationship between the development of constitutional justice in the RF constituent entities and the political stability of the Russian state's constitutional system. The author emphasizes the importance of the possibility of establishing constitutional justice bodies in the RF constituent entities for the development of domestic constitutionalism, which is preserved based on the current constitutional legislation. At the same time, the model, proposed within the 2020 constitutional reform and subjugating the regional constitutional justice to the RF subjects' representative bodies, violates the constitutional principle of the judiciary's independence.

This article propose a hypothesis that the development of the constitutional basis of Russian federalism relies on the stability of the constitutional and statutory legislation of the regions. Consequently, the effectiveness of regional constitutional control is the foundation of the existing constitutional order. Therefore, the institutions exercising such control should be removed from the direct subordination to the representative bodies of the federation's subjects.

Keywords

Constitutional legislation, constitutional control, subject of the federation, constitutional court, federalism, constitutional council, judiciary.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-109-123

REFERENCES

1. Avakyan S. A. 2011. "Anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation: some results and reflections". *Constitutional and Municipal Law*, no. 10, pp. 2-4. [In Russian]
2. Grigorieva N. V. 2020. "Historical stages of the formation of bodies of constitutional control in Russia". *Bulletin of the Tomsk State University. Story*, no. 65, pp. 5-12. [In Russian]
3. Evloev I. M. 2020. "Liquidation of constitutional (statutory) courts of subjects of the Russian Federation: pattern or error?". *Actual Problems of Russian Law*, no. 10, pp. 141-150. [In Russian]
4. Evstifeev D. M. 2001. "Some problems of the formation of regional constitutional justice". *Russian Legal Journal*, no. 4, pp. 139-140. [In Russian]
5. Republic of Buryatia Law of 9 May 2018 No. 2938-V "On the abolition of the Constitutional Court of the Republic of Buryatia" (adopted by the People's Khural of the Republic of Belarus on 24 April 2018). Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 17 January 2021. <http://www.pravo.gov.ru/> [In Russian]
6. RF Law of 26 June 1992 No. 3132-1 "On the Status of Judges in the Russian Federation" (as amended by the RF Federal Law of 5 April 2005 No. 33-FZ). Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 17 January 2021. <http://www.pravo.gov.ru/> [In Russian]
7. Republic of Tyva Constitutional Law of 11 January 2019 No. 30-KZRT "On the abolition of the Constitutional Court of the Republic of Tyva and the invalidation of certain legislative acts of the Republic of Tyva" (adopted by the Supreme Khural (parliament) of the Republic of Tatarstan on 26 December 2018). Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 17 January 2021. <http://www.pravo.gov.ru/> [In Russian]

8. Mamonov V. V. 2014. "Constitutional culture is the basis of the Russian state". *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, no. 1, pp. 55-61. [In Russian]
9. Nesmeyanova S. E. 2013. "Actual problems of constitutional justice". *Management Issues*, no. 1, pp. 204-207. [In Russian]
10. Pitirimova A. O. 2021. "Constitutional (charter) courts of the subjects of the Russian Federation: an unclaimed element in the system of regional state authorities or its modernization?". *Proceedings of the 19th International Research Conference of Young Scientists and Students "Evolution of Russian Law"* (Yekaterinburg, 29-30 April 2021), pp. 1645-1650. Yekaterinburg: Ural State Law University. [In Russian]
11. Republic of Bashkortostan Constitutional Court Resolution on the case on the interpretation of certain provisions of Article 132 and Article 135 of the Republic of Bashkortostan Constitution of 26 November 1998 No. 8-P. *Soviet Bashkiria*, 3 December 1998. [In Russian]
12. RF Supreme Court Plenum Decree of 25 December 2018 No. 50 "On the practice of court consideration of cases on contesting regulatory legal acts and acts containing clarifications of the legislation and having regulatory properties". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2019, no. 2. [In Russian]
13. "Problems of constitutional justice of the constituent entities of the Russian Federation: a conversation between Prof. M. A. Mityukov (Moscow) and Assoc. Prof. A. V. Bezrukov". 2009. *Russian Journal of Law*, no. 4, pp. 34-46. [In Russian]
14. Savoskin A. V., Kazantsev A. O. 2014. "Is it possible to abolish the constitutional (charter) court of a constituent entity of the Russian Federation?". *Actual Problems of Russian Law*, no. 6, pp. 1108-1114. [In Russian]
15. Salikov M. S. 2018. "Federal system of Russia: concept and content". *Legal Bulletin of DSU*, no. 1, pp. 53-61. [In Russian]
16. Salomatin A. Yu., Gulyakov A. D., Dunaev A. V. 2016. "Regional constitutional justice - the conquest of judicial federalism or a systemic error?". *Russian Justice*, no. 7, pp. 45-48. [In Russian]
17. Stepshina A. V. 2019. "Regional constitutional justice in the Russian Federation: current problems and ways to solve them". *Electronic Supplement to the Russian Legal Journal*, no. 4, pp. 92-98. [In Russian]
18. RF Federal Constitutional Law of 31 December 1996 No. 1-FKZ "On the judicial system of the Russian Federation" (amended 8 December 2020 by No. 7-FKZ). Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 17 January 2022. <http://www.pravo.gov.ru/> [In Russian]
19. RF Federal Constitutional Law of 8 December 2020 No. 7-FKZ "On the amendments to certain federal constitutional laws". Official Internet Portal of Legal Information. Accessed 17 January 2022. <http://www.pravo.gov.ru/> [In Russian]
20. Khudoley K. M. 2021. "Some regrets about the liquidation of the constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation". *EX JURE*, no. 3, pp. 95-105. [In Russian]
21. Ebzeev B. S. 2005. "Constitutional justice in Russia: consistency and role in ensuring the unity and integrity of the Russian state". *Proceedings of the All-Russian Research Conference "Constitutional justice in the Russian Federation: legal regulation, experience, prospects"* (Kazan, 17 June 2005), pp. 15-21. Kazan: Center for Innovative Technologies. [In Russian]

ЭКОНОМИКА

Наталья Викторовна ТУТАРОВА¹
Елена Александровна ТРОФИМОВА²
Татьяна Владимировна БАКУНОВА³

УДК 339.13.017

АНАЛИЗ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ УСЛУГ ОПЕРАТОРОВ СОТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

¹ студент, Институт экономики и управления,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
natalia.tutarova@urfu.me; ORCID: 0000-0003-2092-8730

² кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
elena.trofimova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-6946-5098

³ кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
tatyana.bakunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0398-643X

Аннотация

Невозможно представить современное общество без постоянного обмена информацией. Услуги сотовой связи в условиях цифровизации — это наиболее доходная и быстро развивающаяся часть телекоммуникационной отрасли.

Цитирование: Тутарова Н. В. Анализ конкуренции на рынке услуг операторов сотовой связи Российской Федерации / Н. В. Тутарова, Е. А. Трофимова, Т. В. Бакунова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 110-125. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-124-139

Данное исследование направлено на анализ рынка услуг сотовой связи Российской Федерации. Мы уделяем внимание развитию конкуренции на данном рынке. На межрегиональном рынке выделяются компании «большой четверки» («ВымпелКом», «МегаФон», «МТС» и «Т2 Мобайл»), виртуальные операторы связи, количество которых увеличивается в последние годы, а также небольшие операторы, действующие в пределах нескольких регионов. При этом доли виртуальных и небольших операторов малы в сравнении с «большой четверкой». В исследование включены данные по межрегиональным и региональным операторам связи в период с 2016 по 2020 г.

В работе используются подходы к оценке отрасли, в основе которых лежит теория отраслевых рынков: показатели уровня концентрации, рыночной власти и анализ структуры. Также рассматриваются стратегические и нестратегические барьеры входа и дается оценка перспектив развития отрасли в будущем. Российский рынок сотовой связи характеризуется высоким уровнем конкуренции.

В ходе проведенного исследования была выявлена тенденция к уменьшению концентрации, обусловленное увеличением числа крупных игроков и входом новичков на рынок.

Ключевые слова

Концентрация, конкуренция, рыночная власть, барьеры входа, стратегическое поведение, сотовая связь, телекоммуникации.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-124-139

Введение

Научно-технологический прогресс позволил передавать информацию за считанные секунды, поэтому неудивительно, что телекоммуникационный рынок является одним из самых быстрорастущих практически в каждой развитой стране. Такая тенденция обусловлена ростом внедрения коммуникационных процессов, являющихся одним из факторов экономического роста в условиях цифровизации.

В ходе данной работы проводится анализ рынка услуг сотовой связи Российской Федерации. Отметим, что исследование включает те компании, которые предоставляют услуги связи для широкого круга лиц и не ограничены в пределах одной организации как это бывает внутри промышленных предприятий. Сотовая связь является видом мобильной связи, однако во многих исследованиях данные понятия считаются синонимами. Мы различаем эти понятия и фокусируемся на анализе рынка услуг сотовой связи.

По данным компании ТМТ «Консалтинг», объем российского телекоммуникационного рынка в 2020 г. достиг 1,73 трлн руб., что на 0,7% меньше, чем в 2019 г. При этом выручка на рынке сотовой связи увеличилась на 0,3 против 3,3% годом ранее. Число сотовых абонентов на 2020 г. составляет 257 млн чел, что соответствует 175-процентному проникновению сотовой связи в стране. Причинами спада сотового рынка могут быть как сокращение числа клиентов, так и снижение доходов от международного роуминга из-за пандемии коронавируса [9].

Методы

Для проведения анализа уровня концентрации рынка сотовой связи РФ рассматриваются различные показатели концентрации, основанные на сравнении размера фирмы с размером рынка.

В ходе исследования рассчитан индекс концентрации, который измеряет сумму долей крупнейших фирм на рынке [1]. В отличие от него индекс Херфиндала — Хиршмана рассчитывается как сумма квадратов рыночных долей всех компаний отраслевого рынка. Оба показателя схожи по расчету, однако их точность различается. Поэтому более грубые результаты первого, по которому можно дать общее заключение, будут компенсироваться вторым показателем, который более чувствителен к изменениям [3].

Коэффициенты энтропии и относительной энтропии позволяют измерить нам неупорядоченность распределения долей между компаниями на рынке. Для изучения неоднородности рынка мы используем дисперсию логарифмов рыночных долей и коэффициент Джини — данные показатели дополняют друг друга и позволяют сделать более точные выводы.

Результаты

Границы рынка

За последнее время на рынок активно входят различные виртуальные операторы сотовой связи, они имеют иную модель построения бизнеса и структуру расходов в сравнении с обычными операторами. Виртуальный оператор является поставщиком услуг беспроводной связи, который не владеет инфраструктурой беспроводной сети, по которой он предоставляет услуги своим клиентам. С точки зрения потребителя, товары как виртуальных, так и обычных операторов являются заменителями. С точки зрения конкуренции, выход на рынок для виртуального оператора упрощен.

Продуктовые границы рынка услуг подвижной радиотелефонной связи определены в соответствии с функциональным назначением услуги, когда потребителю необходимо осуществить телефонное соединение с пользователями сетей подвижной или фиксированной связи независимо от местонахождения лиц, отправить или получить короткое текстовое сообщение, получить/передать данные или войти в сеть Интернет независимо от местоположения.

Географические границы рынка услуг сотовой связи определяется возможностью потребителей получить услугу у операторов, действующих на территории РФ, по месту своего обращения. Таким образом, географические границы могут быть определены в рамках РФ, исходя из нормативно-правовых актов, принятых на данной территории. Мы не ограничиваемся одним или несколькими регионами страны, поскольку для этого может понадобиться доступ к дополнительным источникам, а также ни один нормативно-правовой акт не предписывает подобных ограничений для проведения исследований конкуренции. По той же причине в работу не включаются рынки других государств, где приняты иные НПА.

Исходя из цели, а также доступности информации, используемой в данном исследовании, временной интервал устанавливается в период с 2016 по 2020 г.

Размер рынка

На рынке сотовой связи РФ присутствуют обычные компании и компании с использованием виртуальной бизнес-модели.

Для определения размера рынка услуг сотовой связи на федеральном уровне в данном исследовании используется выручка компаний, поскольку информация по ней является относительно доступной. Также размер возможно определить с помощью числа абонентов, но это создает проблемы как в случае с крупнейшими операторами, где число клиентов измеряется в десятках миллионов человек, так и в случае с небольшими операторами, где информация является недоступной.

На основе финансовых результатов корпоративной отчетности компаний, а также данных из системы «СПАРК» была собрана информация о выручке компаний от предоставления услуг сотовой связи за исследуемый период.

Обратимся к таблице 1, в которой представлена информация о выручке компаний от мобильных услуг.

Таблица 1.

Выручка от предоставления услуг сотовой связи операторов РФ, млн руб.

Table 1.

Revenues from cellular services provided by Russian Federation operators, mil rub

Компания	2016	2017	2018	2019	2020
АКОС	850	1 020	1 287	1 640	2 144
Башинформсвязь	6 614	6 887	6 581	6 336	6 158
ВТБ Мобайл	0	0	0	0,61	144
ВымпелКом	272 040	237 275	256 513	255 210	209 110
Екатеринбург-2000	6 632	6 741	6 850	6 806	6 868
К-Телеком	10 810	7 943	7 500	7 213	7 057
МГТ	362	730	1 341	1 804	1 965
Мегафон	263 600	264 400	276 100	280 400	274 500
МТС	295 000	304 000	312 500	320 100	334 500
Новые Мобильные Коммуникации	0	0	0	0	0,16
Сбербанк-Телеком	0	0	362	1 267	2 244
Скартел	21 032	28 471	29 885	34 617	38 920
T2 Мобайл	100 253	114 890	134 196	153 545	174 810
Таттелеком	8 081	8 278	8 257	8 166	8 300
Тинькофф Мобайл	0	0	240	1 142	2 195

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Из выше представленной таблицы можно выделить «большую тройку» фирм: «ВымпелКом» (Билайн), «МегаФон» и «МТС». «Т2 Мобайл» (Теле2) существовал на рынке достаточно давно — с 2003 г., но стать полноценным конкурентом смог после 2014 г., когда были объединены активы «Теле2» и компании «Ростелеком». Таким образом, судя по аналитическим новостным статьям, в России образовалась «большая четверка». Хотя доля «Теле2» все еще меньше конкурентов, с каждым годом происходит рост числа абонентов.

Также на рынке сотовой связи присутствуют региональные операторы связи: «Башинформсвязь», «Екатеринбург-2000» («Мотив»), «К-Телеком», «Таттелеком». Видно резкое различие в выручке у межрегиональных и региональных операторов. Появление новых операторов сотовой связи в отрасли (без использования виртуальной бизнес-модели) в данный период не зафиксировано. Однако можно наблюдать вход на рынок виртуальных операторов с 2018 г. Большая часть компаний с виртуальной бизнес-моделью создана кредитными организациями, например, «Тинькофф Мобайл», «ВТБ Мобайл» и «Сбербанк-Телеком». Российские банки нацелены на развитие собственных экосистем, это обуславливает активное появления виртуальных операторов.

На рис. 1 представлена динамика емкости рынка сотовой связи. Емкость федерального рынка сотовой связи определяется совокупной выручкой всех рассматриваемых компаний. В целом можно заметить, что рынок сотовой связи в 2020 г. по сравнению с 2016 г. вырос приблизительно на 8%. Как видно, рынок сотовой связи нестабилен — за значительным ростом следует не менее существенный спад. Наибольшие скачки произошли в 2018 г. на 6,22% и в 2020 г. на -0,87%. Нельзя не отметить, пагубное влияние пандемии COVID-19 на рынок сотовой связи в 2020 г. Отрицательное значение прироста можно объяснить рекордно большим сокращением абонентской базы, вызванного режимом самоизоляции, в течение которого уменьшились визиты потребителей в салоны связи.

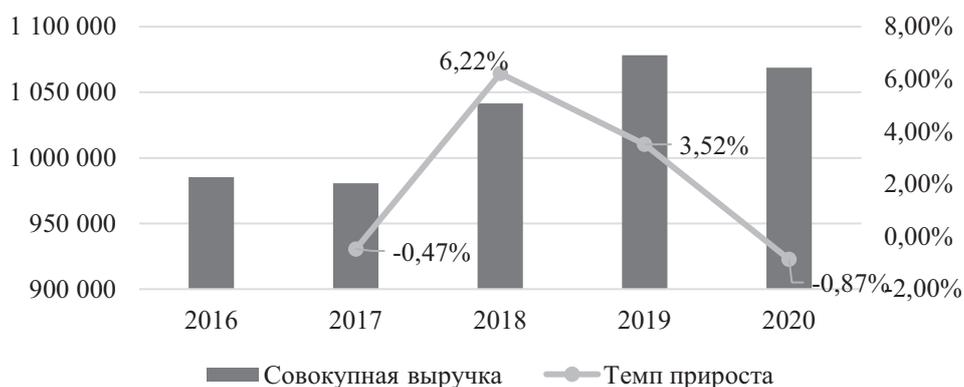

Рис. 1. Динамика совокупной выручки федеральных операторов сотовой связи, млн руб.

Fig. 1. Dynamics of total revenue of federal mobile operators, mil rub

Рыночные доли компаний в отрасли, анализ показателей концентрации и рыночной власти

Проведем анализ структуры рынка сотовой связи в РФ. На основании данных о выручке от предоставления услуг сотовой связи в РФ рассматриваемых компаний, рассчитываем рыночную долю каждой компании для каждого рассматриваемого года. Рыночная доля отдельной компании рассчитывается по следующей формуле:

$$w_i = \frac{TR_i}{TR}, \quad (1)$$

где TR_i — выручка отдельной компании; TR — совокупная выручка.

На протяжении исследуемого периода основная доля рынка распределена между компаниями «большой тройки», при этом на рынке лидирует компания «МТС». Для сравнения рассмотрим распределение рыночных долей между компаниями в 2016 и 2020 гг. На рис. 2 представлена структура рынка сотовой связи в начале исследуемого периода и в его конце.

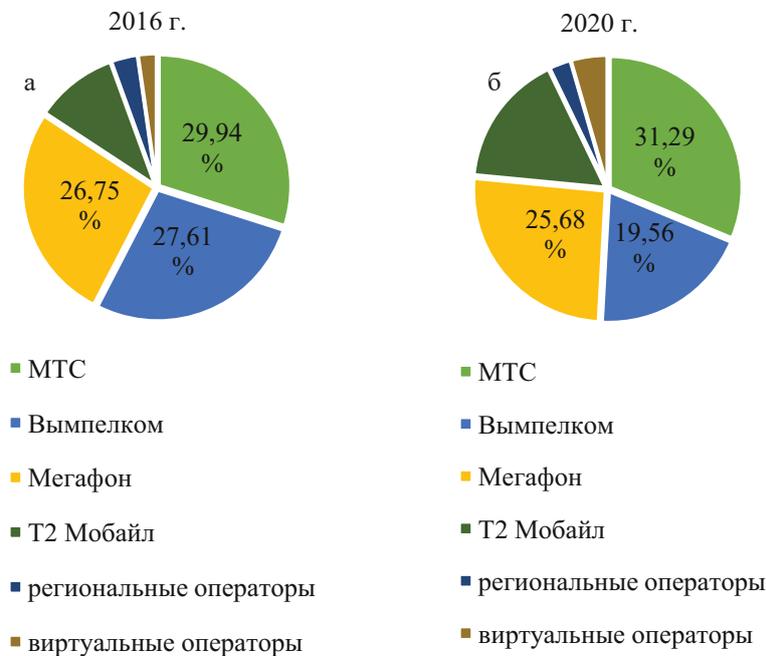

Рис. 2. Структура рынка сотовой связи в 2016 (а) и 2020 г. (б)

Fig. 2. Structure of the cellular market in 2016 (a) and 2020 (б)

Как видно из графиков, за исследуемый промежуток времени компания «Т2 Мобайл» укрепила свою позицию на рынке. Для сотовых операторов «ВымпелКом» и «МегаФон» характерно снижение рыночных долей в отрасли. Доля виртуальных операторов на рынке увеличилась за счет входа новых игроков, виртуальных операторов, на рынок.

В таблице 2 представлены результаты расчетов показателей концентрации.

Таблица 2

Table 2

Показатели уровня концентрации рынка сотовой связи РФ за 2016-2020 гг.

Indicators of the level of concentration of the Russian cellular market for 2016-2020

Индикаторы	2016	2017	2018	2019	2020
CR3	0,843	0,822	0,811	0,794	0,765
CR4	0,945	0,939	0,940	0,936	0,929
ННІ	0,249	0,242	0,239	0,233	0,230
НТІ	0,261	0,259	0,254	0,248	0,245
Е	1,549	1,575	1,582	1,608	1,632
Д	7,438	6,619	9,675	16,473	18,995
Г	0,716	0,713	0,755	0,767	0,780

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Для исследуемой отрасли в рамках данного исследования было решено рассчитать индекс концентрации для 3 и 4 крупнейших компаний, поскольку значительная часть рынка сотовой связи разделена между компаниями «большой тройки» или «большой четверки». Следовательно, усиленная конкуренция за лидерство в предоставлении услуг сотовой связи ведется между ними. Для расчета индекса концентрации была использована следующая формула:

$$CR_n = \sum_{i=1}^n w_i, \quad (2)$$

где n — количество фирм, w_i — рыночная доля компании.

На основании вышесказанного логично предположить, что в данной отрасли сформировались барьеры на вход для новичков, а именно усилились требования государственного регулирования рынка сотовой связи [5]. Индекс концентрации для трех крупнейших фирм на протяжении 2016-2020 гг. имел тенденцию к снижению, среднее значение показателя составило 0,807. Для индекса четырех крупнейших фирм среднее значение равно 0,938. Поскольку индекс концентрации превосходит 0,7, то данная отрасль является высококонцентрированной.

Однако индекс концентрации не отражает в полной мере особенности рыночной структуры и различий в «ядре» рынка. Отсюда возникает необходимость расчета иных показателей.

Индекс Херфиндала — Хиршмана (ННІ), в отличие от предыдущих показателей, восприимчив к перераспределению рыночных долей, поэтому для его расчета требуется информация обо всех фирмах отрасли (3). По значению ННІ можно сказать, что отрасль высококонцентрирована. Следовательно, значения данного индекса не расходятся со значением индекса концентрации и гипотеза о высокой концентрированности рынка справедлива.

$$HHI = \sum_{i=1}^n w_i^2, \quad (3)$$

где n — количество фирм, w_i — рыночная доля компании.

Из таблицы 2 видно, что индекс Херфиндаля — Хиршмана в рассматриваемый период имеет тенденцию к уменьшению.

Следующим рассматриваемым показателем является индекс Холла — Тайдмана (HTI):

$$HTI = \frac{1}{2(\sum_{i=1}^n R_i w_i) - 1}, \quad (4)$$

где n — количество фирм, w_i — рыночная доля компании, R_i — ранг фирмы.

Индекс Холла — Тайдмана существенно не изменялся за 2016-2020 гг., среднее значение показателя составило 0,253. Полученное значение указывает на отсутствие монополии на рынке сотовой связи.

Помимо выше рассчитанных показателей, существуют непрямые показатели концентрации, которые характеризуют неравномерность в отрасли. Коэффициент энтропии (E) оценивает рыночную неопределенность (5). Высокое значение коэффициента характеризует сильную конкуренцию и низкий уровень концентрации на рынке.

$$E = \sum_{i=1}^n w_i \times \ln \frac{1}{w_i}, \quad (5)$$

где n — количество фирм, w_i — рыночная доля компании.

В таблице 2 можно заметить, что коэффициент энтропии в рассматриваемый период не превышает 1,7, что позволяет судить о низкой экономической неопределенности в исследуемой отрасли и высокой концентрации.

Дисперсия логарифмов рыночных долей фирм (D) характеризует возможную рыночную власть фирм через неравенство их размеров [1]:

$$D = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (\ln w_i - \ln \bar{w})^2, \quad (6)$$

где n — количество фирм, w_i — рыночная доля компании.

Результаты расчета показателя представлены в таблице 2. Можно отметить общую тенденцию увеличения неравномерности рынка сотовой связи в период 2016-2020 гг. Такое явление может быть связано со входом виртуальных операторов, которые относительно компаний «большой четверки» являются относительно небольшими. Высокое значение дисперсии логарифмов рыночных долей фирм говорит о том, что рынок является концентрированным.

Другим способом измерения неравенства в отрасли является коэффициент Джини (G). Из расчетов (таблица 3) можно увидеть, что коэффициент Джинни увеличился на 8,93% в 2020 г. по сравнению с 2016 г. В рамках данной работы нами была построена кривая Лоренца (рис. 3), которая часто используется с коэффициентом Джинни, для двух крайних лет исследования, чтобы проанализировать изменение за изучаемый период.

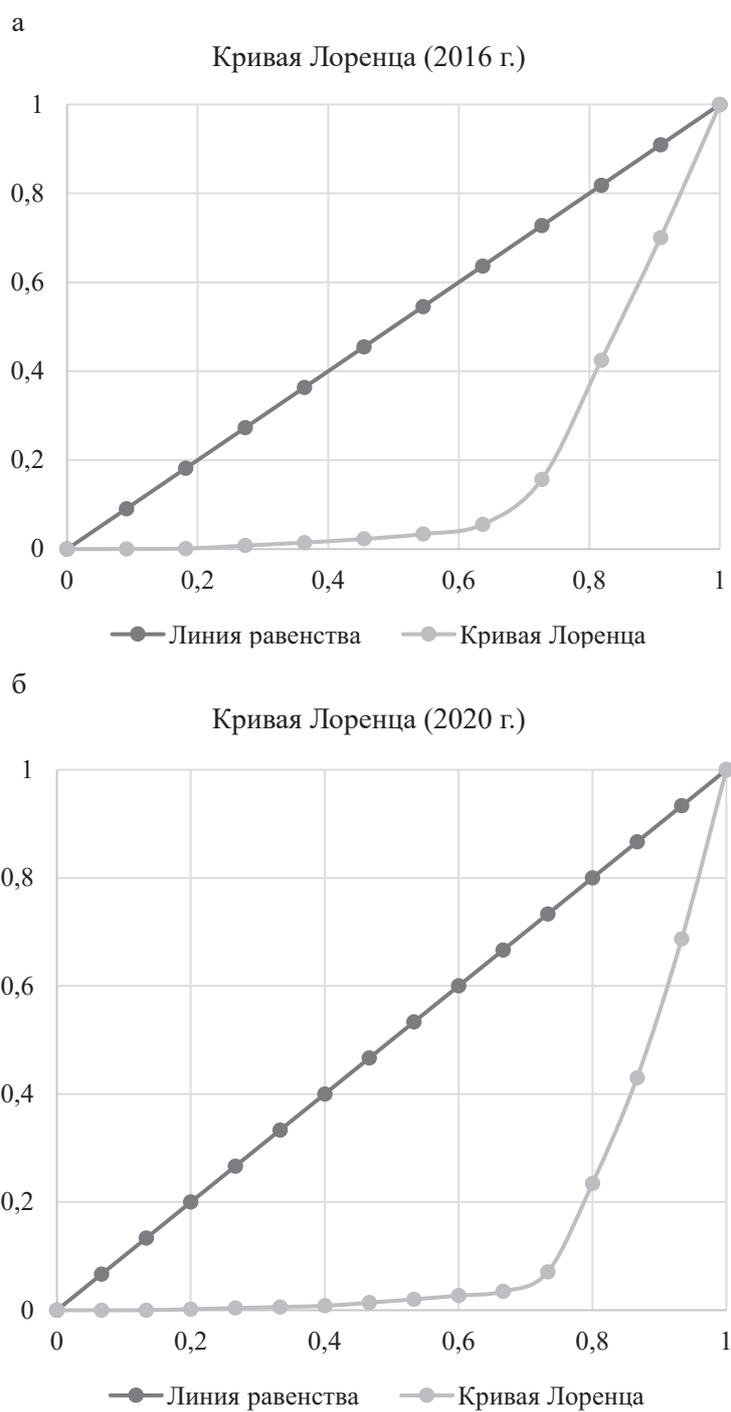

Рис. 3. Кривая Лоренца для рынка сотовой связи 2016 (а) и 2020 г. (б)

Fig. 3. Lorentz curve for the cellular market in 2016 (a) and 2020 (б)

На основании выше представленных графиков можно сделать вывод что изучаемая отрасль распределена неравномерно. Это может объясняться наличием довольно крупных игроков на рынке, а также входом новых за рассматриваемый период.

Для проведения анализа уровня рыночной власти рынка сотовой связи федеральных компаний РФ будет рассматриваться только индекс Лернера из-за отсутствия необходимых данных для других показателей рыночной власти. Для расчетов показателя необходимо определить ценовую эластичность спроса на изучаемом рынке. Показатель эластичности спроса по цене в отрасли равен в среднем 0,37 [2]. Для расчетов индекса Лернера была использована формула для олигополии в условиях некооперативного поведения фирм:

$$L = \frac{HNI}{\eta}, \quad (7)$$

где *HNI* — индекс Херфиндала — Хиршмана, η — ценовая эластичность спроса.

Результаты расчета индекса Лернера в целом для всей отрасли представлены в таблице 3.

Таблица 3

Индекс Лернера для всех рассматриваемых компаний рынка сотовой связи и в целом для всей отрасли

Table 3

The Lerner index for all the companies in the cellular market under consideration and for the entire industry as a whole

	2016	2017	2018	2019	2020
для всей отрасли	0,672	0,654	0,645	0,630	0,623

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

По отраслевому значению индекса Лернера можно судить о постепенном снижении рыночной власти за период 2016-2020 гг.

За рассматриваемый период прослеживается тенденция снижения концентрации в отрасли. Например, индекс Херфиндала — Хиршмана составлял 0,249 в 2016 г., а в 2020 г. — 0,230. Доли компаний на рынке сотовой связи распределены неравномерно, т. к. на рынке присутствуют крупные межрегиональные операторы, небольшие региональные и виртуальные. Выбранная отрасль является олигополией, рыночная власть на ней также высокая, однако прослеживается тенденция снижения показателя отраслевой рыночной власти за 2016-2020 гг.

Стратегическое поведение фирм на рынке

В условиях современного и прогрессирующего рынка телекоммуникационных услуг стратегическое управление — один из факторов эффективного развития любой компании. От правильной выбранной стратегии зависит реализация рыночного потенциала оператора связи, а также эффективное использование его ресурсов.

Стратегия «ВымпелКома» очень ясна и применима к стратегии построения индивидуального ценообразования на основе затрат [4]. Чтобы повысить свою конкурентоспособность, компания нацелена на цифровую трансформацию в соответствии со своими стратегическими приоритетами. Наряду с этим, чтобы привлечь больше абонентов, «ВымпелКом» дифференцирует тарифы по сегментам, разрабатывая уникальные тарифы.

Стратегическое поведение оператора «МегаФон» ориентировано на предоставление услуг определенному кругу пользователей — корпоративным клиентам [7]. Чтобы повысить свою конкурентоспособность, компания поддерживает большое количество привлекательных рекламных акций для абонентов.

Компания «МТС», являющаяся лидером на рынке сотовой связи, опирается на стратегию ценового лидерства [4]. Компания также стремится сохранить и укрепить позиции основного телекоммуникационного оператора на рынке. Это может быть достигнуто за счет стимулирования продаж. У компании есть выстроенная стратегия для защиты ее лидерства: увеличение рентабельности и улучшение абонентской базы [6].

Рассмотрим стратегическое поведение «новичка» на рынке сотовой связи — компании «Т2 Мобайл», который в последнее время развивается весьма быстрыми темпами. Оператор позиционирует себя как честную компанию и тем самым вызывает симпатию к своему бренду у абонентов. Увеличение клиентской базы произошло в результате низких цен на тарифы. Разница между ценой таких пакетов в «большой тройке» и «Т2 Мобайл» существенна. Такое поведение позволяет компании выйти на федеральный уровень, а затем войти в «большую четверку» [3].

Стратегическое поведение виртуальных операторов в основном связано с построением их собственных экосистем. Крупные компании, особенно банки: «Сбербанк», «ВТБ», «Тинькофф», а также некоторые операторы мобильной связи в последние годы взяли курс на формирование бизнес-экосистемы. Если операторы сотовой связи при выходе на рынок банковских услуг соответствовали своей концепции, то банки, в свою очередь, входят на рынок телекоммуникационной связи, создавая собственные виртуальные операторы [8].

Таким образом, конкуренция между компаниями на рынке сотовой связи ведет к снижению тарифов на услуги связи. Когда новичок пытается попасть в отрасль, устоявшиеся компании теряют определенную часть своей прибыли. Чтобы компенсировать недополученные выгоды, операторы сотовой связи выстраивают стратегическое поведение для новых способов получения дохода: дифференциация тарифов и расширение спектра предоставляемых телекоммуникационных услуг.

Барьеры входа на рынок

Высокие барьеры во многом обусловлены экономическими ограничениями — для входа в отрасль требуются огромные капиталовложения, связанные с проектированием и строительством сетей связи, приобретением прав на использо-

вание определенного радиочастотного спектра и, соответственно, платой за пользование данным спектром. Для виртуальных операторов связи капиталовложения меньше, так для их деятельности не требуется создание новой инфраструктуры, но необходимо заключить соответствующие договоры с крупными операторами.

Также существуют и институциональные ограничения, действующие для всех операторов, в том числе виртуальных, такие как:

- ограниченный ресурс — радиочастотный спектр;
- лицензирование;
- ввод сети связи в эксплуатацию;
- получение разрешений, связанных со строительством сетей.

Представленные выше барьеры мы можем отнести к нестратегическим.

Также выделим стратегические барьеры, связанные непосредственно с поведением фирм в отрасли. Таковыми барьерами являются:

- лимитирующее ценообразование;
- дополнительное капиталовложение;
- дифференциация продукта.

Лимитирующее ценообразование — самый высокий барьер, поскольку операторы сотовой связи имеют возможность снизить цены на свои услуги. Для входа в отрасль требуются огромные капиталовложения, при низкой стоимости услуг такие капиталовложения просто не окупятся, и компания потерпит крах. Виртуальный оператор не занимается построением вышек связи, соответственно, его начальные капиталовложения меньше; но если крупный оператор понизит цены, то привлечь абонентов новичку будет сложнее — качественно связь, как у «большой четверки», так и у виртуального оператора не будет отличаться, а низкие цены не будут стимулировать абонентов менять своих операторов, которые в ответ на выход новичка снизят цены на тарифы. Дополнительные инвестиции в оборудование, вероятнее, будут иметь меньшее значение, т. к. основные производственные мощности для операторов сотовой связи — базовые станции. Даже на сегодняшний день не везде установлены станции, обеспечивающие покрытие сетью стандарта 4G, соответственно, избыточных мощностей нет. Дифференциация продукта на рынке сотовой связи является достаточно высокой, поскольку операторы сегментируют рынок и предлагают свои услуги в соответствии с потребностями в каждом сегменте, соответственно, данный барьер также высок. Особенное значение дифференциация имеет для виртуальных операторов, которым необходимо разработать максимально подходящие определенным сегментам тарифы.

Какие выводы можно сделать из данного пункта? Барьеры входа в отрасль являются труднопреодолимыми для обычных операторов. Виртуальные операторы имеют больше возможностей для них барьеры ниже, однако также остаются труднопреодолимыми. Среди нестратегических барьеров больше всего препятствуют величина начальных капиталовложений, а также регистрация

и лицензирование деятельности. Из стратегических барьеров выделяется лимитирующее ценообразование и дифференциация продукта, особенно для виртуальных операторов.

Заключение

В исследовании был проведен анализ конкуренции на межрегиональном рынке услуг сотовой связи. На основе расчетов были сделаны следующие выводы об уровне отраслевой концентрации и рыночной власти. Концентрация на рынке сотовой связи межрегиональных компаний в РФ находится на высоком уровне на протяжении всего исследуемого периода, но имеет тенденцию к уменьшению с каждым годом, обусловленное увеличением числа крупных операторов — оператор «Теле2», а также появлением виртуальных операторов. Такой вывод сделан на основе анализа следующих показателей концентрации: индекса концентрации для 3 крупнейших фирм (0,765 в 2020 г.) и для 4 крупнейших фирм (0,929 в 2020 г.), индекса Херфиндала — Хиршмана (0,230 в 2020 г.), индекса Холла — Тайдмана (0,245 в 2020 г.), коэффициента энтропии (1,632 в 2020 г.), дисперсии логарифмов рыночных долей компаний (18,995 в 2020 г.) и коэффициента Джинни (0,780 в 2020 г.). Отрасль сотовой связи межрегиональных компаний обладает высокой рыночной властью и является олигополией: в отрасли представлены несколько крупных и сильных игроков.

На рынке услуг сотовой связи в РФ стратегическое поведение игроков предполагает дифференциацию тарифных планов — разделение абонентов на сегменты, использование неценовых факторов (рекламные и маркетинговые мероприятия) для стимулирования спроса, а также стратегия ценообразования. Учитывая высокотехнологичность отрасли, сотовым операторам следует выстраивать свои стратегические планы таким образом, чтобы соответствовать мировому уровню технического прогресса в сфере телекоммуникаций. На сегодняшний день одной из перспективных технологий является стандарт 5G, позволяющий подключаться к сети с высокой скоростью. Сотовые операторы других стран уже активно внедряют данный стандарт, тогда как в России сеть 5G проходит тестирование на определенных территориях и пока нацелена на бизнес-сегмент, нежели на широкий круг потребителей.

Проблемы со входом в исследуемую отрасль во многом связаны с высокими нестратегическими и стратегическими барьерами. «Новичку» необходимо совершить колоссальные капиталовложения на начальном этапе для установки инфраструктуры, либо устанавливать долгосрочные связи с существующими операторами, в случае виртуальной бизнес-модели, а также получить различные лицензии и разрешения от государственных органов власти. Перспективы появления новых виртуальных операторов связи, наоборот, присутствуют, однако в данном случае также необходимо понимать, что сотовой связью в данный момент обеспечен почти каждый владелец сотового телефона, поэтому новым виртуальным операторам необходимо предлагать уникальные тарифные опции для привлечения абонентов.

Таким образом, рынок подвижной радиотелефонной связи имеет особое значение для страны, позволяя обеспечить передачу информации. Развитие сотовых сетей позволяет повысить уровень общественного благосостояния за счет увеличения деловой активности, привлечения прямых иностранных инвестиций и технологического развития. Российский рынок, несмотря на высокую концентрацию, имеет достаточно хорошие позиции в сравнении с другими странами, однако более высокие темпы развития отрасли ограничиваются институциональными условиями. Тем не менее органы государственной власти также нацелены на совершенствование рынка сотовой связи и предпринимают соответствующие решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдашева С. Теория организации отраслевых рынков / С. Авдашева, Н. Розанова. М.: Магистр, 1998. 320 с.
2. Баранова И. В. Рынок сотовой связи / И. В. Баранова, А. Н. Куди, К. С. Калюжная // Символ науки. 2015. № 6. С. 76-78.
3. Дмитриев К. В. Особенности развития отрасли сотовой / К. В. Дмитриев, Е. С. Силова // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). Экономические науки. Вып. 73. С. 233-241.
4. Леденева И. К. Особенности олигополистической конкуренции на примере российского рынка операторов мобильной связи в 2015 году / И. К. Леденева // Наука, техника и образование. 2015. № 9 (15).
5. Рябова Е. В. Выявление и анализ факторов, влияющих на развитие телекоммуникационной отрасли / Е. В. Рябова, Е. В. Сафронова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 16 (298).
6. Тарасова Н. Е. Анализ стратегий сотовых операторов на рынке телекоммуникационных услуг в Ростове и Ростовской области / Н. Е. Тарасова, Н. С. Овчар // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2013. № 22. С. 194-198.
7. Телегин М. С. Стратегическое управление предприятием в сфере телекоммуникационных услуг / М. С. Телегин // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 27.
8. Шаститко А. Е. Антиконтурные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов / А. Е. Шаститко, Н. С. Павлова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 7-33.
9. Связь (рынок России) // Tadviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Связь_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Связь_(рынок_России)) (дата обращения: 30.05.2022).

Natalia V. TUTAROVA¹
Elena A. TROFIKOVA²
Tatiana V. BAKUNOVA³

UDC 339.13.017

ANALYSIS OF COMPETITION IN THE MARKET FOR CELLULAR SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

- ¹ Student, Department of Econometrics and Statistics, Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
natalia.tutarova@urfu.me; ORCID: 0000-0003-2092-8730
- ² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Finance, Monetary Circulation and Credit, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
elena.trofimova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-6946-5098
- ³ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Finance, Monetary Circulation and Credit, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
tatyana.bakunova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0398-643X

Abstract

It is impossible to imagine the modern society without the constant information exchange. In the digitalization age, cellular services have become the most profitable and rapidly developing part of the telecommunications industry.

This article analyzes the market for cellular services in the Russian Federation. The authors pay attention to the development of competition in this market. The inter-regional market features the “Big Four” companies (VimpelCom, MegaFon, MTS and T2 Mobile), virtual operators, the number of which has increased in recent years, as well as small operators operating within several regions. However, the shares of virtual and small operators are small

---

Citation: Tutarova N. V., Trofimova E. A., Bakunova T. V. 2022. “Analysis of competition in the market for cellular services in the Russian Federation”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 124-139. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-124-139

---

when compared to the “big four”. This study presents data on interregional and regional telecom operators from 2016 to 2020.

The paper uses industry assessment approaches based on industry market theory: measures of concentration level, market power, and structure analysis. Additionally, the authors consider strategic and non-strategic barriers to entry while estimating the industry’s future development prospects. The Russian cellular market is characterized by a high level of competition.

This study has revealed a tendency towards a decrease in concentration, which can be explained by the increase in the number of major players and the entry of newcomers to the market.

Keywords

Concentration, competition, market power, barriers to entry, strategic behaviour, cellular, telecommunications.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-124-139

REFERENCES

1. Avdasheva S., Rozanova N. 1998. The Theory of Organisation of Branch Markets. Moscow: Magistr. 320 pp. [In Russian]
2. Baranova I. V., Kudi A. N., Kalyuzhnaya K. S. 2015. “Cellular communication market”. *Symbol of Science*, no. 6, pp. 76-78. [In Russian]
3. Dmitriev K. V., Silova E. S. 2021. “Features of the development of the cellular industry”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 6 (452), pp. 233-241. [In Russian]
4. Ledeneva I. K. 2015. “Peculiarities of oligopolistic competition in the case of Russian market of mobile operators in 2015”. *Science, Technology and Education*, no. 9 (15). [In Russian]
5. Ryabova E. V., Safronova E. V. 2016. “Identification and analysis of factors affecting the development of the telecommunications industry”. *Financial Analytics: Problems and Solutions*, no. 16 (298). [In Russian]
6. Tarasova N. E., Ovchar N. S. 2013. “Analysis of cellular operators’ strategies in the market for telecommunications services in Rostov and the Rostov Region”. *Modern Trends in Economics and Management: A New Look*, no. 22, pp. 194-198. [In Russian]
7. Telegin M. S. 2006. “Strategic enterprise management in the sphere of telecommunication services”. *Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics*, no. 27. [In Russian]
8. Shastitko A. E., Pavlova N. S. 2021. “Anticompetitive effects of antimonopoly policy: case of mobile operators”. *Voprosy of State and Municipal Management*, no. 2, pp. 7-33. [In Russian]
9. Tadviser. “Communications (market of Russia). Accessed 30 May 2022. [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D1%8C_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D0%B7%D1%8C_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8)) [In Russian]

Виктория Николаевна ЕРЕМЕЕВА¹
Ольга Андреевна СИНЕНКО²

УДК 336.225.66

НАЛОГОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В СВОБОДНЫХ ПОРТАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

¹ магистрант, Школа экономики и менеджмента,
Дальневосточный Федеральный университет (г. Владивосток)
eremeeva.vn@students.dvfu.ru

² кандидат экономических наук, доцент, Школа экономики и менеджмента,
Дальневосточный Федеральный университет (г. Владивосток)
sinenko.oa@dvfu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию международной налоговой конкуренции в свободных портах Азиатско-тихоокеанского региона. В работе проведен анализ подходов к определению понятия «налоговой конкуренции», выделены инструменты налоговой конкуренции, применяемые в свободных портах. Выявлена специфика регулирования деятельности компаний в свободных портах АТР, а также проведен сравнительный анализ практик налогового симулирования резидентов в исследуемых свободных портах. Проведен анализ функционирования свободных портов в АТР.

Ключевые слова

Налоговая конкуренция, свободный порт, налоговые льготы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-140-157

Введение

В современной экономической литературе нет однозначного мнения по поводу оценки воздействия налоговой конкуренции. Основные подходы к определению понятия налоговой конкуренции систематизированы в таблице 1.

Цитирование: Еремеева В. Н. Налоговая конкуренция в свободных портах Азиатско-Тихоокеанского региона / В. Н. Еремеева, О. А. Синенко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 140-157. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-140-157

Таблица 1

Подходы к определению понятия
«Налоговая конкуренция»

Table 1

Approaches to defining “Tax
competition”

Автор	Определение
Определение «налоговой конкуренции» как «борьбы» между государствами за налоговые ресурсы	
М. Кин, К. А. Конрад (M. Keen, K. A. Konrad)	Налоговая конкуренция как «игра между странами по поводу выбора налоговой ставки, но с учетом разных типов взаимодействия: в модели ЗМВ налоговые различия между странами приводят к движению производственного капитала; а в модели КК они влияют в первую очередь на страну, в которой уплачивается налог».
М. Кин, В. Туроний (M. Keen, V. Thuronyi)	Налоговая конкуренция как более объемное явление и сложная комплексная «борьба», которая охватывает многие формы конкуренции между налоговыми юрисдикциями и внутри них. В том числе конкуренция за трансграничных покупателей, мобильные факторы, налоговую базу и т. д.
В. В. Громов, М. А. Троянская	Налоговая конкуренция — это борьба публично-правовых образований за мобильные факторы производства/налоговую базу. Во время этого соперничества конкуренты пользуются инструментами (рычагами) налоговой политики для минимизации налогов и влияния на налогоплательщиков. Таким образом у них формируются конкурентные преимущества. «Борцами» за налоговую базу могут являться как государства, так и регионы.
А. И. Погорлецкий	Многочисленные юрисдикции привлекают «глобальных налогоплательщиков». «Сущность налоговой конкуренции» заключается в борьбе фискальных юрисдикций за право притягивание на свои территории, в свою экономику «глобальных налогоплательщиков», чтобы облагать их доходы от операций внутри страны и за рубежом.
Дж. Д. Уилсон, Д. Э. Уалдасин	В широком смысле «налоговая конкуренция» — «любая форма несогласованного установления налогов независимым государством». В узком смысле определение налоговой конкуренции звучит как «влияние налоговой политики государств на распределение доходов от налогообложения между гос. бюджетами». В самом узком смысле это «несогласованное установление налога независимым государством, при котором политические решения каждого государства оказывают влияния на перемещение мобильных налоговых баз между юрисдикциями в пределах этих государств».
Определение «налоговой конкуренции» как негативного или положительного явления	
Л. Зелькопф, Х. Лирс (L. Seelkopf, H. Lierse)	Процесс, посредством которого страны, штаты (регионы) или даже города используют налоговые льготы и субсидии для привлечения инвестиций или горячих денег. В ответ на «конкурентное» давление они снижают налоги на богатых людей или на корпорации, а затем компенсируют разницу, повышая налоги на более бедные слои общества.

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

А. В. Груша	«Налоговая конкуренция» как шанс для налогоплательщиков платить меньше налогов благодаря миграции и перемещению товаров и услуг, а «также движимых факторов производства из юрисдикции с более высоким налогообложением в юрисдикцию с низким налогообложением».
Дж. А. Алонсо	Налоговая конкуренция как «некооперативное налоговое установление правительствами, конкурирующими за мобильную налоговую базу». Он подчеркивает негативное влияние налоговой конкуренции, «гонку ко дну», когда правительства продолжают понижать ставки, и юрисдикции остаются со слишком маленькими доходами для предоставления государственных услуг по цене социально-оптимальный уровень.
Определение «налоговой конкуренции» как реформы налоговой политики	
Т. Ф. Филд	Налоговая конкуренция возникает при реформировании налоговой системы с целью привлечения плательщиков, инвестиций для создания дополнительных рабочих мест, стимулирования или поддержания экономического роста.
Б. В. Баркер	Отказ страны полностью или частично от своего права облагать налогом экономическую деятельность, в результате чего ее эффективный налог ниже, чем у других стран.
О. Я. Бозуленко	Налоговая конкуренция как средство сокращения налоговой нагрузки путем перемещения капитала, труда или бизнеса в юрисдикции с низким уровнем налогообложения.

Источник: составлено на основании [1, 2, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13].

Source: compiled based on [1, 2, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13].

Авторы рассматривают «Налоговую конкуренцию» в первую очередь как «борьбу» государств за человеческие ресурсы и капитал. При этом налоговую конкуренцию исследуют с точки зрения ее влияния на государство и налогоплательщиков, т. е. делают акцент либо на негативном, либо на позитивном воздействии. Налоговая конкуренция — комплексное явление, которое оказывает сильное влияние не только на экономику страны, но и на их взаимодействие и мировую экономику в целом. В связи со сложностью данного явления, которое можно оценивать исходя из множества параметров (по области действия, по уровню государственной власти, по вектору воздействия, по величине и т. д.), становится очевидным, что существует много подходов к его изучению.

В рамках исследования рассмотрены следующие теории налоговой конкуренции: теория налоговой конкуренции, основанная на неоклассической модели конкуренции; теория укрощения «Левиафана»; теория сортировки по Тибу и теория Уилсона [2, 6]. Неоклассическое направление рассматривает юрисдикции в первую очередь как компании, которые созданы для того, чтобы максимизировать свою «выручку», иначе говоря, поступающие налоги. В целом, согласно данной теории, при распределении налоговых компетенций преимущества должны быть отданы их централизации, потому что это ведет к уменьшению издержек [3, 6].

Теория «сортировки Тибу» разработана Чарльзом Тибу, который в целом позитивно оценивает данное явление. По его мнению, миграционные потоки естественны, потому что люди просто склонны выбирать наиболее выгодные для них условия. Налогоплательщики выступают как потребители. Местные власти предлагают им определенный набор общественных благ, и налоги выступают как плата за них. Происходит «сортировка», когда агенты переходят из одной территориальной единицы в другую. Стоит отметить, что в теории «сортировки по Тибу» разбирается внутренняя налоговая конкуренция, т. е. та, которая происходит внутри государства, когда за налоговую базу конкурируют административно-территориальные единицы. Согласно выводам М. А. Троянской, бюджетным ресурсам необходима децентрализация [5]. Также стоит отметить, что в монографии М. Р. Пинской отмечается множество допущений модели Тибу: полная мобильность, максимизация полезности потребителей и т. д. [2].

Джон Уилсон в своих трудах писал, что

«налоговая конкуренция определяется как ситуация, при которой объем государственных услуг и налоговые ставки „слишком низки” в том смысле, что федеральное правительство может повысить благосостояние страны, потребовав от каждого региона увеличения объема государственных услуг» [13].

В итоге в его модели вынужденный рост объемов государственных услуг эквивалентен требованию повышения налоговых ставок. Поэтому после изучения его модели можно сделать выводы, что будет недопоставка общественных благ, а также понижение налоговых ставок будет приводить к «гонке ко дну», когда конкурирующие юрисдикции будут понижать ставки до последнего [2]. Таким образом, его главный вывод — налоговая конкуренция пагубно влияет на экономику государств.

Теория, в рамках которой рассматривается налоговая конкуренция — «теория укрощения Левиафана». В рамках данной теории поведение государства подразумевается как эгоистичное. Сторонники данной теории рассматривают налоговую конкуренцию как позитивное явление, и считают, что децентрализация налоговой системы была бы эффективна, в отличие от неоклассиков. В основе теории лежит идея о важности контроля за государством, потому что деятельность его часто нерезультативна. В итоге конкуренция различных юрисдикций — это положительное явление, потому что за ней следует уменьшение налогового бремени. Налоговая база мигрирует на территории с более грамотным управлением, которое осуществляет привлекательную экономическую политику [2].

Теории налоговой конкуренции, подходы к ее определению исследовали Л. Зелькопф (L. Seelkopf) [12], Х. Лирс (H. Lierse), М. Кин (M. Keen) [9] и В. Туроний (V. Thuronyi) [1]. Проблемы налогообложения в особых экономических зонах и свободных портах исследованы в работах А. П. Морриса (A. P. Morris) [11], Дж. Д. Уилсона (J. D. Wilson) [13] и М. Кина (M. Keen) [9].

Стоит отметить, что подход к изучению налоговой конкуренции в основном ограничен исследованием ее либо с позитивной, либо с негативной точки зрения,

потому что проблема влияния налоговой конкуренции на экономику актуальна. В рамках данного исследования рассматривается предположение, что налоговая конкуренция, а именно налоговые гавани, в АТР выступает как фактор повышения конкурентоспособности участников ВЭД, т. е. влияет положительно.

Методы

Для проведения исследования использованы, в частности, метод контент-анализа, сравнительно-правовой метод и статистико-экономический метод. При исследовании этапов развития налоговой конкуренции, особых экономических зон и свободных портов использованы качественные методы — исторический и сравнения. Метод сравнения использован также при проведении анализа условий вхождения и осуществления деятельности в свободных портах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для исследования законодательной базы применялся правовой метод.

Результаты

Результат исследования заключается в анализе деятельности свободных портов в АТР. Результаты исследования могут помочь российским участникам внешне-экономической деятельности минимизировать налоговые риски, и использовать полученные данные в качестве исходного информационного материала для проведения оценки и эффективного выбора страны с наиболее выгодными условиями функционирования.

Специфика регулирования деятельности компаний в свободных портах АТР

Свободные порты — вид особых территорий, с которого началось их развитие. Современные особые экономические зоны представляют собой адаптацию для целей развития экономики вековой концепции свободных портов. Ранее свободные порты служили перевалочным пунктом и торговым форпостом для международных купцов. Создание и регулирование особых экономических зон с помощью налоговых и иных инструментов способствует налоговой конкуренции между регионами. Инструменты регулирования в особых экономических зонах подразделяются на инструменты налогового стимулирования ОЭЗ и неналоговые инструменты.

Налоговыми инструментами выступают налоговые ставки, льготы и поощрения для всех или отдельных категорий плательщиков, специальные налоговые режимы, пониженные налоговые ставки и иные элементы налогообложения.

Регулирование деятельности компаний в территориях с особым экономическим статусом зависит от страны, типа зон, осуществляемой политики и органа управления. Регулирование деятельности компаний содействует развитию предпринимательства и особой территории в целом. Принимаемые меры всегда направлены на улучшение условий для ведения бизнеса, рост прямых иностранных инвестиций, экспорта, диверсификации экспорта и т. д. [4]

Таблица 2

Нормативно-правовое регулирование деятельности свободных портов в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Table 2

Legal regulation of free ports in the Asia-Pacific region

Название страны	Название нормативно-правового акта	Год издания
Сингапур	Закон о зонах свободной торговли (Free Trade Zones Act)	1966
Китай	Закон «По развитию экспортоориентированных прибрежных территорий» (国务院 ▪ 于沿海地区发展外向型)	1988
РФ	Федеральный закон об особых экономических зонах в РФ; Федеральный закон N 212-ФЗ 13 июля «О свободном порте Владивосток»	2005; 2015
Южная Корея	Руководство по управлению внутренним портом класса 1 (1종항만배후단지관리지침), которое действует в рамках Закона о создании и управлении зонами свободной торговли (자유무역지역의 지정 및 운영에 관한 법률)	2005
Индонезия	Закон No. 39 об особых экономических зонах (Undang-Undang No. 39 Tahun 2009 tentang Kawasan Ekonomi Khusus).	2009
Малайзия	Закон об исключительных экономических зонах (Akt a zon Ekonomi Eksklusif 1984)	1984
Филиппины	Закон об особых экономических зонах (Special Economic Zone Act of 1995 (the «Act»)).	1995
Япония	Закон о национальных стратегических особых зонах (国家戦略特別区域法)	2013
Багамы	Закон о соглашении Хоксбилл-Крик (HawksbillCreek Agreement Act 1955)	1955
Панама	Закон № 41 «Создание особого режима для учреждения функционирования Панамо-Тихоокеанской особой экономической зоны и автономного государственного образования, называемого агентство Панама-Тихоокеанская особая экономическая зона» (Ley N° 41 de 2004 panam).	2004
Макао	Закон № 21/78/М от 9 сентября «Положения о дополнительных налогах»	1978
Чили	Закон 12937 (Ley 12937) «Установление специальных таможенных режимов для экспорта, импорта и развития департаментов Писагуа, Икик, Тальталь и Чаньярл»	1958
Гонконг	Постановление о внутренних налогах, 112 глава	1969

Источник: составлено по данным официальных сайтов Свободных портов АТР

Source: compiled from official websites of Asian-Pacific Free Ports

В целом нормативно-правовые регулирования в территориях с особым экономическим статусом касаются упрощения процедур регистрации, уплаты налогов, торговли, уменьшение контроля со стороны государства и т. д. Многие

страны в АТР страны учреждают специальные структуры для регулирования территорий с особым статусом, которые подотчетны министерствам или иным правительственным органам. Например, на Филиппинах автономный орган, Управление экономической зоны Филиппин (PEZA), регулирует все зоны и докладывает о своей деятельности Министерству торговли и промышленности. В большинстве стран деятельность свободных портов регламентируется общим законом об особых экономических зонах. В Китае действуют отдельные законодательные документы, в которых прописана деятельность свободных портов. В данном исследовании рассмотрены 30 свободных портов, расположенных на территории АТР (Китай, РФ, Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Япония, Багамы, Панама, Чили).

Таблица 3

Table 3

Критерии для получения статуса резидента в свободных портах АТР

Criteria for obtaining resident status at Asian-Pacific free ports

Страна	Мин. объем капитальных вложений	Отсутствие недоимки по налогам и сборам, страховым взносам	Компания не должна находиться на стадии банкротства и реорганизации	Ограничения на ведение бизнеса определенными странами или юрисдикциями	Требования к обеспечению уплаты таможенных пошлин, налогов при осуществлении деятельности	Экол. требования
Китай	✓	—	—	—	—	—
Гонконг	—	—	—	—	—	✓
Макао	✓	—	—	—	—	—
РФ, СПВ	✓	✓	✓	—	—	—
РФ, ПОЭЗ	—	—	—	—	✓	—
Сингапур	—	—	—	✓	—	✓
Панама	—	—	—	—	—	—
Багамы	—	—	—	—	—	—
Филиппины	—	—	—	—	—	—
Малайзия	—	✓	—	—	✓	—
Япония	✓	—	—	—	—	—
Чили	✓	—	—	—	—	—
Южная Корея	✓	—	—	—	—	—
Индонезия	✓	—	—	—	—	—

Источник: составлено по данным официальных сайтов Свободных портов АТР

Source: compiled from official websites of Asian-Pacific Free Ports

Резиденты свободных портов обязаны проходить регистрацию и должны соответствовать определенным требованиям. Под термином «резидент» обычно понимается индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, которые зарегистрированы на территориях с особым статусом.

В большинстве случаев требования к резидентам включают приоритетные для иностранного инвестирования сферы деятельности (чаще всего встречаются НИОКР, внешнеэкономическая деятельность, деятельность, связанная с логистикой и т. д.); сферы, запрещенные для иностранного инвестирования (вещание, оборонная промышленность, авиация, добыча ископаемых и т. д.); минимальное количество инвестиций в зависимости от вида компаний; требования к структуре компании и подаче заявлений. Стоит отметить, что в некоторых случаях порядок оформления деятельности компании регламентируется общими законами юрисдикции и не имеет особых условий при регистрации компании в рамках свободного порта. Помимо требований для регистрации в свободных портах АТР предусмотрены также условия осуществления деятельности резидентов (таблица 4).

Таблица 4

Table 4

Требования к резидентам при осуществлении деятельности в свободных портах АТР

Requirements for residents operating in Asian-Pacific free ports

№	Страна	Требования к отчетности (публикация отчетов о деятельности компании, годового баланса за определенный период)	Требования к структуре управления (необходимость определенного кол-ва директоров, акционеров и т. д.)	Необходимость разрешения для инвестирования в определенные области	Необходимость ежегодного общего собрания	Требования к бухгалтерскому учету (записи должны вестись в местной валюте; представление отчетов о движении активов, кассовых операциях, подозрительных транзакциях)
1	Китай	—	—	✓	—	—
2	Гонконг	✓	✓	—	✓	✓
3	Макао	✓	✓	—	—	—
4	РФ, СПВ	—	—	—	—	✓
5	РФ, ПОЭЗ	—	✓	—	—	✓
6	Сингапур	✓	✓	✓	—	✓
7	Панама	—	✓	—	—	—
8	Багамы	—	—	—	—	—
9	Филиппины	—	—	✓	—	—
10	Малайзия	—	—	—	—	✓
11	Япония	✓	✓	—	—	✓
12	Чили	✓	✓	—	—	—
13	Южная Корея	✓	—	✓	—	✓
14	Индонезия	—	✓	✓	—	—

Источник: составлено по данным официальных сайтов Свободных портов АТР

Source: compiled from official websites of Asian-Pacific Free Ports

В рамках исследования рассмотрены особенности функционирования 30 свободных портов, расположенных в 11 странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в большинстве

свободных портов предусмотрены пониженные или нулевые ставки по налогу на прибыль, которые действуют либо ограниченный период времени, либо на постоянной основе, освобождения от уплаты таможенных пошлин на ввоз товаров и реэкспорт. Применяемые налоговые инструменты в свободных портах АТР обобщены в таблице 5.

Таблица 5

Table 5

Применяемые налоговые инструменты в свободных портах АТР

Applicable Tax Instruments in Asian-Pacific Free Ports

№	Страна	Пониженные ставки налогов	Налоговые каникулы	Налоговый вычет	Освобождение от уплаты налогов	Налоговые скидки	Беспшлипный ввоз товаров	Беспшлипный вывоз товаров
1	Китай	✓	✓	—	—	—	—	—
2	Гонконг	✓	✓	✓	✓	—	—	—
3	Макао	✓	—	—	—	—	✓	—
4	РФ, СПВ	✓	✓	—	—	—	✓	✓
5	РФ, ПОЭЗ	✓	✓	—	—	—	✓	✓
6	Сингапур	✓	—	—	—	—	—	—
7	Панама	✓	—	—	✓	—	✓	—
8	Багамы	✓	—	—	✓	—	—	✓
9	Филиппины	—	—	—	✓	—	✓	—
10	Малайзия	✓	—	✓	✓	—	—	—
11	Япония	—	✓	—	—	—	—	—
12	Чили	✓	—	—	✓	—	✓	✓
13	Южная Корея	✓	—	—	✓	✓	—	—
14	Индонезия	—	—	—	✓	—	✓	✓

Источник: составлено по данным официальных сайтов Свободных портов АТР

Source: compiled from official websites of Asian-Pacific Free Ports

Анализ функционирования свободных портов в АТР

Одним из основных показателей деятельности свободных портов является количество зарегистрированных резидентов, позволяющий оценить популярность данных юрисдикций.

Анализ данных количества резидентов в Гонконге, Макао, Сингапуре, Ниигате (Япония), Батане (Индонезия) и Лабуане (Малайзия), представленный на рис. 1 показал, что динамика данного показателя неравномерна. Всего за рассматриваемый период в Гонконге зарегистрировалось около 850 тыс. компаний. Сингапур известен во всем мире как страна, ориентированная на торговлю, где правила свободной торговли в интересах бизнеса составляют основу его международной торговой полити-

ки. С 2015 по 2019 г. в Сингапуре было зарегистрировано свыше 367 тыс. компаний. В Гонконге движущей силой экономического роста являются 4 отрасли экономики: «финансовые услуги», «туризм», «торговля и логистика», а также «профессиональные услуги и другие услуги производителей», у которых доля добавленной стоимости в ВВП составила 57,3%. Наиболее популярными из ключевых отраслей являются «торговля и логистика», занимающая 21,2% доли добавленной стоимости в ВВП, и «финансовые услуги» (19,8%); «туризм» занимает меньшую долю — 4,5%.

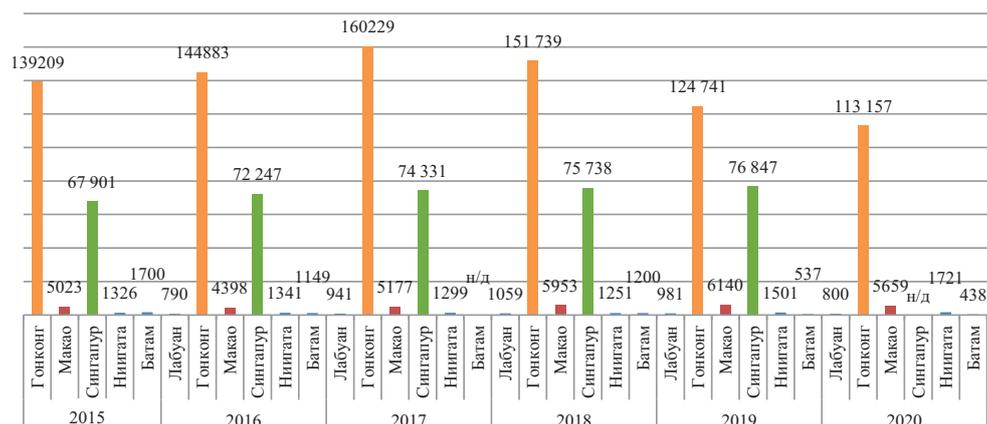

Рис. 1. Количество резидентов, зарегистрированных в свободных портах Гонконг, Макао, Сингапур, Ниигата, Батам в 2015-2020 гг., ед.

Fig. 1. Number of residents registered in the free ports of Hong Kong, Macao, Singapore, Niigata, Batam in 2015-2020, units

Источник: составлено по данным официальных сайтов Свободных портов АТР

Source: compiled from official websites of Asian-Pacific Free Ports

На долю производственного сектора Сингапура приходится свыше 20% годового ВВП страны. Помимо обрабатывающей промышленности Сингапура, значительный вклад в развитие приходится на индустрию финансовых услуг и оптовую и розничную торговлю, которые демонстрируют стабильный рост благодаря благоприятной деловой среде и политической стабильности.

Анализ свободных портов в Чили, Панаме, России и Филиппинах показал, что наиболее привлекательной территорией для резидентов является свободный порт Икике (Чили), ориентированный в основном на логистические компании. В свободной зоне Икике, известной также как ZOFRI, осуществляется активная коммерческая и промышленная деятельность, а также розничная торговля.

Лидерами среди свободных портов по объему привлеченных инвестиций являются Гонконг (КНР), Сингапур и Макао (КНР). Основными странами-инвесторами в Гонконг являются Китай, Великобритания, Британские Виргинские и Бермудские острова и Япония. При этом нужно отметить, что в 2019 г. объем иностранных инвестиций сократился в 2,3 раза по сравнению с 2015 г. Сингапур известен эффективной стратегией по привлечению ПИИ через открытую торгов-

лю и выгодные условия кредитования для иностранных инвесторов. Политическая стабильность, отсутствие коррупции, налоговые преференции также являются немаловажными факторами. Лидерами по объему инвестиций в Сингапур являются США, Каймановы и Британские Виргинские острова, а также Нидерланды. За период с 2015 по 2020 г. объем иностранных инвестиций, привлеченных в свободный порт Гонконг, составил 699,8 млрд долл. США, в свободный порт Сингапур — 9 984 млрд долл. США. Объем экспорта в портах Гонконга и Сингапура за исследуемый период составляет 3 233,3 млрд долл. США и 2 234,9 млрд долл. США соответственно. При этом в объем импорта в Гонконге превышает экспорт и составляет 3 474,7 млрд. долл. США, в Сингапуре данный показатель за 2015-2020 гг. составляет 1 975,4 млрд долл. США. В целом в свободных портах континентальной части КНР объем экспорта превышает импорт на 7 114,7 млрд юаней, в портах- лидерах — в Шанхае и Гуанчжоу — экспорт превышает импорт на 4 778,8 млрд юаней и 817,1 млрд юаней, соответственно.

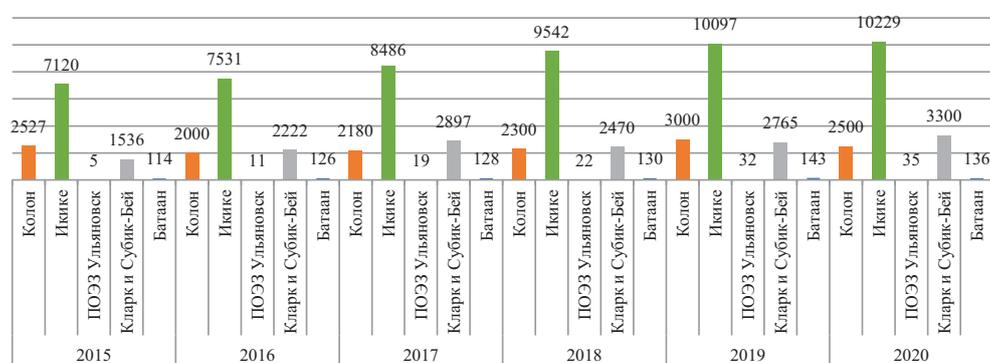

Рис. 2. Количество резидентов, зарегистрированных в свободных портах Колон, Икике, ПОЭЗ Ульяновск, порт Кларк и Субик-Бэй, Батаан за период с 2015-2020 гг., ед.

Источник: составлено по данным официальных сайтов Свободных портов АТР

Fig. 2. Number of residents registered in the free ports of Colon, Iquique, Ulyanovsk, Clark and Subic Bay, Batam in 2015-2020, units

Source: compiled from official websites of Asian-Pacific Free Ports

Заключение

На конкурентоспособность резидентов свободных портов в АТР влияет совокупность факторов — инфраструктура, географическое положение и эффективная политика административных органов и предоставляемые свободными портами преференции. Наибольший объем предоставленных налоговых льгот за исследуемый период приходится на свободные порты-лидеры в АТР: Гонконг (38 052,9 млрд долл. США), Сингапур (38 286 млрд. долл. США), Батам (3 826,2 млрд долл. США), Лабуан (1 539,4 млрд долл. США), Ниигата (634,52 млрд долл. США).

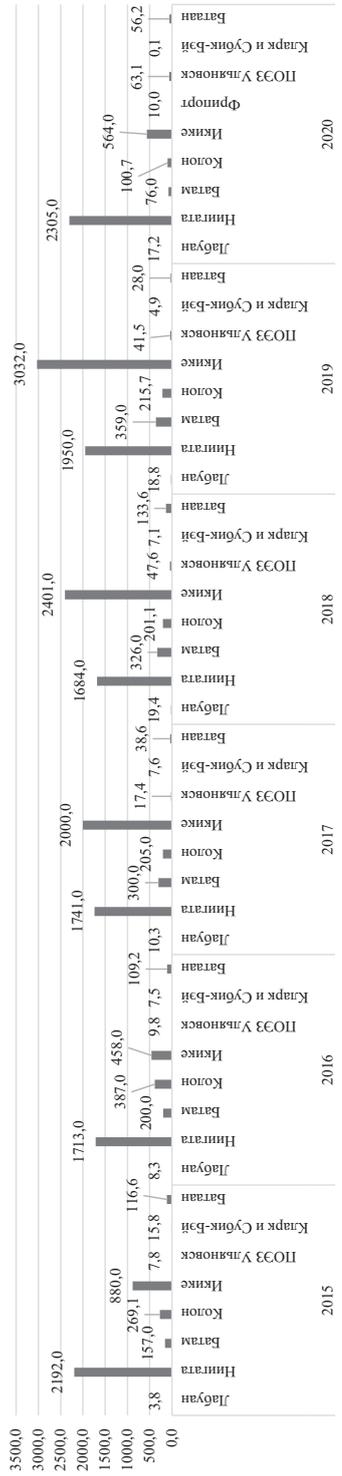

Рис. 3. Объем инвестиций, привлеченных в свободные порты АТР за период 2015-2020 гг., млн долл. США

Рис. 4. Объем экспорта в свободных портах АТР за период 2015-2020 гг., млн долл. США

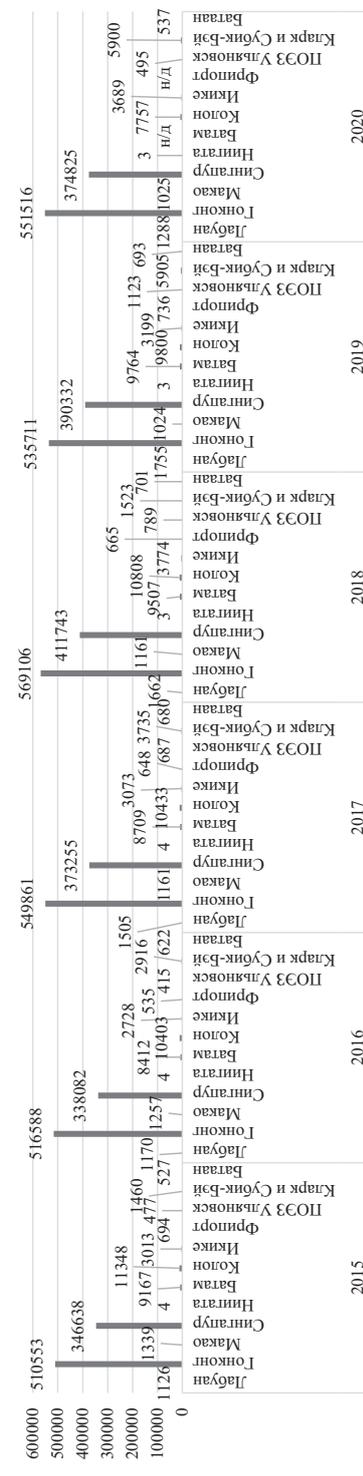

Рис. 3. Объем инвестиций, привлеченных в свободные порты АТР за период 2015-2020 гг., млн долл. США

Рис. 4. Объем экспорта в свободных портах АТР за период 2015-2020 гг., млн долл. США

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт: монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «Экономика», «Государственный аудит» и «Финансы и кредит» / Ф. Ф. Адигамова, М. Ю. Андреева, А. С. Баландина и др. Москва: Юнити-Дана, 2017. 287 с.
2. Пинская М. Р. Налоговая конкуренция: от теории к практике / М. Р. Пинская. М., 2020. 137 с.
3. Синенко О. А. Анализ практик оценки эффективности налогового стимулирования развития особых экономических зон / О. А. Синенко // *Инновационное развитие экономики*. 2016. № 3 (33) II. С. 224-231.
4. Синенко О. А. Социально-экономические риски государства в рамках территорий с особым экономическим статусом Дальнего Востока / О. А. Синенко, А. Е. Кадермятова. Владивосток, 2021. 172 с.
5. Троянская М. А. Налоговая конкуренция: понятие, виды, значение / М. А. Троянская // *Налоги и финансовое право*. 2014. № 6. С. 179-185.
6. Троянская М. А. Развитие теорий налоговой конкуренции как отражение соперничества территорий / М. А. Троянская // *Региональная экономика*. 2014. № 25. С. 48-54.
7. Alonso J. A. International tax cooperation and sovereign debt crisis resolution: reforming global governance to ensure no one is left behind / J. A. Alonso // *CDP Background Paper*. 2018. № 41. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/publication/CDP-bp-2018-41.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).
8. Barker W. B. Optimal International Taxation and Tax Competition: Overcoming the Contradictions / W. B. Barker // *Northwestern Journal of International Law & Business*. 2002. № 2. Pp. 161-218.
9. Keen M. *International Taxation and the Extractive Industries* / M. Keen, V. Thuronyi. Routledge, 2016. Ch. 13. 380 pp.
10. Keen M. The Theory of International Tax Competition and Coordination / M. Keen, K. A. Konrad // *Handbook of Public Economics* / edited by A. J. Auerbach, R. Chetty, M. Feldstein, E. Saez. Elsevier, 2013. Vol. 5. Pp. 257-328. DOI: 10.1016/B978-0-444-53759-1.00005-4 (дата обращения: 21.02.2022).
11. Morris A. P. Cartelizing Taxes: Understanding the OECD's Campaign against Harmful Tax Competition / A. P. Morris, L. Moberg // *Columbia Journal of Tax Law*. 2012. No. 1. URL: <https://scholarship.law.tamu.edu/facscholar/53/> (дата обращения: 12.05.2022).
12. Seelkopf L. Taxation and inequality: how tax competition has changed the redistributive capacity of nation-states in the OECD / L. Seelkopf, H. Lierse // *Welfare State Transformations and Inequality in OECD Countries* / edited by M. Wulfgramm, T. Bieber, and S. Leibfried. N. Y.: Palgrave, 2016. Pp. 89-109. URL: <http://hdl.handle.net/1814/47244> (дата обращения 12.09.2022)
13. Wilson J. D. A Theory of Interregional Tax Competition / J. D. Wilson // *Journal of Urban Economics*. 1986. № 19. Pp. 296-315.

Приложение

Appendix

Информационные ресурсы свободных портов

Records on Free Ports

1. Business Panama Group. Colon Free Zone and other Free Zones Zones. URL: <https://www.businesspanama.com/invest-in-panama/colon-free-zone-and-other-free-zones/34/b/> (дата обращения: 16.05.2022).
2. Census and Statistics Department. URL: <https://www.censtatd.gov.hk/en/scode452.html> (дата обращения: 20.04.2022).
3. Colon Free Trade Zone. URL: <https://www.colonfreetradezone.com/freezone-colon.html> (дата обращения: 21.03.2022).
4. Department of Statistics Malaysia Official Portal. URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?r=column/cthemebycat&cat=102&bul_id=TExzYmVmRC83S1hBMEUrUDVzczdLUT09&menu_id=TE5CRUZCb1h4ZTZMODZlbnk2aWRRQT09 (дата обращения: 16.04.2022).
5. Department of Statistics Singapore. URL: <https://www.singstat.gov.sg/find-data/search-by-theme/trade-and-investment/foreign-direct-investment/visualising-data/foreign-direct-investment-in-singapore-dashboard> (дата обращения: 17.04.2022).
6. Foreign Investment Promotion act No. 5559 enacted on September 16, 1998. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=49546&lang=ENG (дата обращения: 17.02.2022).
7. Georgia Tech Panama Logistic Innovation and Research Center. URL: <https://logistics.gatech.pa/en/trade/colon-free-zone> (дата обращения: 21.04.2022).
8. Government Legal Department. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/736503/Legal_Risk_Guidance_-_Amended_July_2015.pdf (дата обращения: 17.04.2022).
9. Government Portal of Macao Special Administrative Region of the People's Republic of China. URL: <https://www.gov.mo/en/news/64199/> (дата обращения: 01.05.2022).
10. Hawksbill Creek Agreement Act 1955. URL: http://laws.bahamas.gov.bs/cms/images/LEGISLATION/PRINCIPAL/1955/1955-0005/HawksbillCreekGrandBahamaDeepWaterHarbourandIndustrialAreaAct_1.pdf (дата обращения: 05.05.2022).
11. Hong Kong Trade Development Council, The Philippines: Special Economic Zones. URL: https://research.hktdc.com/archive/201706/480275_en_wdwong2017Jun23_gen.pdf (дата обращения: 17.04.2022).
12. Inland Revenue Department. URL: <https://www.ird.gov.hk/eng/ppr/are.htm> (дата обращения: 17.03.2022).
13. InvestKOREA. URL: <https://www.investkorea.org/ik-en/index.do> (дата обращения: 09.04.2022).
14. International Labour Organization, Export Processing Zones (EPZs). URL: https://www.ilo.org/actrav/areas/WCMS_DOC_ATR_ARE_EPZ_EN/lang--en/index.htm (дата обращения: 19.03.2022).
15. International relocation firm. Panama Tax free Zones. URL: https://www.relofirm.com/panama_tax_free_zones/ (дата обращения: 06.03.2022).
16. Iquique Terminal International. URL: <https://www.iti.cl/operational-work/> (дата обращения: 11.05.2022).

17. Japan a new, emerging FDI destination. URL: <https://www.japan.go.jp/investment/> (дата обращения: 09.04.2022).
18. Ministry of Manpower. Manpower research and statistics department. URL: <https://stats.mom.gov.sg/Pages/Job-Vacancy-Summary-Table.aspx> (дата обращения: 19.05.2022).
19. Ministry of public works Chile. Major projects 2016 2021. URL: <https://www.flandersinvestmentandtrade.com/export/sites/trade/files/attachments/Grandes%20Proyectos%20MOP%202016-2012.pdf> (дата обращения: 01.05.2022)
20. Philippine Economic Zone Authority. URL: <https://www.peza.gov.ph/> (дата обращения: 12.04.2022).
21. Philippine Statistics Authority. URL: <https://psa.gov.ph/content/foreign-trade-statistics-fts-philippines> (дата обращения: 11.04.2022).
22. The government of Bahamas. Freeport Grand Bahama. Режим доступа: <https://www.bahamas.gov.bs/> (дата обращения: 18.04.2022).
23. The Government of the Hong Kong Special Administrative Region. URL: <https://www.info.gov.hk/gia/general/202101/10/P2021010800572.htm> (дата обращения: 10.04.2022).
24. The Free Trade Zones Act 1966. URL: <https://customs.gov.sg/businesses/acts-and-subsiary-legislation/free-trade-zones-act#:~:text=The%20Free%20Trade%20Zones%20Act,Free%20Trade%20Zones%20Act> (дата обращения: 11.02.2022).
25. The Special Economic Zone Act of 1995. URL: https://boi.gov.ph/sdm_downloads/ra-7916-the-special-economic-zone-act-of-1995/ (дата обращения: 09.03.2022).
26. ZOFRI. URL: <https://www.zofri.cl/en-us/Nosotros/Pages/Historia.aspx> (дата обращения: 02.05.2022).
27. Akta Zon Ekonomi Eksklusif 1984. URL: [https://www.aelb.gov.my/malay/dokumen/perundangan/P.U.\(A\)175.pdf](https://www.aelb.gov.my/malay/dokumen/perundangan/P.U.(A)175.pdf) (дата обращения: 28.04.2022).
28. Badan Pusat statistic Kota Batam. URL: <https://batamkota.bps.go.id/indicator/> (дата обращения: 12.05.2022).
29. Comision para el mercado financiero. URL: <https://www.cmfchile.cl/portal/principal/613/w3-channel.html> (дата обращения: 22.05.2022).
30. Dinas Tenaga Kerja Kota Batam. PROFIL KETENAGAKERJAAN TAHUN 2018. URL: <https://disnaker.batam.go.id/wp-content/uploads/sites/36/2019/02/Profil-Ketenagakerjaan-Tahun-2018.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).
31. Gobierno de Chile, Chile Aduanas Customs. URL: <https://www.aduana.cl/aduana/site/edic/base/port/estadisticas.html> (дата обращения: 14.05.2022).
32. Governo de Regiao Administrativa Especial de Macau. URL: <https://www.dsec.gov.mo/Statistic/Other/CompanyStatistics/2017%E5%B9%B4%E7%AC%AC4%E5%AD%A3%E5%85%AC%E5%8F%B8%E7%B5%B1%E8%A8%88.aspx?lang=en-US> (дата обращения: 18.05.2022).
33. Keunggulan Investasi di Batam. URL: <https://bpbatam.go.id/investasi/pejuang-investasi/keunggulan-investasi/keunggulan-investasi-di-batam/> (дата обращения: 22.04.2022).
34. Ley 12937, Establece un–Regimen Especial Aduanero Para la Exportacion, Importacion y Fomento de los Departamentos de Pisagua, Iquique, Taltal y Chanaral. URL: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar/imprimir?idNorma=27300&idVersion=1958-08-20> (дата обращения: 13.03.2022).
35. Portal Rasmi Parlimen Malaysia. URL: <https://www.parlimen.gov.my/> (дата обращения: 21.04.2022).

36. Que Crea un Regimen Especial Para el Establecimiento y Operacion del Area Economica Especial Panama-Pacifico, y una Entidad Autonoma del Estado, Denominada Agencia del Area Economica Especial Panama-Pacifico. URL: <https://logistics.gatech.pa/bundles/docs/LEY%2041%20DE%202004%20-%20PANAMA-PACIFICO.pdf> (дата обращения: 13.04.2022).
37. Servicio de Impuestos Internos. URL: https://www.sii.cl/sobre_el_sii/serie_de_ingresos_tributarios.html (дата обращения: 11.05.2022).
38. Undang-Umdang Republik Indonesia Nomor 39 Tahun 2009 Tentang Kawasan Ekonomi Khusus. URL: https://www.dpr.go.id/dokjdi/document/uu/UU_2009_39.pdf (дата обращения: 20.04.2022).
39. Utusan Borneo. Sektor pembuatan Labuan catat pelaburan RM4.2 bilion. URL: <https://www.utusanborneo.com.my/2018/03/01/sektor-pembuatan-labuan-catat-pelaburan-rm42-bilion> (дата обращения: 22.04.2022).
40. Zona Libre de Colón. URL: <http://www.zolicol.gob.pa/> (дата обращения: 18.03.2022).
41. 新潟県、Niigata Prefectural Government. URL: <https://www.pref.niigata.lg.jp/> (дата обращения: 10.04.2022).
42. 内閣府、2015年（平成27年）基準SNA産業連関表の概要. URL: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/sangyou/files/contents/pdf/h27/snaio_gaiyou_b27.pdf (дата обращения: 25.04.2022).
43. DBJ. 2020–2021年度新潟県設備投資計画調査 URL: <https://www.dbj.jp/upload/investigate/docs/ac6850a7a295fa665b8b0213e509a0dc.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).
44. 人口・面積・人口密度、都道府県・地域別GDP — 2015年度（平成27年・県内総生産・名目） URL: <http://demography.blog.fc2.com/blog-entry-10428.html> (дата обращения: 22.04.2022).
45. 国家戦略特別区域法. URL: https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=425AC0000000107_20220401_503AC0000000057 (дата обращения: 19.04.2022).
46. 中国统计信息网. URL: <http://www.tjcn.org/> (дата обращения: 10.04.2022).
47. 中华人民共和国国务院关于经济特区和沿海十四个城市减征、免征企业所得税和工商统一税的暂行规定. URL: <http://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n362/c1766/content.html> (дата обращения: 20.04.2022).
48. 国务院关于沿海地区发展外向型经济的若干补充规定. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2012-02/21/content_5155.htm (дата обращения: 23.03.2022).
49. 第21/78/M號法律、核准超額純利稅章程——取消一九六四年六月二日第1635號、一九六五年二月十三日第1659號、一九六五年六月十二日第1668號、一九六六年九月十日第1718號、一九六九年三月一日第1787號、一九七零年三月十四日第1814號等立法條例及三月十二日第7/77/M號法令. URL: https://bo.io.gov.mo/bo/i/78/36/lei21_cn.asp (дата обращения: 12.04.2022).
50. 本条例旨在对物业、入息及利润征收税项。—URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap112> (дата обращения: 11.04.2022).
51. 중 항만배후단지관리지침. URL: <https://www.law.go.kr/%ED%96%89%EC%A0%95%EA%B7%9C%EC%B9%99/1%EC%A2%85%ED%95%AD%EB%A7%8C%EB%B0%B0%ED%9B%84%EB%8B%A8%EC%A7%80%EA%B4%80%EB%A6%AC%EC%A7%80%EC%B9%A8> (дата обращения: 29.11.2021).

Vikroia N. YEREMEEVA¹

Olga A. SINENKO²

UDC 336.225.66

TAX COMPETITION IN THE FREE PORTS OF THE ASIA-PACIFIC REGION

¹ Master Student, School of Economics and Management,
Far Eastern Federal University (Vladivostok)
eremeeva.vn@students.dvfu.ru

² Cand. Scil (Econ.), Associate Professor,
School of Economics and Management, Far Eastern Federal University (Vladivostok)
sinenko.aa@dvfu.ru

Abstract

This article studies international tax competition in the Free Ports of the Asia-Pacific region. The authors analyze the approaches to defining the concept of “tax competition”, highlighting the tools of tax competition used in free ports. The results reveal the specifics of regulating companies’ activities in the free ports of the Asia-Pacific region, followed by a comparative analysis of tax simulation practices of the residents in the free ports under study. Additionally, the authors provide the analysis of the functioning of free ports in the Asia-Pacific region.

Keywords

Tax competition, free port, tax incentives.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-140-157

Citation: Ereemeeva V. N., Sinenko O. A. 2022. “Tax competition in the free ports of the Asian-Pacific region”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 140-157. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-140-157

REFERENCES

1. Adigamova F. F., Andreeva M. Yu., Balandina A. S. et al. 2017. Special Economic Zones. Global and Russian Experience: Monograph for Undergraduate Students of “Economics”, “Public Audit”, and “Finance and Credit” Programs. Moscow: Unity-Dana. 287 pp. [In Russian]
2. Pinskaya M. R. 2020. Tax Competition: From Theory to Practice. Moscow. 137 pp. [In Russian]
3. Sinenko O. A. 2016. “Analysis of practices for assessing the effectiveness of tax incentives for the development of special economic zones”. *Innovative Development of the Economy*, no. 3 (33) II, pp. 224-231. [In Russian]
4. Sinenko O. A., Kadermyatova A. E. 2021. Socio-Economic Risks of the State within the Territories with the Special Economic Status of the Far East. Vladivostok. 172 pp. [In Russian]
5. Troyanskaya M. A. 2014. “Tax competition: the concept, types, value”. *Taxes and Financial Law*, no. 6, pp. 179-185. [In Russian]
6. Trojanskaya M. A. 2014. “Development of theories of tax competition as a reflection of territorial rivalry”. *Regional Economics*, no. 25, pp. 48-54.
7. Alonso J. A. 2018. “International tax cooperation and sovereign debt crisis resolution: reforming global governance to ensure no one is left behind”. CDP Background Paper no. 41. Accessed 17 February 2022. <https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/publication/CDP-bp-2018-41.pdf>
8. Barker W. B. 2002. “Optimal International Taxation and Tax Competition: Overcoming the Contradictions”. *Northwestern Journal of International Law & Business*, no. 2, pp. 161-218.
9. Keen M., Thuronyi V. 2016. *International Taxation and the Extractive Industries*. Ch. 13. Routledge. 380 pp.
10. Keen M., Konrad K. A. 2013. “The Theory of International Tax Competition and Coordination”. In: Auerbach A. J., Chetty R., Feldstein M, Saez E. (eds.). *Handbook of Public Economics*. Vol. 5, pp. 257-328. DOI: 10.1016/B978-0-444-53759-1.00005-4
11. Morris A. P., Moberg L. 2012. “Cartelizing Taxes: Understanding the OECD’s Campaign against Harmful Tax Competition”. *Columbia Journal of Tax Law*, no. 1. Accessed 12 May 2022. <https://scholarship.law.tamu.edu/faescholar/53/>
12. Seelkopf L., Lierse H. 2016. “Taxation and inequality: how tax competition has changed the redistributive capacity of nation-states in the OECD”. In: Wulfgramm M., Bieber T., Leibfried S. (eds.). *Welfare State Transformations and Inequality in OECD Countries*, pp. 89-109. N. Y.: Palgrave. <http://hdl.handle.net/1814/47244>
13. Wilson J. D. 1986. “A Theory of Interregional Tax Competition”. *Journal of Urban Economics*, no. 19, pp. 296-315.

Наталья Геннадьевна ВИКТОРОВА¹
Дянькай ВАН²
Полина Валерьевна ОСЫКА³

УДК 339.9

ОЦЕНКА ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ КАК ФАКТОРА РИСКА ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

¹ доктор экономических наук, профессор Высшей инженерно-экономической школы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
viktorova_ng@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7355-3541

² аспирант Высшей инженерно-экономической школы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
wangdiankai@mail.ru

³ магистр Высшей инженерно-экономической школы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
poly190600@mail.ru

Аннотация

В условиях глобальной международной нестабильности проблемы рисков внешнеторговой деятельности промышленных предприятий являются актуальными и требуют совершенствования научно-практического инструментария оценки таких рисков. При этом особую важность приобретают риски, возникающие в сложившихся, зарекомендовавших временем российско-китайских отношениях. В статье рассматривается один из внутренних рисков внешнеторговой деятельности промышленного предприятия — риск невыполнения контракта, характеризующийся в финансовой отчетности показателем дебиторской задолженности.

Цитирование: Викторова Н. Г. Оценка дебиторской задолженности как фактора риска внешнеторговой деятельности китайских предприятий химической промышленности / Н. Г. Викторова, Дянькай Ван, П. В. Осыка // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 158-172. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-158-172

Целью данного исследования является разработка модели, позволяющей оценить влияние на дебиторскую задолженность китайского предприятия-экспортера химической продукции на российский рынок совокупности факторов. Результаты моделирования позволяют выработать управленческие решения по нивелированию рисков внешнеторговой деятельности как китайскими предприятиями, так и их российскими контрагентами. В качестве объекта исследования отобрано 24 китайских предприятия химической промышленности, экспортирующих свою продукцию на российский рынок. Моделирование проведено с помощью регрессионного анализа в программе Stata. В моделирование включено 258 наблюдений за последние 10 лет. Построено три модели: модель на основе метода наименьших квадратов, модель с фиксированными эффектами, модель со случайными эффектами. Значимой оказалась модель с фиксированными эффектами, которая отразила зависимость дебиторской задолженности от таких ключевых показателей, как запасы, основные средства, выручка, налог к уплате, управленческие расходы, чистая прибыль. Дана общая интерпретация полученных результатов.

Авторское исследование отличается от имеющихся научных работ по заданной проблематике своей целью, объектами, набором показателей для моделирования. Оно является частью разработки комплексной модели оценки риска возникновения дебиторской задолженности у российских и китайских производителей химической продукции при ее реализации на партнерских рынках.

Ключевые слова

Экономика промышленности, внешнеторговая деятельность, химическая отрасль, риски, дебиторская задолженность, китайское химическое предприятие, регрессионное моделирование, факторный анализ.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-158-172

Введение

Российско-китайские отношения за последние годы претерпели серьезную трансформацию. Расширяются сферы взаимовыгодного сотрудничества, внешне-торговая деятельность на партнерских рынках. Это затрагивает и продукцию химической промышленности двух стран. В 2019 г. (перед пандемией) объем импорта из Китая в Россию составил 4,573 млрд долларов США, а объем экспорта — 2,039 млрд долларов США. Увеличению товарооборота способствовали совместные усилия лидеров двух стран и развитие сотрудничества между сторонами в части интеграции инициативы «Один пояс, один путь», Евразийского экономического союза [1].

Однако в условиях мирового экономического кризиса последних двух лет, изменения логистических цепочек и возросшей неопределенности в сфере внешней торговли возникает задача совершенствования управления деятельностью предприятий химической промышленности двух стран, осуществляющих торговлю своей продукцией на партнерских рынках. Требуется модернизировать существующие методики оценки рисков такой деятельности.

Вопросам идентификации рисков внешнеторговой деятельности посвящено много исследований как российских, так и китайских ученых. Так, например, А. А. Дорофеева определила риск ВТД как «угрозу потери предприятием части своих ресурсов, недополучение доходов или появление дополнительных затрат в результате осуществления внешнеэкономической деятельности» [2]. Департамент Министерства коммерции КНР, осуществляющий планирование внешнеэкономической деятельности, определил риск ВТД «как риск, когда другая сторона сделки понесет убытки из-за того, что одна сторона сделки по разным причинам не выполнит свои обязательства на заранее оговоренных условиях» [6]. Такой схожей позиции придерживается и ряд других ученых двух стран [5, 11]. Одним из ключевых показателей финансово-хозяйственной деятельности, отражающих невыполнение договорных обязательств, является показатель дебиторской задолженности. С этим показателем сопряжено отвлечение денежных средств из оборота компании, что негативно сказывается на финансовом состоянии предприятия. Для мониторинга ситуации важным является аналитический инструментарий [12, 13].

В исследованиях ученых нивелирование рисков, связанных с заключением и исполнением контрактов, рассматривается как с юридической [3], так и с экономической точек зрения [8, 9]. Например, отдельные ученые с помощью экономико-математического инструментария обосновывают связь дебиторской задолженности и прибыльности предприятия [4, 10]. При этом объектами исследования выступают предприятия без выделения их по признаку ведения внешнеторговой деятельности в целом и применительно к российско-китайским торговым отношениям, в частности.

Целью данного исследования является разработка модели, позволяющей оценить влияние на дебиторскую задолженность китайского предприятия-экспортера химической продукции на российском рынке совокупности факторов.

Методы

Цель моделирования — определить влияние внутренних и внешних факторов на риск внешнеторговой деятельности китайских промышленных предприятий, реализующих свою продукцию на российском рынке.

Ключевой показатель, отражающий внутренний риск по частичному или полному невыполнению договорных (контрактных) обязательств стороной внешнеторговой сделки, является показатель дебиторской задолженности.

Методика регрессионного анализа следующая.

Отобрано 24 китайских предприятия, производящих и реализующих химическую продукцию в Россию. Данные взяты за 2010-2020 гг.

Зависимой переменной будет дебиторская задолженность (данные бухгалтерского баланса). Из общедоступных источников информации не представляется возможным выделение дебиторской задолженности, возникшей вследствие невыполнения договорных отношений между национальными и зарубежными контрагентами. Также отсутствуют данные в разрезе стран, покупающих химическую продукцию предприятия. Поэтому исследование будет иметь следующие допущения:

- 1) если известно, что китайское предприятие торгует с российскими предприятиями продукцией химического производства, то дебиторская за-

долженность включает в себя дебиторскую задолженность, возникшую в результате этих отношений;

- 2) дебиторская задолженность у предприятий-экспортеров составляет не менее 50% от всей дебиторской задолженности в условиях значительной рискованности от внешней среды при ведении внешнеторговой деятельности по сравнению с внутренней торговлей.

Независимыми переменными выступили:

- 1) показатель, прямо или косвенно отражающий инновационность экспортируемой продукции — *стоимость нематериальных активов* (взят из бухгалтерского баланса);
- 2) показатель, характеризующий фондоемкость производства химической продукции, включая и реализуемую на экспорт — *стоимость основных средств* (взят из бухгалтерского баланса);
- 3) показатель, характеризующий имеющиеся в наличии у предприятия-экспортера *запасы* — сырье, материалы, незавершенное производство, готовая продукция (взят из бухгалтерского баланса);
- 4) показатель, характеризующий участие собственников в деятельности предприятия, занимающегося экспортом химической продукции на партнерский рынок — *уставный капитал* (взят из бухгалтерского баланса);
- 5) показатель, характеризующий задолженность предприятия-экспортера перед контрагентом — *кредиторская задолженность* (здесь рассматривается ситуация, когда партнерская сторона оплатила контракт, а предприятие не отгрузило продукцию, либо отгрузило частично в счет суммы оплаты). В исследовании сделано допущение, что кредиторская задолженность у предприятий-экспортеров составляет не менее 50% от всей кредиторской задолженности в условиях существенности факторов внешней среды при осуществлении внешнеторговой деятельности (взят из бухгалтерского баланса);
- 6) показатель, характеризующий затраты предприятия на производство химической продукции, включая и экспортируемую — *себестоимость продукции* (общие эксплуатационные расходы) (взят из отчета о финансовых результатах);
- 7) показатель, характеризующий налоги, участвующие в ценообразовании химической продукции — *налоги и надбавки* (взят из отчета о финансовых результатах);
- 8) показатель, характеризующий затраты предприятия на продвижение химической продукции на партнерский рынок, включая и экспорт в партнерскую страну — *расходы на продажу (коммерческие расходы)* (взят из отчета о финансовых результатах);
- 9) показатель, характеризующий затраты на управленческую деятельность, включая управление в части производства продукции, подлежащей экспорту, а затем продвижения ее на партнерский рынок — *управленческие расходы* (взят из отчета о финансовых результатах);
- 10) показатель, характеризующий основной доход предприятия, в том числе экспортный доход — *выручка без налогов* (взят из отчета о финансовых результатах);

11) показатель *чистой прибыли*, включающий чистую прибыль от внешне-торговой деятельности, как результирующий показатель всей финансово-хозяйственной деятельности предприятия (взяты из отчета о финансовых результатах).

Внешние факторы, отобранные для регрессионного анализа, характеризуют внешнеторговую деятельность на уровне государства (КНР). Это два абсолютных показателя — экспорт в РФ и импорт из РФ, четыре относительных показателя — доля экспорта продукции химической промышленности в общем экспорте, доля импорта продукции химической промышленности в общем импорте, доля импорта продукции химической промышленности из РФ в общем импорте, доля экспорта продукции химической промышленности в РФ в общем экспорте. Все отобранные для моделирования показатели приведены в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

Отобранные для моделирования факторы

Factors Selected for Modeling

Наименование	Ед. изм.	Наименование в Stata
Дебиторская задолженность (Y)	млн юань	debt
Запасы (X1)	млн юань	inventory
Основные средства (X2)	млн юань	fixedassets
Нематериальный активы и гудвилл (X3)	млн юань	Rdgoodwill
Кредиторская задолженность (X4)	млн юань	payables
Уставный капитал (X5)	млн юань	equity
Выручка (X6)	млн юань	revenue
Себестоимость (X7)	млн юань	cost price
Налоги к уплате (X8)	млн юань	taxes
Коммерческие расходы (X9)	млн юань	selling expenses
Управленческие расходы (X10)	млн юань	management expenses
Чистая прибыль (X11)	млн юань	netprofit
Доля экспорта продукции химической промышленности (X12)	%	chemistry% export
Доля импорта продукции химической промышленности (X13)	%	chemistryimport%
Экспорт в РФ (X14)	млн юань	export
Импорт из РФ (X15)	млн юань	import
Доля импорта продукции химической промышленности из РФ в общем импорте (X16)	%	import%
Доля экспорта продукции химической промышленности в РФ в общем экспорте (X17)	%	export%

Данные были взяты из финансовой отчетности 24 китайских химических предприятий, реализующих свою продукцию в РФ (таблица 2).

Данные отобраны за период с 2010 по 2020 г. Для построения регрессионной модели получено 258 наблюдений. Моделирование проведено в программе Stata.

Таблица 2

Table 2

Перечень объектов исследования

List of research objects

№ п/п	Наименование предприятия	Источник информации	Перечень реализуемой в РФ продукции
1	CNPC	https://www.cnpc.com.cn/	Продукция нефтехимии
2	Yantai Wanhua Polyurethanes	https://www.whchem.com/	Продукция органической химии
3	Sailun Group Co.,Ltd.	https://www.sailungroup.com/	Шинная резина
4	HubeiXingfa Chemicals Group Company Limited	www.xingfagroup.com	Химическое волокно
5	Asia-Potash	www.asia-potash	Калийное удобрение
6	SHEN MA INDUSTRY CO.LTD	http://www.shenma.com/	Пластик, химическое волокно
7	Jiangsu ChengXing Phosph-Chemical Co.,Ltd.	http://www.phosphatechina.com/	Нефтехимия
8	Tongkun Group Co.,Ltd.	http://www.zjtkgf.com/	Химическое волокно
9	JILIN CHEMICAL FIBRE CO.,LTD	http://www.jlhxjt.com/	Химическое волокно
10	GUIZHOU TYRE CO.,LTD	www.gztyre.com	Шинная резина
11	Tangshan Sanyou Chemical Industries Co.,Ltd	http://www.sanyou-chem.com.cn/	Щелочь, силикон
12	GUANGXI HECHI CHEMICAL CO.,LTD	gxhhjt.company.lookchem.c	Комплексное удобрение
13	Hangjin Technology CO.,LTD.	www.hangjintechnology.com	Каустическая сода
14	North Huajin Chemical Industries Co.,Ltd.	http://www.huajinchem.com/	Органическое химическое сырье
15	SHANDONG HAIHUA COMPANY LIMITED	http://4192230.gw99.com/	Сера, мазут
16	Luxi Chemical Group Co.,Ltd.	luxichemical.com	Удобрение
17	CGN Nuclear Technology Development Co.,Ltd.	cgnt.com.cn	Нефтегазовая продукция
18	GUANGHUI ENERGY CO., LTD.	xjguanghui.com	Нефтегазовая продукция
19	Zhejiang Xinan Chemical Indusyrial Group Co., Ltd	wynca.com	Инсектициды, силиконы
20	Daqing Huake Company Limited	http://www.huake.com/	Пластик
21	Shenyang Chemical Industry Co., Ltd	http://sychem.com/	Нефтехимия
22	IANGSU JIANGNAN HIGH POLYMER FIBER CO., LTD	https://ru.investing.com/equities/jiangnan-fiber	Химическое волокно, полиэстер
23	NANJING CHEMICAL FIBRE CO., LTD	http://www.viscosefibre.com/	Химическое волокно
24	Kingfa Sci. & Tech	https://www.kingfa.com/	Пластмассовые изделия

Результаты

При проведении регрессионного анализа получены следующие результаты. Первоначальный анализ данных показал высокий R^2 , что говорит о высокой объясняющей способности модели, *linktest* и *ovtest* показали корректную спецификацию модели. Зависимость переменных линейная (рис. 1), как и динамика развития (рис. 2).

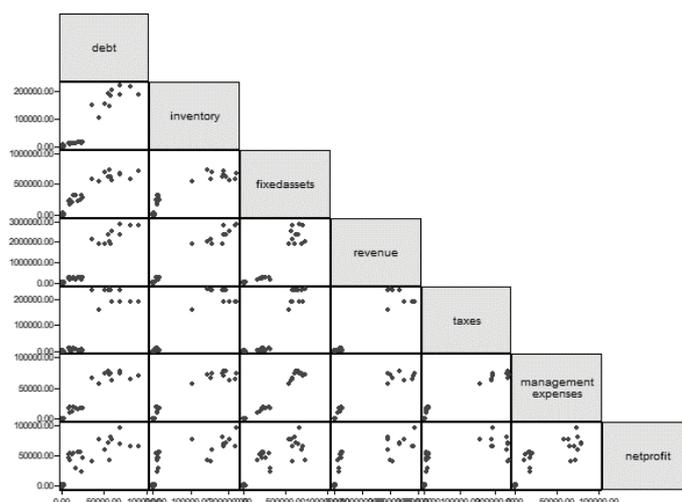

Рис. 1. График рассеивания

Fig. 1. Scatter Plot

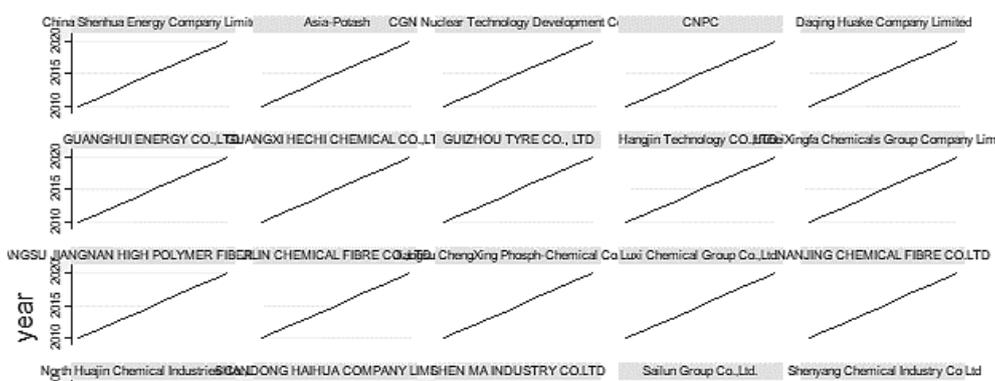

Рис. 2. Динамика развития пространственных объектов

Fig. 2. Dynamics of development of spatial objects

В то же время регрессионный анализ показал высокую степень мультиколлинеарности, что говорит о том, что классическая регрессионная модель может дать неверные выводы из-за неустойчивости коэффициентов, также анализ показал гомоскедастичность остатков модели (рис. 3).

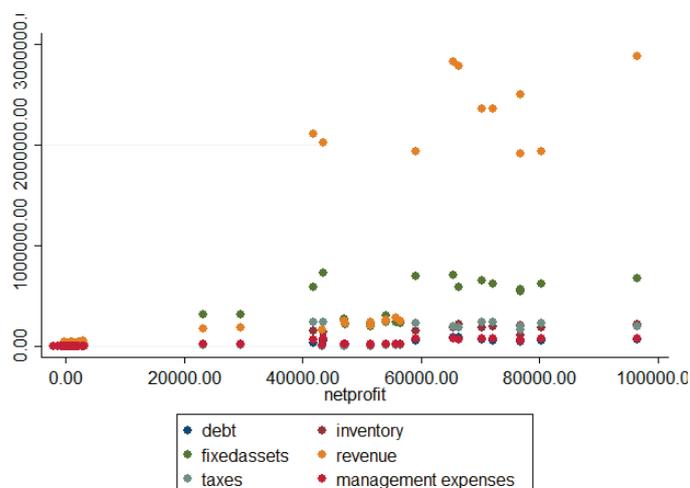

Рис. 3. Диаграмма рассеивания (гомоскедастичность остатков)

Fig. 3. Scatterplot (homoscedasticity of residuals)

В данном случае можно сделать предположение, что модели с фиксированными или случайными эффектами могут быть более корректными, чем классическая регрессионная модель, построенная по методу наименьших квадратов (МНК). В результате проведенного анализа были выявлены следующие значимые факторы: запасы, основные средства, выручка, налоги, чистая прибыль, управленческие расходы. Полученные результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3

Table 3

Результаты моделирования

Simulation results

Название фактора	Модель по методу МНК	Модель с фиксированными эффектами	Модель со случайными эффектами
Запасы	0,188*** (0,0322)	0.212 (0.0384)	0.188*** (0.0322)
Основные средства	0,0476*** (0,00948)	0.0600*** (0.0134)	0.0476*** (0.00948)
Выручка	0,0141*** (0,00236)	0.00973* (0.00386)	0.0141*** (0.00236)
Налоги	-0,3*** (0,0353)	-0.358*** (0.0577)	-0.3*** (0.0353)
Чистая прибыль	-0,222*** (0,0366)	-0.2*** (0.0559)	-0.222*** (0.0366)
Управленческие расходы	0,607** (0,203)	0.6890.607* (0.229)	0.607** (0.203)
Константа	-277,8* (131,2)	-397.13 (604.6)	-277.8* (131.2)
Наблюдения	258	258	258
R2	0.978	0.713	
Уточненный R2	0,977	0.676	
Ст. ошибка в скобках		*p < 0,05, ** p< 0,01, ***p < 0,0001	

Как и предполагалось, наилучший результат показала модель с фиксированными эффектами (таблица 4), согласно которой предполагается, что внутри объектов есть вариации, приводящие к смещению переменных.

Таблица 4

Table 4

Модель с фиксированными эффектами

Fixed effects model

Debt	Coef	Std. Err.	t	P> t
inventory	0.212	0.038	5.52	0.000
fixedassets	0.0600	0.013	4.47	0.000
revenue	0.00973	0.004	2.52	0.012
taxes	-0.358	0.058	-6.20	0.000
managementexpenses	0.6890	0.229	3.00	0.003
netprofit	-0.2	0.056	-3.58	0.000
cons	-397.13	601.6134	-0.66	0.512
sigma_u	1 294.5738			
sigma_e	1947.9543			
rho	.3063591			
F-test that all u _i =0: F(23,228)=1.00		Prob>F=0.4602		

В связи с высокой мультиколлинерностью, выявленной ранее, есть причины полагать, что различия между объектами оказывают определенное влияние на зависимую переменную. Из-за этого использование модели с фиксированными эффектами кажется наиболее корректным. Выбор в ее пользу подтвердился и тестами Хаусмана и Бройша — Пагана (таблицы 5 и 6).

Таблица 5

Table 5

Результаты теста Хаусмана

Houseman Test Results

	Coefficients			
	xtregfe	xtregre	difference	S.E.
inventory	0.212	0.188	0.024	0.000
fixedassets	0.0600	0.05	0.013	0.000
revenue	0.00973	0.014	-0.04	0.012
taxes	-0.358	-0.3	-0.06	0.000
managementexpenses	0.689	0.61	0.09	0.003
netprofit	-0.2	-0.22	0.022	0.000
Prob>chi2=0.0279				

Нулевая гипотеза теста Хаусмана гласит, что ошибки не коррелированы с регрессорами. Так как вероятность (prob) значительно ниже 0,05, модель со случайными эффектами отвергается в пользу фиксированных эффектов.

Для большей уверенности был проведен тест Бройша — Пагана, согласно которому нулевая гипотеза состоит в предположении, что эффекта панели нет.

В данном случае нулевая гипотеза не может быть отклонена, соответственно, модель со случайными эффектами снова отклоняется. Оба теста подтвердили корректность модели с фиксированными эффектами.

Таблица 6

Table 6

Результаты теста Бройша — Пагана

Broisch — Pagan test results

	var	Sd=sqrt(var)
debt	1.65e+08	12859.57
e	3794526	1947.954
u	0	0
Test: var(u)=0		
Chibar2(01)=0.00		
Prob>chibar2=1.0000		

Соответственно, в качестве финального регрессионного уравнения выбрано следующее выражение (1):

$$Y = 0,212 \times x_1 + 0,06 \times x_2 + 0,009 \times x_6 - 0,358 \times x_8 + 0,69 \times x_{10} - 0,2 \times x_{11} - 397,13, \quad (1)$$

где Y — дебиторская задолженность; x_1 — запасы; x_2 — основные средства; x_6 — выручка; x_8 — налог к уплате; x_{10} — управленческие расходы; x_{11} — чистая прибыль.

В результате было получено уравнение, объясняющее зависимость уровня дебиторской задолженности от ряда факторов.

Обсуждение

В результате регрессионного анализа получена модель, описывающая зависимость дебиторской задолженности от таких факторов, как запасы; основные средства; выручка; налог к уплате; управленческие расходы; чистая прибыль.

Прямая зависимость дебиторской задолженности от величины запасов неочевидна. Рост запасов, с одной стороны, говорит об увеличении обеспеченности производства сырьем и материалами, а с другой — об увеличении готовой продукции на складе, т. е. об увеличении потенциального имущества предприятия, которое может быть реализовано и по которому в перспективе может быть образована дебиторская задолженность. Увеличение основных средств еще более косвенно связано с влиянием на дебиторскую задолженность. Этот факт позволяет нарастить производство готовой продукции, продажа которой в будущем может привести к возникновению дебиторской задолженности.

Связь между дебиторской задолженностью, запасами и основными средствами можно объяснить еще и следующим образом. Эффективное управление предприятием подразумевает в первую очередь контроль за оборачиваемостью средств. Это включает в себя как контроль за дебиторской задолженностью, так и материально-производственными запасами. Непрерывный поток приобретения необходимых материалов поддерживает производственный процесс на необхо-

димом уровне, в то время как любая задержка в поставке или оплате способна оказать существенный урон эффективности производственного процесса.

Увеличение выручки зачастую вызвано жесткой политикой предприятия в отношении управления оборотным капиталом. Исходя из этого объясняется наличие прямой связи между дебиторской задолженностью и выручкой организации.

Обратная связь между результирующим показателем и объясняющими показателями налога к уплате и чистой прибылью можно интерпретировать следующим образом. Увеличение дебиторской задолженности и создание при этом резерва по сомнительным долгам действительно приводит к сокращению корпоративного налога и, соответственно, чистой прибыли предприятия, поскольку эти показатели рассчитываются последовательно.

Рост управленческих расходов при увеличении дебиторской задолженности очевиден. Именно этот фактор требует более детального анализа для выявления существующих проблем у китайских предприятий-экспортеров химической продукции, реализующих ее на российский рынок. Данный вопрос будет рассмотрен далее в новых исследованиях.

Заключение

Таким образом, в рамках проведенного исследования построены три регрессионных модели посредством инструментов эконометрики. В процессе моделирования и тестирования в качестве корректной модели была выбрана модель с фиксированными эффектами. Модель отразила зависимость дебиторской задолженности как от показателей, характеризующих имущество предприятия химической отрасли (запасы, основные средства), так и показателей, связанных с финансовыми результатами (выручка, налог, управленческие расходы, чистая прибыль). При этом макрофакторы не оказали влияния на дебиторскую задолженность предприятия. Полученная модель может быть применена для оценки риска деятельности китайского химического предприятия, экспортирующего свою продукцию на российский рынок.

Поставлена цель на дальнейшее расширение исследования с более углубленным изучением процесса формирования показателя управленческих расходов в китайской практике ведения бухгалтерского учета. Также перспективным является исследование рисков неисполнения контрактных обязательств, характеризующихся показателем дебиторской задолженности, применительно к российским химическим предприятиям, экспортирующим свою продукцию в Китай. В итоге финальной целью видится разработка комплексной модели оценки влияния на дебиторскую задолженность объясняющих факторов применительно к российским и китайским производителям химической продукции при ее реализации на партнерских рынках. Всё это позволит системно подойти к выработке рекомендаций по нивелированию рисков внешнеторговой деятельности таких предприятий и ее расширению между странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Д. Анализ китайско-российских отношений в сфере торговли продукцией химического производства / Ван Д. // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 9 (часть 1). С. 37-42.
2. Дорофеева А. А. Исследование направлений снижения внешнеторговых рисков / А. А. Дорофеева // KANT. 2012. № 3 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniyenaopravleniy-snizheniya-vneshnetorgovyh-riskov> (дата обращения: 17.06.2022).
3. Жариков В. С. Исследование возможных рисков и разработка методики исключения материальных и финансовых потерь при осуществлении внешнеэкономической деятельности / В. С. Жариков // Вестник Белорусско-Российского университета. 2012. № 2 (35). С. 165-174.
4. Кожина Е. А. Факторы, влияющие на оборачиваемость дебиторской задолженности / Е. А. Кожина // Финансы и кредит. 2017. № 21 (741). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyayuschie-na-oborachivaemost-debitorskoy-zadolzhennosti> (дата обращения: 07.06.2022).
5. Корабельникова О. А. Внешнеэкономические риски в торговых отношениях России: дисс. ... канд. экон. наук / О. А. Корабельникова. 2005. 215 с.
6. Министерство коммерции Китайской Народной Республики URL: <http://www.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 17.06.2022).
7. Отрубяникова П. В. Дебиторская задолженность предприятий химической отрасли: факторный анализ / П. В. Отрубяникова, Ван Д., А. В. Ильина, Н. Г. Викторова // Финансы и управление. 2021. № 3. С. 35-46. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34967 (дата обращения: 15.06.2022).
8. Подгузова К.В. Дебиторская задолженность предприятия / К. В. Подгузова, Ж. М. Корзюковых // Вестник ГУУ. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/debitorskaya-zadolzhennost-predpriyatiya> (дата обращения: 17.06.2022).
9. Румянцева А. Ю. Управление дебиторской задолженностью на предприятии: дисс. ... канд. экон. наук / А. Ю. Румянцева. СПб.: Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, 2014. 180 с.
10. Салимова В. Р. Анализ дебиторской задолженности / В. Р. Салимова // Управление экономическими системами. 2016. № 6 (88). URL: <http://uecs.ru/ekonomicheskij-analiz/item/3991-2016-06-25-08-40-15> (дата обращения: 21.06.2022).
11. У Цзянгун. Исследование по управлению рисками в международной торговле / У Цзянгун // Hunan Science and Technology. Press-Чанша: 2008, 239 с.
12. Auyb Mehar. Simultaneous Determination of Inventories and Accounts Receivable / Auyb Mehar // Managerial and Decision Economics. 2015. № 4. Pp. 259-269.
13. Krishnankutty R. Ownership structure and receivables management / R. Krishnankutty, N. Jadyappa // Journal of Public Affairs. 2020. Vol. 2. № 2.

Natalia G. VICTOROVA¹

Dankay VAN²

Polina V. OSYKA³

UDC 339.9

**ASSESSMENT OF RECEIVABLES AS A RISK FACTOR
FOR FOREIGN TRADE ACTIVITIES
OF CHINESE CHEMICAL ENTERPRISES**

¹ Dr. Sci. (Econ.), Professor, Graduate School of Industrial Economics,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
viktorova_ng@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7355-3541

² Postgraduate Student, Graduate School of Industrial Economics,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
wangdiankai@mail.ru

³ Master, Graduate School of Industrial Economics,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
poly190600@mail.ru

Abstract

In the context of global international instability, the problems of risks of foreign trade activities of industrial enterprises gain relevance and require better scientific and practical tools for assessing such risks. At the same time, of particular importance are the risks arising in the established, time-tested Russian-Chinese relations. This article considers one of the internal risks of foreign trade activities of an industrial enterprise — the risk of non-fulfillment of a contract, which is characterized in the financial statements by the indicator of receivables. This study aims to develop a model for assessing the impact of several factors on the receivables of a Chinese enterprise exporting chemical products to the Russian market. Based on the simulation results, the authors have developed managerial decisions to mitigate the risks of foreign trade activities by both Chinese enterprises and their Russian counterparties.

Citation: Victorova N. G., Dankay Van, Osyka P. V. 2022. “Assessment of receivables as a risk factor for foreign trade activities of Chinese chemical enterprises”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 158-172. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-158-172

The object of study comprises 24 Chinese enterprises of the chemical industry exporting their products to the Russian market. The simulation included 258 observations over the past 10 years, using regression analysis in the Stata program. Three models have been built: a least squares model, a fixed effects model, and a random effects model. The model with fixed effects turned out to be most significant, which reflected the dependence of accounts receivable on such key indicators, as stocks, fixed assets, revenue, tax payable, administrative expenses, net profit. A general interpretation of the obtained results is provided.

The novelty of the authors' approach lies in its purpose, objects, and a set of indicators for modeling. It is part of the development of a comprehensive model for assessing the risk of receivables from Russian and Chinese manufacturers of chemical products when they are sold on partner markets.

Keywords

Economics of industry, foreign trade, chemical industry, risks, accounts receivable, Chinese chemical enterprise, regression modeling, factor analysis.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-158-172

REFERENCES

1. Wang D. 2021. "Analysis of Chinese-Russian relations in the sphere of trade in chemical products". Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, no. 9 (pt. 1), pp. 37-42. [In Russian]
2. Dorofeeva A. A. 2021. "Study of ways to reduce foreign trade risks". KANT, no. 3 (6). Accessed 17 June 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovaniyenapravleniy-snizheniya-vneshnetorgovyh-riskov> [In Russian]
3. Zharikov V. S. 2012. "Study of possible risks and development of a methodology for eliminating material and financial losses in the implementation of foreign economic activity". Bulletin of the Belarusian-Russian University, no. 2 (35), pp. 165-174. [In Russian]
4. Kozhina E. A. 2017. "Factors affecting the turnover of receivables". Finance and Credit, no. 21 (741). Accessed 7 June 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyayuschie-na-oborachivaemost-debitorskoy-zadolzhennosti> [In Russian]
5. Korabelnikova O. A. 2005. "Foreign economic risks in Russia's trade relations". Cand. Sci. (Econ.) diss. 215 pp. [In Russian]
6. People's Republic of China, Ministry of Commerce. Accessed 17 June 2022. <http://www.mofcom.gov.cn/> [In Russian]
7. Otrubyanikova P. V., Van D., Ilyina A. V., Viktorova N. G. 2021. "Accounts receivable of chemical industry enterprises: factorial analysis". Finance and Management, no. 3, pp. 35-46. Accessed 15 June 2022. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34967 [In Russian]
8. Podguzova K. V., Korzovatykh Zh. M. 2014. "Accounts receivable of the enterprise". Vestnik GUU, no. 1. Accessed 17 June 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/debitorskaya-zadolzhennost-predpriyatiya> [In Russian]

9. Rumyantseva A. Yu. 2014. "Management of receivables at the enterprise". Cand. Sci. (Econ.) diss. St. Petersburg State Engineering and Economic University. St. Petersburg. 180 pp. [In Russian]
10. Salimova V. R. 2016. "Analysis of accounts receivable". Management of Economic Systems, no. 6 (88). Accessed 21 June 2022. <http://uecs.ru/ekonomicheskij-analiz/item/3991-2016-06-25-08-40-15> [In Russian]
11. Wu Jiangong. 2008. "Research on risk management in international trade". In: Hunan Science and Technology. Press-Changsha. 239 pp. [In Russian]
12. Auyb Mehar. 2015. "Simultaneous Determination of Inventories and Accounts Receivable". Managerial and Decision Economics, no. 4, pp. 259-269.
13. Krishnankutty R., Jادیyappa N. 2020. "Ownership structure and receivables management". Journal of Public Affairs, vol. 2, no. 2.

Вячеслав Анатольевич БУБНОВ¹
Елена Владимировна АКСЕНЮШКИНА²
Наталья Вячеславовна МАМОНОВА³

УДК 336.027

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ КАК УСЛОВИЕ ПРИОРИТЕТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

¹ доктор экономических наук, первый проректор,
профессор кафедры бухгалтерского учета и налогообложения,
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
bubnovva@bgu.ru

² кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры математических методов и цифровых технологий,
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
aksenyushkinaev@bgu.ru

³ кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры математических методов и цифровых технологий,
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
mamonovanv@bgu.ru

Аннотация

Одной из приоритетных задач нашего государства является эффективное финансирование региональной экономики. Не всегда направленные финансовые потоки оказывают именно тот эффект, на который рассчитывает государство и который порождает стабильное развитие экономики регионов. Проведенное исследование дает возможность утверждать, что единый подход к финансированию регионов не представляет собой наилучшую стратегию, направленную на развитие субъектов Российской Федерации в целом. На сегодняшний день в плане дальнейшего развития на первой место выхо-

---

Цитирование: Бубнов В. А. Экономическая привлекательность регионов как условие приоритетного финансирования / В. А. Бубнов, Е. В. Аксенюшкина, Н. В. Мамонова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 173-187. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-173-187

дит Сибирский федеральный округ, поскольку достаточно большое разнообразие направлений развития страны связано непосредственно с ним. Исходя из этого, в статье проведено исследование регионов этого округа, направленное на анализ различных социально-экономических факторов, оказывающих влияние на валовый региональный продукт. Построенные факторные модели, отражающие взаимосвязь факторов, оказывающих влияние на экономический рост региона, дают возможность разделить регионы на три существенно отличающихся друг от друга кластера.

В проведенном исследовании использованы данные за 2000-2019 гг., что позволило достаточно точно оценить особенности каждого региона. Для характеристики построенных кластеров введена специальная терминология: регион-социум, регион-квазигосударство и регион-квазикорпорация. Такое разбиение позволило определить путь рационального финансирования регионов с целью достижения наибольшей эффективности в плане развития. Опираясь на проведенное исследование возможно построить не только оптимальную стратегию финансирования каждого субъекта РФ, но определить финансовую политику страны, которая позволит улучшить не только социально-экономические показатели регионов, но и качество жизни населения всей нашей страны.

Ключевые слова

Рациональное финансирование, валовый региональный продукт, факторная модель, группы регионов.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-173-187

Введение

Сегодня Россия находится в достаточно напряженной ситуации, связанной с глобальными изменениями в экономике, которые являются следствием перестройки мира, за которой скрывается большое количество социально-экономических проблем и трудностей. Такие изменения порождают дифференциацию регионов РФ и приводят к снижению уровня жизни населения страны.

В связи с последними событиями в мире вектор стратегического развития страны постепенно меняет свое направление и смещается в сторону стран Азии. Это означает, что одной из приоритетных задач становится развитие Сибири — того моста, через который начнет строиться и развиваться новая система взаимовыгодного сотрудничества. Целью такого развития является обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе эффективной модели рационального финансирования регионов, гарантирующей динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов России в мировом сообществе.

В России на сегодняшний день, несмотря на большое количество государственных программ поддержки регионов, всё еще сохраняется достаточно осязаемое различие субъектов РФ в зависимости от их финансового положения и, как следствие, социально-экономического развития [6]. В этих условиях раз-

работка и применение форм рационального финансирования, с целью поддержки и решения насущных социально-экономических проблем регионов России является достаточно актуальной.

Одним из основных показателей, который в полной мере отражает экономический рост региона, является валовый региональный продукт (ВРП). Таким образом, основная задача заключается в том, чтобы выявить и проанализировать основные факторы, оказывающие влияние на этот показатель, для построения оптимальной стратегии финансирования за счет федерального и местного бюджета, с целью получения устойчивого экономического подъема и увеличения качества жизни населения региона.

Проанализируем следующие факторы, которые могут оказывать влияние на валовый региональный продукт, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

Изучаемые факторы**Factors studied**

Обозначение	Параметр
x_1	инвестиции в основной капитал на душу населения в фактически действующих ценах, руб.
x_2	затраты на информационные и коммуникационные технологии, тыс. руб.
x_3	количество зарегистрированных организаций, ед.
x_4	число высокопроизводительных рабочих мест, ед.
x_5	численность работников государственных органов и органов местного самоуправления, чел.
x_6	объем привлеченных внебюджетных средств, млрд руб.
x_7	начисления и поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ, тыс. руб.
x_8	среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб.
x_9	численность постоянного населения в среднем за год, чел.
x_{10}	занятость трудоспособного населения от 15 до 72 лет, %

Методы

В проведенном исследовании будем использовать регрессионный анализ для построения моделей факторных зависимостей в Сибирском Федеральном округе [1, 2, 8, 10]. Качество моделей определяется по значимости полученных коэффициентов (p -значимость приведена в скобках под каждым коэффициентом, и она должна быть меньше 5%), также учитывается коэффициент детерминации R^2 , который объясняет долю влияния рассматриваемых факторов на результирующий показатель (чем ближе этот коэффициент к 100%, тем качественнее полученная модель).

Опираясь на проведенное исследование, можно с уверенностью утверждать, что те подходы к финансированию регионов, которые существуют на сегодняшний день, не являются тем эффективным инструментом, который позволяет положительно влиять на социально-экономическое развитие региона, а именно не дает быстрого экономического развития субъектов РФ в целом. Следовательно, оценим регионы Сибирского округа, как элементы системы, которые обладают рядом характеристик и представляют собой рычаги воздействия на региональную экономику.

На основе построенных факторных моделей можно разделить регионы по типу его развития, как представлено в таблице 2.

Таблица 2

Table 2

Факторы, оказывающие влияние на ВРП

Factors influencing GRP

Тип региона	Факторы, оказывающие влияние на экономический рост ВРП
Регион-квазикорпорация	инвестиции в основной капитал на душу населения в фактически действующих ценах, руб. затраты на информационные и коммуникационные технологии, тыс. руб. количество зарегистрированных организаций, ед. число высокопроизводительных рабочих мест, ед.
Регион-квазигосударство	численность работников государственных органов и органов местного самоуправления, чел. объем привлеченных внебюджетных средств, млрд руб. начисления и поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ, тыс. руб.
Регион-социум	среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, руб. численность постоянного населения в среднем за год, чел. занятость трудоспособного населения от 15 до 72 лет, %

Раньше подход к региону был только с позиций наличия природных ресурсов, развития производства и потребления товаров, поэтому регион не воспринимался, как субъект экономических и финансовых отношений. В современном же мире регион рассматривается как многофункциональная система.

Разбиение регионов на три представленных кластера, такие как регион-социум, регион-квазигосударство и регион-квазикорпорация уже представлено в научных работах [4, 5]. Этапы развития и перехода от одного кластера к другому могут осуществляться за счет рационального финансирования точно, выделяя рычаги основного влияния на социально-экономический рост. В зависимости от типа региона можно определить факторы, которые способствуют наибольшему росту экономики региона, и согласно этому определять различные направления финансирования. Путь развития каждого кластера можно условно представить схемой на рис. 1.

Рис. 1. Направление развития регионов

Fig. 1. Direction of regional development

Результаты

В таблице 3 представлена классификация регионов Сибирского федерального округа на основе факторов, возможного влияния на ВРП каждого региона.

Таблица 3

Table 3

Значимые факторы при построении факторной модели (зн.)

Significant factors in the construction of a factor model

Регион	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8	x_9	x_{10}
Республика Алтай									зн.	зн.
Республика Тыва								зн.	зн.	
Республика Хакасия								зн.	зн.	
Алтайский край					зн.		зн.			
Красноярский край			зн.	зн.						
Иркутская область	зн.		зн.	зн.						
Кемеровская область					зн.		зн.			
Новосибирская область		зн.	зн.							
Омская область					зн.		зн.			
Томская область					зн.		зн.			

Проанализируем полученные результаты в соответствии с построенной моделью ВРП для каждого региона в отдельности.

Республика Алтай:

$$Y = -2\,516\,139 + 10,899 X_9 + 6\,179,65 X_{10}$$

$$p\text{-зн.: } (3,99 \cdot 10^{-14}) (2,69 \cdot 10^{-11}) (0,0001),$$

$$R^2 = 0,971$$

Высокий коэффициент детерминации $R^2 = 0,971$ дал высокую значимость, что означает надежность полученного результата. Критерий Фишера позволяет доказать, что на 5% уровне значимости модель статистически пригодна, чтобы использовать ее в прогнозах и стратегиях региона: наблюдаемая точка критерия $F_0 = 297,04$ достаточно высокая (общая p -значимость модели равна $7,08 \cdot 10^{-14}$, что явно меньше, чем уровень значимости 0,05).

Республика Тыва:

$$Y = -1\,204\,711 + 4,216 X_8 + 3,987 X_9$$

$$p\text{-зн.: } (1,28 \cdot 10^{-5}) (1,35 \cdot 10^{-8}) (1,36 \cdot 10^{-5}),$$

$$R^2 = 0,984$$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 516,04$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $6,05 \cdot 10^{-16}$).

Республика Хакасия:

$$Y = -1\,243\,891 + 12,7 X_8 + 2,257 X_9$$

$$p\text{-зн.: } (0,014) (3,68 \cdot 10^{-15}) (0,015),$$

$$R^2 = 0,98$$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 418,4$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $3,48 \cdot 10^{-15}$).

Такие регионы, как республики Алтай, Тыва и Хакасия, согласно проведенным исследованиям, относятся к регионам-социумам.

Алтайский край:

$$Y = -51\,216,1 + 1,74 X_5 + 0,0028 X_7$$

$$p\text{-зн.: } (0,009) (0,018) (9,5 \cdot 10^{-14}),$$

$$R^2 = 0,989$$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 830,1$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $1,12 \cdot 10^{-7}$).

Томская область:

$$Y = -292\,227 + 28,7 X_5 + 0,0017 X_7$$

$$p\text{-зн.: } (0,00013) (8,87 \cdot 10^{-5}) (3,92 \cdot 10^{-6}),$$

$$R^2 = 0,96$$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 214,51$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $8,7 \cdot 10^{-13}$).

Омская область:

$$Y = -124\,562 + 7,045 X_5 + 0,002 X_7$$

$$p\text{-зн.: } (0,0004) (0,0005) (1,38 \cdot 10^{-9}),$$

$$R^2 = 0,97$$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 282,3$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $9,1 \cdot 10^{-14}$).

Кемеровская область:

$$Y = -194\,598 + 7,15 X_5 + 0,0022 X_7$$

p -зн.: $(4,42 \cdot 10^{-6}) (0,00026) (2,78 \cdot 10^{-7})$,
 $R^2 = 0,96$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 198,7$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $1,6 \cdot 10^{-12}$).

Опираясь на построенные модели, очевидно, что Алтайский край, Омская, Томская и Кемеровская области, относятся к регионам-квазигосударствам.

Регионы Сибирского округа, которые можно отнести к регионам-квазикорпорациям — это Иркутская и Новосибирская области, а также Красноярский край. В результате проведенного исследования были построены значимые и надежные для прогнозов модели.

Иркутская область:

$$Y = -36\,913,3 + 3,15 X_1 + 7,77 X_3 - 0,29 X_4$$

p -зн.: $(0,29) (5,52 \cdot 10^{-8}) (0,00011) (0,03)$,
 $R^2 = 0,99$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 670,16$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $5,02 \cdot 10^{-17}$).

Красноярский край:

$$Y = -169\,430 + 5,188 X_3 + 0,88 X_4$$

p -зн.: $(0,04) (7,68 \cdot 10^{-7}) (0,012)$,
 $R^2 = 0,93$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 113,3$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $1,48 \cdot 10^{-10}$).

Новосибирская область:

$$Y = -325\,673 + 0,0082 X_2 + 19,8 X_3$$

p -зн.: $(0,0002) (0,02) (0,0006)$,
 $R^2 = 0,929$

Наблюдаемая точка критерия Фишера $F_0 = 111,3$ достаточно высокая (p -значимость используемого критерия $1,71 \cdot 10^{-10}$).

Опираясь на проведенное исследование, можно выделить оптимальные направления финансирования регионов, которые будут оказывать положительное влияние на их социально-экономическое развитие.

Одним из перспективных подход к финансированию субъектов РФ является рациональное финансирование, которое ориентированное на увеличение экономического роста именно тех показателей, которые непосредственно оказывают влияние на развитие того или иного региона. В основе такого подхода лежат два направления финансирования, в зависимости от того, на развитие какого сектора оно направлено — это социальное и проектное финансирование [3, 4].

Предложенные подходы финансирования представлены ниже.

Финансирование осуществляется в двух направлениях, в зависимости от места региона в построенной системе Сибирского федерального округа. Первое направление ориентировано на увеличение роста региональной экономики и проводится через государственные фонды развития региона, так называемое рациональное финансирование. Второе же направление касается социального развития региона, и поэтому в нем участвуют различные государственные программы и региональный бюджет. Такое финансирование назовем социальным.

Использование рационального финансирования повлечет за собой изменение уже давно сложившейся системы финансирования субъектов РФ. Механизм рационального финансирования, который приводит к экономическому росту регионов, и, как следствие, переходу из одной подсистемы финансирования в другую, представлен следующей схемой на рис. 2.

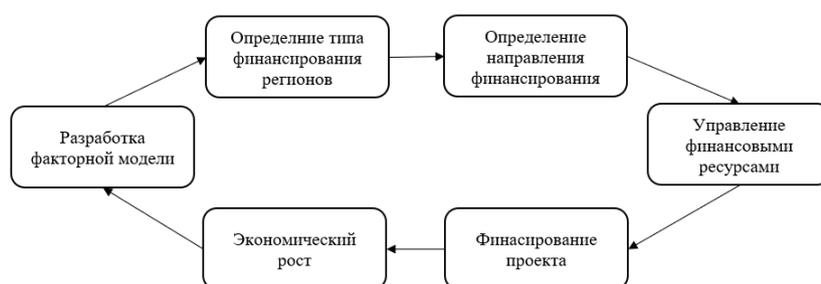

Рис. 2. Механизм рационального финансирования

Fig. 2. Rational financing mechanism

Вследствие использования представленной схемы, факторная модель, описывающая экономический рост того или иного субъекта РФ, начнет изменяться, поскольку начинает меняться сама структура экономики в регионе. Такие изменения требуют корректировку в структуре финансирования конкретного субъекта федерации или федерального округа.

Обсуждение и выводы

Такие поэтапные изменения экономического развития регионов будут оказывать положительный эффект на экономический рост в национальной экономике страны. Для получения такого результата необходимо проводить рациональное финансирование в зависимости от типа региона.

Остановимся поподробнее на каждом построенном кластере.

Согласно проведенным исследованиям, было выделено четыре региона Сибирского федерального округа, которые можно охарактеризовать как регион-социум — это Республики Алтай, Тыва и Хакасия. Опираясь на построенные факторные модели, видно, что положительный эффект достигается при увеличении среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников. Ин-

дексация заработной платы работников является государственной гарантией по оплате труда работающего населения. Одним из путей дающим такую возможность является повышения уровня минимального размера оплаты труда (МРОТ). События, которые происходят сегодня в нашей стране, связанные с распространением коронавирусной инфекции и введением экономических санкционных ограничений, позволило в 2022 г. дважды увеличить уровень МРОТ: 1 января и 1 июня, что в итоге окажет значительное влияние на уровень среднемесячной заработной платы, а значит, как следствие, на экономический рост валового регионального продукта. Основной характерной чертой регионов-социумов является упор на повышение уровня жизни населения региона [7]. Таким регионам нужна финансовая поддержка, направленная не только на социальное развитие региона, но и на экономическую составляющую, которая будет давать возможность открывать новые рабочие места, что несомненно улучшит качество жизни населения и уменьшит отток населения из таких регионов.

Второй кластер, состоящий из Алтайского края, Томской, Омской и Кемеровской области, представляют собой регионы-квазигосударства. Такие регионы отличаются усиленной государственной составляющей в основе экономических процессов. Регионы такого типа являются донорами для менее развитых субъектов РФ, потому что именно за счет них идет увеличение государственного бюджета, что дает возможность для перераспределения финансовых потоков. При анализе полученных факторных моделей, становится очевидным, что именно количество собранных налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ дает возможность экономического роста валового регионального продукта в квазигосударствах. Основные направления финансирования для увеличения такого показателя связаны с привлечением инвестиций в развитие экономики региона. Для осуществления этого необходимо создавать в регионе комфортную бизнес-среду для предпринимателей, особые экономические зоны. Такое развитие возможно только с помощью государственного финансирования. Государственные проекты, направление на экономическое развитие таких регионов, только усилят положительный эффект направленных финансовых средств.

Третья группа регионов — Красноярский край, Новосибирская и Иркутская область — формируют кластер регионов-квазикорпораций.

Анализируя факторные модели, которые соответствует Красноярскому и Новосибирскому краям и Иркутской области, можно увидеть, что наибольший положительный эффект на валовый региональный продукт оказывает количество зарегистрированных организаций, которые отражают экономическое развитие региона. Увеличение этого фактора позволяет увеличить инвестиционную составляющую в регион, т. к. такой регион становится более привлекательным для бизнеса. Чтобы добиться значительных изменений этого фактора в положительную сторону, необходимо предоставление налоговых льгот малому и среднему бизнесу, что даст колоссальный толчок к их развитию.

Достаточно парадоксальная ситуация при построении факторной модели сложилась в Иркутской области. Такой фактор, как число высокопроизводительных рабочих мест, является значимым в рассматриваемой модели, но входит в нее с отрицательным коэффициентом, что говорит о том, что при увеличении этого фактора экономический рост региона начнет замедляться. Становится очевидным, что увеличение таких рабочих мест будет приводить к уменьшению спроса на работников с низкой квалификацией, что может приводить к уменьшению занятости трудоспособного населения региона. Одним из самых эффективных путей, который может улучшить создавшуюся ситуацию, является разработка и внедрение государственных программ, позволяющих проводить переквалификацию работников, а также дать возможность получить им новые компетенции, которые являются актуальными на сегодняшний день на предприятиях.

Подведем итог. Согласно проведенному исследованию, можно определить схему, представленную на рис. 3, направленного влияния на факторы, которые способствуют увеличению экономической и социальной привлекательности регионов.

Рис. 3. Схема влияния факторов на развитие региона

Fig. 3. Diagram of the influence of factors on the development of the region

На основе построенной схемы определим основные направления финансирования каждого региона в таблице 4.

Таблица 4

Table 4

Виды финансирования регионов

Types of state financing of regions

Тип региона	Регион РФ	Виды финансирования
Социум	Республика Алтай	Приоритетным является государственное финансирование через реализацию целевых и государственных программ
	Республика Тыва	
	Республика Хакасия	
Квазигосударство	Алтайский край	Приоритетным является рациональное финансирование, которое осуществляется через региональный бюджет и федеральную корпорацию развития
	Томская область	
	Омская область	
	Кемеровская область	
Квазикорпорация	Красноярский край	Приоритетным является рациональное финансирование, которое осуществляется через региональный бюджет и региональную корпорацию развития
	Новосибирская область	
	Иркутская область	

Проведенный анализ факторов дает возможность по каждому субъекту РФ определить стратегию рационального финансирования, что приведет к социально-экономическому развитию каждого региона страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксеньюшкина Е. В. Влияние цифровизации экономики на рынок занятости населения в Иркутской области / Е. В. Аксеньюшкина, Н. В. Мамонова, А. В. Аксеньюшкин // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2021. № 2. С. 3-10. DOI: 10.18101/2304-4446-2021-2-3-10
2. Балдынова Е. В. Сравнительный анализ среднемесячной реальной заработной платы работников организаций в разрезе видов экономической деятельности по Иркутской области / Е. В. Балдынова, С. А. Малютина // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Том 28. № 3. С. 409-418. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).409-418.
3. Березкин Ю. М. Исторические типы финансов: методологический анализ / Ю. М. Березкин. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 96 с.
4. Бубнов В. А. Проблемы формирования доходов и расходов регионального бюджета на примере Иркутской области / В. А. Бубнов // Известия ИГЭА. 2014. № 2. С. 13-21.

5. Бубнов В. А. Факторная модель финансирования прироста валового регионального продукта / В. А. Бубнов // *Baikal Research Journal*. 2015. Том 6. № 3. URL.: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20115>
6. Гуляева Л. В. Совершенствование управления устойчивым социально-экономическим развитием муниципального образования: дис. ... канд. экон. наук / Л. В. Гуляева. Иркутск, 2004. 225 с.
7. Колесникова О. А. Занятость населения как фактор социальной стабильности / О. А. Колесникова, Е. В. Маслова // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление*. 2015. № 4. С. 123-126.
8. Лукас Р. Э. Лекции по экономическому росту / Р. Э. Лукас; пер. с англ. Д. Шестакова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 288 с.
9. Рогачева О. А. Динамика доходов населения Иркутской области в начале 21 века / О. А. Рогачева // *Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита: материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 23 апреля 2016 г.* / под науч. ред. Е. М. Сорокиной. Иркутск: Издательство БГУ, 2016. С. 303-309.
10. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / М. Спенс; пер. с англ. А. Калинина; под ред. О. Филаточевой. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 336 с.
11. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 02.05.2022).

Vyacheslav A. BUBNOV¹
Elena V. AKSENYUSHKINA²
Natalia V. MAMONOVA³

UDC 336.027

ECONOMIC ATTRACTIVENESS OF REGIONS AS A CONDITION FOR PRIORITY FINANCING

- ¹ Dr. Sci. (Econ.), First Vice-Rector,
Professor of Accounting and Taxation Department,
Baikal State University (Irkutsk)
bubnovva@bgu.ru
- ² Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor,
Department of Mathematical Methods and Digital Technologies,
Baikal State University (Irkutsk)
aksenyushkinaev@bgu.ru;
- ³ Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor,
Department of Mathematical Methods and Digital Technologies,
Baikal State University (Irkutsk)
mamonovanv@bgu.ru.

Abstract

One of the priorities of the Russian state is the effective financing of the regional economy. Not always directed financial flows have the expected effect, which would generate stable development of the regional economy. The conducted research shows that a unified approach to financing regions does not represent the best strategy aimed at the development of the subjects of the Russian Federation as a whole. Nowadays, in terms of further development, the Siberian Federal District comes out on top, since a sufficiently large variety of areas of development of the country directly relates to it. Based on this, the authors have studied the regions of this district, analyzing various socio-economic factors that affect the gross regional

---

Citation: Bubnov V. A., Aksenyushkina E. V., Mamonova N. V. 2022. "Economic attractiveness of regions as a condition for priority financing". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 173-187. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-173-187

---

product. The constructed factor models reflecting the interrelation of factors influencing the growth of the gross regional product aid in dividing the regions into three clusters that differ significantly from each other.

The authors have used the data for 2000-2019 when accurately assessing the characteristics of each region. Characterizing the constructed clusters has required a special terminology: region-society, region-quasi-state and region-quasi-corporation. Such structure helped in determining the way of the regions' rational financing in order to achieve the greatest efficiency of development. Based on the conducted research, one can build not only an optimal financing strategy for each subject of the Russian Federation, but also to determine the financial policy of the country. That in turn will improve both the socio-economic indicators of the regions and the quality of life of the population of our entire country.

Keywords

Rational financing, gross regional product, factor model, groups of regions.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-173-187

REFERENCES

1. Aksenushkina E. V., Mamonova N. V., Aksenushkin A. V. 2021. "The impact of digitalization of the economy on the employment market of the population in the Irkutsk region". Bulletin of the BSU. Economics and Management, no. 2, pp. 3-10. DOI: 10.18101/2304-4446-2021-2-3-10 [In Russian]
2. Baldynova E. V., Malyutina S. A. 2018. "Comparative analysis of the average monthly real wages of employees of organizations in the context of types of economic activity in the Irkutsk region". Proceedings of the Baikal State University, vol. 28, no. 3, pp. 409-418. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).409-418. [In Russian]
3. Berezkin Yu. M. 2000 Historical Types of Finance: Methodological Analysis. Irkutsk: IGEA Publishing House. 96 pp. [In Russian]
4. Bubnov V. A. 2014. "Problems of formation of revenues and expenditures of the regional budget on the example of the Irkutsk region". Izvestiya IGEA, no. 2, pp. 13-21. [In Russian]
5. Bubnov V. A. 2015. "Factor model of financing of gross regional product growth". Baikal Research Journal, vol. 6, no. 3. <http://izvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=20115> [In Russian]
6. Gulyaeva L. V. 2004. "Improving the management of sustainable socio-economic development of the municipality". Cand. Sci. (Econ.) diss. Irkutsk. [In Russian]
7. Kolesnikova O. V., Maslova E. V. 2015. "Employment of the population as a factor of social stability". Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management, no. 4, pp. 123-126. [In Russian]
8. Lukas R. E. 2013. Lectures on Economic Growth. Translated from English by D. Shestakov. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute. [In Russian]
9. Rogacheva O. A. 2016. "Dynamics of incomes of the population of the Irkutsk region at the beginning of the 21st century". In: Sorokina E. M. (ed.). Proceedings of the International Research Conference "The Current State and Prospects of the Development of Accounting,

Economic Analysis and Audit” (Irkutsk, 23 April 2016), pp. 303-309. Irkutsk: Publishing House of BSU. [In Russian]

10. Spence M. 2013. The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a World Living at Different Speeds. translated from English by A. Kalinin; edited by O. Filatocheva. Moscow: Publishing House of Gaidar Institute. 336 pp. [In Russian]
11. RF Federal State Statistics Service. Accessed 2 May 2022. <http://www.gks.ru/>

Дмитрий Юрьевич ФЕДОТОВ¹

УДК 328.185

ВИДЫ КОРРУПЦИИ И ОЦЕНКА ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

¹ доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений и таможенного дела,
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
fdy@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-9908-802X

Аннотация

Статья посвящена исследованию понятия коррупции, а также ее отдельных видов. Коррупция наблюдается во многих странах мира, но если в одних странах она проявляется в незначительных масштабах, то в других коррупция стала важнейшей проблемой общества. Институциональные условия, сформировавшиеся в разных странах, стали предпосылками для дифференциации стран мира по уровню коррупции.

В данной статье ставится цель выявить взаимное влияние между коррупционными явлениями и социально-экономическими процессами в обществе. На основе научной литературы по теме выделено три вида коррупции: бытовая, деловая и политическая. Гипотезой исследования является предположение, что отдельные виды коррупции могут оказывать неравномерное влияние на социально-экономические процессы исходя из уровня развития страны.

В исследовании использовались методы индукции, дедукции, научного обобщения, классификации, аспектного анализа, корреляционного анализа. Исследование проведено на основе эмпирических данных международных организаций: Всемирного Банка, Transparency International, Репортеры без границ.

На основе анализа эмпирических данных установлено, что коррупция определенного вида вовлекает в коррупционные отношения субъектов определенных категорий, оказывая влияние на конкретные виды общественных отношений. Деловая коррупция оказывает негативное влияние на экономическое развитие, а бытовая коррупция от-

---

Цитирование: Федотов Д. Ю. Виды коррупции и оценка ее влияния на социально-экономические процессы в обществе / Д. Ю. Федотов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 188-210. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-188-210

рицательно сказывается на тенденциях развития социальных отношений в обществе. Выявлена высокая прямая теснота связи между уровнем коррупции и ВВП на душу населения, а также между уровнем коррупции и индексом свободы прессы; заметная обратная теснота связи наблюдается между уровнем коррупции и коэффициентом Джини.

Ключевые слова

Коррупция, виды коррупции, экономика, социальные отношения, индекс восприятия коррупции, корреляционный анализ, коэффициент Джини, политические свободы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-188-210

Введение

Коррупция является неперенным атрибутом человеческого общества, причем коррупционные явления зафиксированы практически во все исторические эпохи человечества. Коррупционные практики сохранились до нашего времени, они наблюдаются во всех странах мира. Человеку всегда было свойственно пользоваться своим положением и властными полномочиями для извлечения личной выгоды. И далеко не всегда обогащение должностного лица в связи с исполнением им государственных или частных полномочий рассматривалось обществом в качестве безусловно вредного явления — нередко к нему относились вполне снисходительно.

В то же время современные страны мира существенно различаются по уровню коррупции. Международная организация Transparency International регулярно составляет индекс восприятия коррупции, в котором чем выше значение индекса у страны, тем более нетерпимо население, представители бизнеса и чиновники относятся к данному явлению. Если значение индекса находится на низком уровне, то в этой стране коррупционное поведение становится укоренившейся практикой. На рис. 1 приведены данные о величине индекса восприятия коррупции в крупнейших странах мира, входящих в G-20 по состоянию на 2020 г. Из представленных данных видно, что по оценкам Transparency International, полученным на основе опроса представителей деловых кругов и общественности, уровень коррупции в России в 2020 г. оказался в 2,7 раза выше, чем в Германии.

Предпосылками к дифференциации стран по уровню коррупции являются различия между странами по их экономическому и социальному положению, различия в институциональных условиях деятельности экономических субъектов. Вместе с тем коррупция уже в свою очередь оказывает влияние на социальные и экономические процессы, складывающиеся в стране. Поэтому в данном исследовании ставится цель выявить взаимное влияние между коррупционными явлениями и социально-экономическими процессами в обществе. Коррупция не является однородным явлением, она проявляется в различных формах и видах. Коррупция определенного вида вовлекает в коррупционные отношения субъектов определенных категорий, оказывая влияние на конкретные виды

общественных отношений. В частности, деловая коррупция оказывает негативное влияние на экономическое развитие, а бытовая коррупция отрицательно сказывается на тенденциях развития социальных отношений в обществе. В этой связи в данном исследовании ставятся следующие задачи: исследовать понятие коррупции; определить виды, на которые делится коррупция; выявить степень взаимного влияния отдельных видов коррупции и социально-экономических процессов в обществе. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение, что отдельные виды коррупции могут оказывать неравномерное влияние на социально-экономические процессы исходя из уровня развития страны, является эта страна экономически развитой или развивающейся.

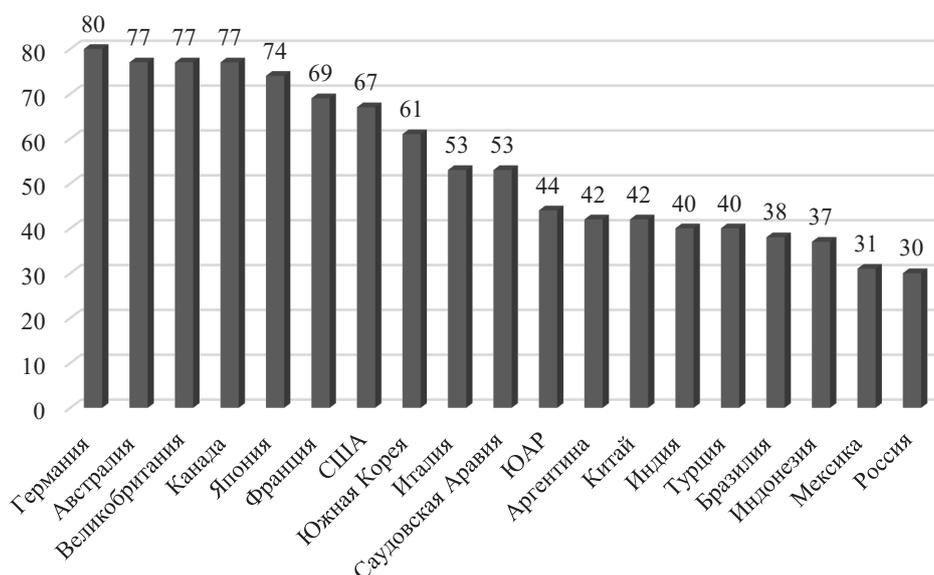

Рис. 1. Индекс восприятия коррупции в странах G-20 в 2020 г.

Источник: составлен автором на основе [19]

Fig. 1. Corruption Perception index in G-20 countries in 2020

Source: compiled by the authors based on [19]

Обзор исследований коррупции

Исследованию понятия коррупции, ее видов, а также эффектов, создаваемых коррупцией, посвящено значительное количество публикаций.

Н. В. Митрофанов приводит лаконичное определение этого явления: «коррупция — это злоупотребление публичной властью ради частной выгоды» [9, с. 141]. Определение Н. В. Митрофанова выглядит неполным ввиду того, что оно ограничивает коррупцию только злоупотреблениями публичной властью (государственной и муниципальной), тогда как неправомерное использование

служебным положением наблюдается и в негосударственных учреждениях, должностные лица которых в равной мере способны за вознаграждение оказать преимущественные услуги каким-то лицам. Поэтому, на наш взгляд, полнее раскрывает характер коррупционных отношений определение А. А. Куаналиева: «коррупция — это превышение должностных прав в личных интересах» [8, с. 70]. Определение И. Д. Фиалковской подчеркивает уголовный характер коррупционных действий: «коррупция определяется как преступная деятельность, которая заключается в использовании должностными лицами властных полномочий для личного обогащения» [15, с. 137]. Довольно пространное определение Г. Н. Горшенкова опять подчеркивает противоправные свойства коррупции:

«Коррупция есть социально-правовое явление, сущность которого выражена в общественных отношениях, возникших на основе оплаченного соглашения (коррупционной сделки) двух и более лиц по незаконному использованию должностного положения в противоправном извлечении совместной выгоды» [6, с. 543].

В обширной литературе, посвященной исследованию коррупции, встречаются различные подходы к классификации видов коррупции. И. Д. Фиалковская разделяет коррупцию на 3 вида:

«1) «светлую», т. е. коррупционное поведение, не связанное с неисполнением обязанностей по службе, проявляемое в виде благодарности за оказанную услугу; 2) «серую», т. е. коррупционное поведение, связанное с нарушением должностных обязанностей; 3) «черную», т. е. коррупционное поведение, связанное с должностными преступлениями или сопряженное с участием в организованной преступной деятельности» [15, с. 140].

Э. Л. Архипов и Т. В. Сушкова придерживаются юридической классификации видов коррупции, в соответствии с которой они выделили 3 вида коррупции:

«1) гражданско-правовые деликты — это правонарушения, которые влекут за собой обязанность возмещения причиненного ущерба, то есть запрещенное дарение; 2) дисциплинарные правонарушения — представляют собой обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений; 3) административные правонарушения — представляют собой мелкое хищение» [1, с. 108].

Е. Е. Новичкова применила 11 критериев для классификации коррупции, выделив следующие виды (таблица 1).

Различные аспекты коррупции, а также подходы к ее классификации, изложены в публикациях М. Г. Решняк, В. И. Гладких [13], Е. А. Бахтаировой, А. В. Ангановой [4], Е. Г. Бабелюк, С. Д. Савина, В. Ф. Щепелькова [2], Н. А. Подольного, Н. Н. Подольной [11].

Таблица 1.

Table 1.

Виды коррупции

Types of corruption

Критерий	Вид коррупции
По субъекту злоупотребления служебным положением	государственная, коммерческая, политическая
По инициатору коррупционных отношений	вымогательство взяток по инициативе руководящего лица, подкуп по инициативе просителя
По лицу, являющемуся взяткодателем	индивидуальная взятка, предпринимательская взятка, криминальный подкуп
По форме выгоды	денежные взятки, обмен услугами
По цели	ускоряющая взятка, тормозящая взятка, взятка за «доброе отношение»
По централизации коррупционных отношений	децентрализованная, централизованная «снизу вверх», централизованная «сверху вниз»
По уровню распространения	низовая, верхушечная, международная
По степени регулярности коррупционных связей	эпизодическая, систематическая, клептократическая
По составу преступления	злоупотребление служебным положением, взятка, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп
По типу выгоды	получение прибыли, уменьшение расходов, получение нематериальной выгоды
По видам государственной деятельности	в сфере государственных закупок, в судебной и правоохранительной системах, в сфере лицензирования, при операциях с земельными участками, при назначении на государственную должность

Источник: [10, с. 35-36].

Source: [10, pp. 35-36].

Имеется большое количество научных публикаций, посвященных коррупции в сфере государственных закупок, например, статьи Н. М. Бобошко [5], Е. В. Пономаревой, Г. В. Калининой, Т. Г. Цукановой [12], Е. А. Колесниченко, А. А. Бурмистровой, Д. И. Петрова и О. В. Савватеевой [7].

Методы

В ходе изучения научных публикаций, посвященных исследованию коррупции, в целях раскрытия понятия данного явления, выявления ее видов и степени их влияния на экономические и социальные процессы, активно использовались методы индукции, дедукции, научного обобщения, аналогии, классификации. Применялся метод аспектного анализа, который предполагает обоснование исследователем своего суждения с помощью конкретной теории, трудов определенных авторов. Данный прием предполагает исследование научной проблемы с какого-либо конкретного ракурса (аспекта).

Для оценки степени влияния коррупции на экономические и социальные процессы был проведен корреляционный анализ между величиной коррупции, измеряемой индексом восприятия коррупции, который составляет Transparency International, и отдельными экономическими и социальными показателями: ВВП на душу населения по паритету покупательной способности, индекс Doing business, коэффициент Джини, индекс свободы прессы. Анализ проведен на основе данных стран Большой двадцатки (G-20). Выбор этих стран в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в G-20 входят крупнейшие экономики мира, но при этом в данной группе находятся как наиболее экономически развитые, так и развивающиеся страны. Эта особенность позволяет учесть проявление эффектов коррупции в различных институциональных условиях.

Согласно применяемым в настоящее время методам, измерение уровня коррупции производится по каждой стране в целом, не разделяясь на отдельные виды коррупции. Поэтому в данном исследовании, ввиду ограниченности исходной информации, анализ масштабов отдельных видов коррупции носит оценочный характер.

В настоящее время существует несколько международных организаций, осуществляющих измерение и сопоставление уровня политических свобод в различных странах мира, которые могут быть взяты за основу для сопоставления при оценке масштабов политической коррупции. К их числу относятся: рейтинг «Свобода в мире», составляемый Freedom House; индекс экономической свободы, рассчитываемый Фондом наследия и Wall Street Journal; индекс демократии, составляемый Economist Intelligence Unit; индекс свободы прессы, рассчитываемый международной организацией Репортеры без границ (Reporters Sans Frontières). В нашей работе в качестве объекта исследования был выбран последний рейтинг (индекс свободы прессы) ввиду того, что остальные рейтинги составляют организации в основном расположенные в США и деятельность этих организаций нельзя признать полностью независимой от органов власти этой страны, поэтому результаты данных рейтингов нередко носят политически мотивированный и необъективный характер.

Результаты

Проанализировав публикации, посвященные исследованию коррупции, можно составить основную классификацию видов коррупции, а также оценить степень влияния коррупции на социальные и экономические процессы.

Классификация коррупции

Коррупция, являясь многогранным явлением, имеет несколько видов и проявляется в разных формах. К настоящему времени сложилось несколько подходов к классификации видов коррупции. Чаще применяется классификация приведенная на рис. 2, которая предусматривает деление коррупции на 3 вида.

Рис. 2. Классификация видов коррупции

Fig. 2. Classification of types of corruption

Бытовая коррупция — противоправные действия физических лиц, направленные на извлечение личной выгоды, благодаря подкупу или иному вознаграждению чиновников и иных должностных лиц.

Бытовая коррупция связана с повседневной жизнью граждан и их семей. Она вызвана необходимостью удовлетворения бытовых потребностей обыденной жизни человека, таких как образование, здоровье, материальное благополучие, обеспечение жильем, личной защитой и т. п. Вместе с тем процесс получения этих благ в бытовой коррупции носит неправомерный, а иногда криминальный характер. Отличительной чертой бытовой коррупции является стремление получения личной выгоды человеком в обыденной бытовой жизни, воспользовавшись связями, личными взаимоотношениями с чиновниками или иными должностными лицами, нередко сопровождаемые вознаграждением лицу, от которого зависит преимущественное распределение услуг, товаров, или каких-либо прав.

В то же время бытовая коррупция объединяет как мелкие, так и крупные правонарушения. Вознаграждением по этому виду коррупции одновременно являются как небольшие подарки, так и значительные суммы денег и ценные подарки. К разряду недорогих можно отнести подарки в виде коробки конфет, шоколадки, цветов и т. п. сотруднику регистратуры в больнице, который запишет к врачу без очереди; кассиру в театре, отложившему билеты для знакомого лица и отказывающему в их продаже другим зрителям; секретарю чиновника, пропускающего избранных посетителей вне очереди. Вместе с тем к бытовой коррупции относятся и крупные взятки, такие как взятка в военкомате за освобождение от срочной службы в армии, составляющая 100-150 тыс. руб.; взятка судье за оправдательный приговор преступнику, которая может достигать нескольких миллионов рублей. Во всех случаях бытовой коррупции физическое лицо стремится получить необоснованные преимущества или незаконную выгоду, связанные с его обыденной жизнью.

Иногда бытовая коррупция может осуществляться и без предоставления вознаграждения. В этом случае участники коррупционных взаимоотношений,

оказывая друг другу взаимные преимущественные услуги благодаря использованию своего служебного положения, одновременно играют две роли: корруппатора (лица, обладающего специальной деликтоспособностью и предоставляющего незаконные преимущества) и корруптора (получателя неправомерных преимуществ, благодаря наличию коррупционной связи с корруппатором). Нередко коррупционный обмен взаимными услугами происходит не одновременно, зачастую участники коррупционной сделки оказывают эти услуги «впрок», запоминая кому и в каком объеме была оказана услуга с тем, чтобы позднее воспользоваться ответной услугой.

Деловая коррупция — незаконное получение хозяйствующим субъектом преимуществ в бизнесе благодаря вознаграждению, переданному должностному лицу органов власти или негосударственных организаций.

Отличительным признаком деловой коррупции является хозяйственный характер взаимоотношений между корруппатором и корруптором. Поэтому обычно незаконное вознаграждение передает чиновнику представитель бизнеса — как сотрудник компании, так и частный предприниматель, а возможно, и владелец фирмы. Хотя совершает коррупционное преступление физическое лицо (в том числе от имени компании), но в момент совершения коррупционной сделки это физическое лицо представляет в деловых отношениях свою компанию. Целью сделки при деловой коррупции является получение незаконных привилегий и конкурентных преимуществ в экономической деятельности.

Политическая коррупция — противозаконные действия физических лиц, объединений лиц и политических партий, направленные на завоевание и удержание власти.

Коррупция является одной из форм политической борьбы за власть, в процессе которой применяются незаконные способы ведения этой борьбы. Лица или объединения лиц, стремясь приобрести или сохранить власть, вступают в коррупционные связи с должностными лицами, от которых зависит их избрание на властную должность, либо сами пользуются своим служебным положением для сохранения своей власти или для ее расширения. Наиболее распространена политическая коррупция в сфере публичной власти при избрании мэров, губернаторов, депутатов любых представительных органов власти. Но приемы политической коррупции могут применяться и в негосударственных учреждениях, либо в государственных учреждениях, не связанных с исполнением управленческих функций, например, при избрании в совет директоров частной компании, в органы управления общественных организаций, на должность ректора учебного заведения и т. п.

Политическая коррупция отличается разнообразием и включает в себя различные виды противоправных действий, в т. ч.:

- 1) электоральные злоупотребления;
- 2) законодательная коррупция;
- 3) злоупотребление административным ресурсом.

С помощью электоральной коррупции возможен захват представительной власти, а также ее удержание. К электоральной коррупции прибегают избираемые лица и партии, располагающие связями с органами, осуществляющими выборный процесс, должностные лица которых могут находиться в зависимости от избираемого лица или партии. Коррупция в процессе выборов проявляется посредством мошенничества с подсчетом голосов, осуществлением вбросов избирательных бюллетеней и иными мерами, способными обеспечить выборы нужного кандидата. К электоральной коррупции относится покупка голосов избирателей, которая может осуществляться в разных формах, в зависимости от условий проведения избирательного процесса. При всенародном голосовании небольшой суммой может оплачиваться голосование избирателя за нужного кандидата. В условиях, когда мэр муниципального образования избирается депутатами представительных органов из своего состава у кандидата на должность мэра имеется возможность за счет крупной взятки склонить на свою сторону нескольких депутатов и благодаря этому одержать победу на выборах. Если в процессе выборов применяется ценз по допуску кандидатов к участию к выборам, то орган, осуществляющий отбор кандидатов обладает возможностью манипулирования процессом отбора, допуская к участию в выборах «удобных» кандидатов. Например, в некоторых странах выборы населением глав регионов и провинций происходит только из тех кандидатов, которых предложил глава государства. Поэтому не может быть избран губернатором кандидат, не устраивающий главу государства. В России ректора государственного учебного заведения избирает трудовой коллектив из числа кандидатов, утвержденных аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Ректор или кандидат в ректоры, обладающий связями в министерстве, имеет возможность договориться об отстранении от участия в выборах «неудобного» политического соперника как не прошедшего отбор аттестационной комиссией.

Посредством законодательной коррупции влиятельные лица могут подкупить депутатов представительного органа власти для принятия нужного правового акта, позволяющего извлекать личные выгоды. Принятый таким образом закон может дать определенные привилегии какой-то компании для осуществления экономической деятельности в ущерб ее конкурентам. Депутаты районной думы за вознаграждение могут принять правила землепользования, выгодные определенному предпринимателю. Законодательную коррупцию, осуществляемую в скрытой форме, следует отличать от легального лоббизма, принятого в некоторых странах мира, который заключается в официальном и гласном взаимодействии политиков и бизнесменов при продвижении законопроектов и принятии политических решений. Иногда представители бизнеса на системной основе выстраивают коррупционные связи с политиками, чтобы регулярно обеспечивать принятие выгодных им законов и политических решений, как об этом рассказывают С. Ю. Барсукова, В. И. Звягинцев [3].

Коррупционное использование административного ресурса заключается в злоупотреблении полномочиями в политических целях в обход законно уста-

новленных правовых процедур. Чаще всего к этому прибегают действующие политики и руководители для вытеснения политических конкурентов и удержания власти. Административный ресурс применяется в различных формах. Политическим конкурентам могут ограничить доступ к средствам массовой информации для общения с избирателями. Бюджетные средства, находящиеся в управлении политика для исполнения его должностных обязанностей, могут использоваться им для проведения собственной избирательной кампании. Текущая деятельность на своем посту может использоваться в качестве повода для встреч с избирателями и для их агитирования в свою пользу.

Рассмотренные виды коррупции могут встречаться в жизни отдельных граждан и в деятельности некоторых компаний эпизодически, обособленно, а могут носить регулярный, системный характер. В некоторых случаях коррупционные явления разных видов могут подпитывать друг друга, коррупция может стать нормой жизни и неотъемлемым правилом делового оборота. Например, мэр городка для переизбрания на свою должность и осуществления подкупа избирателей и представителей избирательной комиссии (политическая коррупция) будет вымогать деньги у представителей бизнеса, которым в свою очередь будет незаконно предоставлять земельные участки для ведения хозяйственной деятельности и право торговли в ущерб их конкурентам (деловая коррупция), и в тоже время даст взятку следователю прокуратуры для закрытие возбужденного в отношении него уголовного дела (бытовая коррупция). И для сохранения выгодной этому коррупционеру коррупционной обстановки, ему нужно приложить усилия для переизбрания на должность мэра. Описанные коррупционные события взаимосвязаны, но относятся к разным видам коррупции. Отличительными признаками коррупционных действий, разделяющих их на виды, являются цели корруптора, подкупающего должностное лицо, а также его правовой статус (или роль, которую он играет в коррупционных отношениях). В бытовой коррупции корруптором является частное физическое лицо, преследующее цели получения благ житейского характера. В деловой коррупции корруптор — это предприниматель либо представитель компании, извлекающий выгоды для собственного бизнеса или для своей организации. Корруптор в политической коррупции — это политик или представитель политической партии, стремящийся получить власть или удержать ее.

Функции коррупции

Перейдем к рассмотрению эффектов, которые оказывает коррупция на социальные, экономические и иные процессы, протекающие в обществе. Некоторые эффекты, имеющие устойчивый характер проявления свойств коррупции в социальных отношениях, нередко называют функциями коррупции. Можно выделить несколько функций коррупции, которые условно можно разделить на положительные и отрицательные.

Некоторые исследователи указывают на наличие у коррупции положительных функций. Положительные качества коррупции проявляются в условиях

несоответствия законодательно установленных норм правилам делового оборота и общественных отношений. Обычно они имеют место в развивающихся экономиках с неустоявшейся правовой системой. К числу этих положительных функций коррупции относятся:

1. Антибюрократическая, содействующая преодолению бюрократических барьеров в экономике.
2. Ускорение выполнения государственных обязанностей.

Рассмотрим подробнее указанные функции коррупции:

1. Основной положительный эффект коррупции связывают с ее способностью преодолевать несовершенства институциональной среды ведения бизнеса в условиях повышенных бюрократических барьеров. Обычно проблемы неразвитости институциональной экономической среды характерны для развивающихся стран, в которых отсутствие отлаженных правил делового оборота компенсируется строгими законами и инструкциями, препятствующими достижению гибкости, оперативности и доходности экономических отношений. В этом случае коррупция выступает своего рода «смазкой» в жестком бюрократическом механизме, позволяя сгладить в экономике барьеры, вызванные несовершенством государственного регулирования. Классическая цитата С. Хантингтона емко раскрывает антибюрократическую функцию коррупции: «хуже негибкой нечестной бюрократии может быть только негибкая честная бюрократия» [17]. Тем самым отсутствие для бизнесменов возможности решить свои деловые проблемы посредством коррупционной сделки в условиях несовершенства институциональных условий ведения бизнеса, рассматривается как меньшее зло, чем наличие самой возможности совершения коррупционных действий. Благодаря способности коррупции приспособлять вновь появляющиеся производительные силы к устаревшим нормам экономических отношений М. Вебером был выдвинут функциональный подход к пониманию роли коррупции. По его мнению, коррупция позволяет нарастающим элитам продвигать реформы в обществе, отвечающие современным вызовам.

2. Вторая положительная функция коррупции связана с потребностью у пользователей государственных услуг ускорить исполнение чиновниками государственных обязанностей. Чиновникам, выполняющим государственные функции свойственно не торопиться в процессе оказания услуг населению и представителям бизнеса ввиду того, что их личное вознаграждение обычно не зависит от объема и качества оказываемых услуг. Поэтому вознаграждение, даже в незначительном размере (обычно в форме материального подарка) способно ускорить процесс оказания государственных и муниципальных услуг. Особой важностью данная функция отличается для представителей бизнеса, чей доход может зависеть от скорости оформления чиновником бюрократических документов. Предпринимателям нередко удается наладить и закрепить неформальные связи с чиновниками, к которым им приходится регулярно обращаться за получением государственных услуг. В рамках этих связей предприниматели регулярно передают подарки или вознаграждение знакомым чиновникам. Как это имело место

в процессе таможенного декларирования (до введения с 2014 г. электронного декларирования), когда участники внешнеэкономической деятельности вместе с таможенной декларацией передавали знакомому таможенному инспектору небольшую сумму в 500-1000 руб. за выполнение им его обычных служебных обязанностей. Вследствие того, что при таких коррупционных сделках чиновник не совершает незаконных действий (не считая самого факта получения вознаграждения), а только более ревностно исполняет свои служебные обязанности, то нередко коррупция с целью ускорения выполнения государственных функций рассматривается в качестве положительного элемента общественных отношений. С. Роуз-Аккерман, изучавший во время работы во Всемирном Банке проблемы коррупции, приводит значительное количество примеров того, когда обычные граждане и представители фирм давали взятки чиновникам для выполнения ими законных функций, но без волокиты, в т. ч.:

«Поскольку время — деньги, компании и частные лица готовы платить во избежание проволочек. Во многих странах невозможно без взятки быстро получить ни квартирный телефон, ни паспорт, ни водительское удостоверение... В странах с высоким уровнем коррупции менеджеры вынуждены тратить много времени на общение с государственными чиновниками. В этом смысле Украина представляет собой экстремальный случай. В 1996 г. владельцы бизнеса и топ-менеджеры потратили в среднем 30% рабочего времени на общение с чиновниками. В других странах этот показатель в среднем колеблется от 7% в Сальвадоре до 15% в Литве и Бразилии» [14, с. 16-17].

Г. Н. Горшенков приводит следующий перечень социальных функций коррупции (часть из которых нами уже рассмотрена):

«упрощение отношений управленческого характера в органах власти; обеспечение оперативности и простоты принятия управленческих решений; урегулирование в неформальных правилах статусных ролей и отношений субъектов коррупционных отношений» [6, с. 548].

Подавляющее большинство авторов в своих исследованиях рассматривают преимущественно отрицательные функции коррупции, а некоторые считают, что коррупции присущи только отрицательные функции. В имеющихся публикациях о коррупции можно встретить обширный перечень ее отрицательных функций. Отметим наиболее существенные из них:

1. Нарушение социальной справедливости, грозящее разрушением устойчивости государства.
2. Торможение развития экономики.
3. Долгосрочная стагнация экономики.
4. Потеря доходов государственного бюджета.
5. Снижение качества общественных благ.

Ниже раскроем каким образом проявляются указанные негативные функции коррупции.

1. Коррупция вызывает нарушения справедливости социальных, политических и экономических отношений в обществе. Когда гражданам страны становятся известны случаи удачной коррупционной практики, заключающейся в том, что при содействии взятки или благодаря наличию коррупционных связей удается решить свои бытовые и деловые проблемы, то коррупционное поведение становится одним из условий достижения нужного результата. Выгоды коррупционной практики и неудачи честного способа достижения нужного результата приводят к укоренению коррупционной модели поведения. Если регулярно становятся известны случаи коррупции среди представителей власти (особенно безнаказанные), то и простые граждане будут стремиться копировать коррупционные практики в своей обыденной жизни. Кроме того, широкая информированность населения о коррупции в высших эшелонах власти снижает доверие населения к этой власти и ставит под сомнение ее легитимность. Нередко коррумпированность высших представителей власти становилось причиной лишения их властных полномочий как мирным, так и насильственным путем. Причем обвинение в коррупции существенно повышает шансы политических оппонентов на свержение действующей власти. Винили в коррупции многих глав государств, свергнутых в последние десятилетия в результате госпереворотов, в т. ч.: Хосни Мубарака в Египте, Саддама Хусейна в Ираке, Муаммара Каддафи в Ливии, В. Януковича в Украине, Н. Чаушеску в Румынии. Выдвигались обвинения в коррупции против царской семьи в России, свергнутой во время революции 1917 г. Поэтому укоренившаяся в стране коррупция, особенно в высшем руководстве, делает неустойчивой политическую систему государства, провоцирует политические конфликты и грозит национальной безопасности государства.

2. Среди положительных функций коррупции выше была отмечена ее способность выступать «смазкой» экономики. Но подмечено, что чиновники, осознав возможность получения неформального дохода «смазывая» дефекты функционирования государственного бюрократического механизма, в некоторых случаях сознательно стремятся создавать эти дефекты в виде бюрократических барьеров. Эта функция коррупции получила название «песок» экономики в противовес ее способности выступать в качестве «смазки» или торможение развитие экономики. Вводя избыточные бюрократические формальности, издавая дополнительные инструкции, организуя лишние проверки чиновники, обладая нормотворческим правом в пределах закрепленными за ними полномочиями, нередко стремятся расширить свои функции, навязать обществу и представителям бизнеса избыточные государственные услуги. При этом некоторые чиновники, устанавливая правила предоставления государственных услуг могут сознательно заложить в них чрезмерные бюрократические барьеры, одновременно предложив своим клиентам неформальные пути их преодоления за вознаграждение.

3. Тесно связан с предыдущим эффектом коррупции такой ее результат, как стагнация экономики. В условиях значительного распространения коррупции в деловой среде снижается деловая активность. У предпринимателей снижается мотивация к внедрению инноваций и новых технологий ввиду того, что в условиях коррумпированной деловой среды они не всегда способны воспользоваться результатами своей предпринимательской активности. При этом искажаются методы конкурентной борьбы. В рыночной экономике компании конкурируют между собой в погоне за потребителем внедряя инновации, позволяющие снизить цену продукции и повысить ее качество. В коррумпированной деловой среде целью конкуренции становится доступ к административному ресурсу, позволяющему выдавить с регионального и местного рынков более квалифицированных конкурентов. Укрепление коррупционных связей в деловой среде приводит к завышению цен на товары и услуги, снижению их качества.

4. Коррупция получила распространение в фискальной сфере. Для налогоплательщиков и участников внешнеэкономической деятельности выгодно договориться с налоговыми и таможенными инспекторами о снижении суммы обязательных платежей в бюджет за вознаграждение, составляющее всего некоторую долю от сэкономленной суммы, подлежащей уплате в государственный бюджет в форме налогов и таможенных платежей. По оценкам исследователей, если бы в Пакистане в конце XX в. потери, связанные с коррупцией, можно было сократить на 50%, то доля налоговых поступлений в ВВП выросла бы с 13,6 до 15%. В Нью-Йорке чиновники налоговых органов с помощью манипуляций с компьютерными базами данных уменьшили суммы налоговых начислений по налогу на имущество сотням налогоплательщиков, за что обычно брали взятки в размере 10% списанных сумм налоговых платежей. В Гамбии в начале 90-х гг. XX в. недоимки таможенных платежей и подоходного налога составляли 8-9% ВВП [14, с. 21-22].

5. Коррупция снижает качество общественных благ, оказываемых населению и представителям бизнеса. За взятку представитель власти может не выполнить свои обязанности, оказав незаконную услугу взяткодателю. Нечестный судья за вознаграждение может оправдать преступника, который выйдя на свободу способен продолжить совершать преступления. Нерадивый студент за взятки в медицинском университете может пройти обучение и получить диплом врача, но не обладая необходимыми знаниями и квалификацией может нанести вред здоровью своих пациентов. Чиновники государственного органа, занимающегося строительством и ремонтом автомобильных дорог, могут за взятку выбрать не самую лучшую подрядную организацию, которая некачественно выполнит ремонт дорог за значительную сумму государственного финансирования, часть которого вернет лицу, принимающему решение о выборе подрядной организации. Ввиду того, что одной из целей коррупционной сделки является сокращение расходов коррупционера при попустительстве и покровительстве чиновника, обязанного контролировать деятельность взяткодателя, то коррупция в сфере государственной надзорной деятельности снижает уровень безопасности на-

селения, а иногда становится одной из причин гибели людей. В Южной Корее после того, как в 1995 г. рухнуло здание универмага, выяснилось, что подрядчик использовал не соответствующий стандартам качества бетон, а чиновники муниципалитета получили взятки за то, что допустили нарушение правил техники безопасности при строительстве. В Турции во время землетрясения в 1998 г. было разрушено много зданий, после расследования вскрылись дефекты строительных конструкций, которые при приемке этих объектов проигнорировали чиновники строительных департаментов, обвиненные в коррупции [14, с. 20].

Влияние коррупции на социально-экономические процессы

Далее рассмотрим влияние коррупции на социально-экономические процессы, которые измеряются отдельными экономическими и социальными показателями (рис. 3-6).

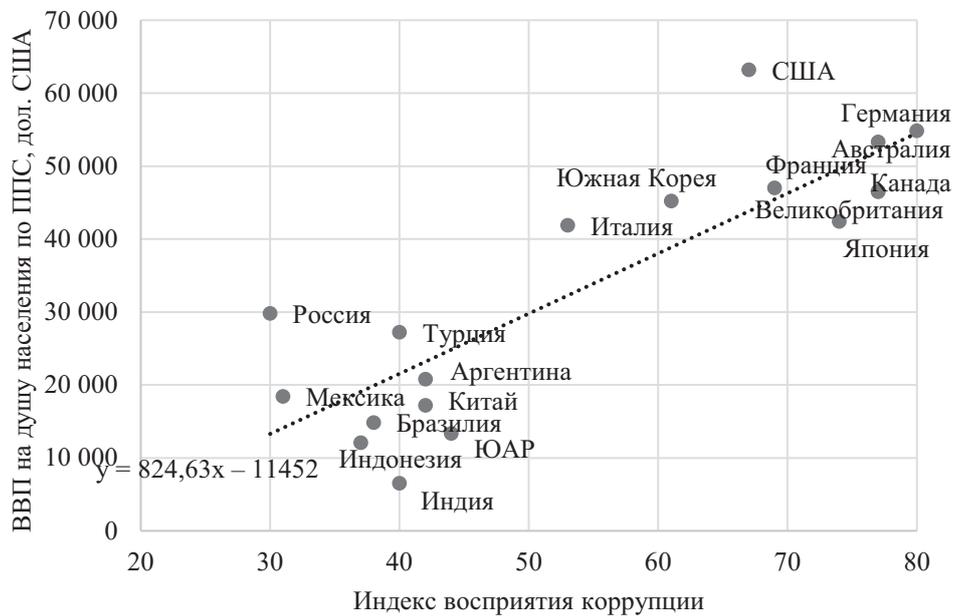

Рис. 3. Индекс восприятия коррупции и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в странах G-20 в 2020 г.

Источник: составлен автором на основе [19, 20].

Fig. 3. Corruption perception index and GDP per capita by purchasing power parity in G20 countries in 2020

Source: compiled by the author based on [19, 20].

Тесная корреляционная зависимость наблюдается между уровнем коррупции и ВВП на душу населения по паритету покупательной — коэффициент корреляции между данными явлениями в 2020 г. составил 0,8517, что характеризуется как высокая теснота связи. В странах с высокой производительностью труда,

измеряемой ВВП на душу населения, уровень коррупции обычно ниже, чем в странах с низкой производительностью труда. В то же время следует обратить внимание на то, что в группу стран, в которых высокая производительность труда сочетается с низким уровнем коррупции, попали экономически развитые страны (в т. ч. Германия, Великобритания, Франция, США, Япония), в то время как среди стран с низкой производительностью труда и высокой коррупцией оказались только развивающиеся страны (в частности, Турция, Китай, Индия, Бразилия, Россия). В этой связи можно предположить, что в развивающихся странах довольно распространена деловая коррупция, сдерживающая экономическое развитие страны и снижающая производительность труда. Вместе с тем распространенность деловой коррупции стоит рассматривать в качестве вынужденного способа коррупционного поведения бизнесменов в условиях неустоявшейся институциональной среды, неэффективности действующих законов и судебной системы. Представители бизнеса развивающихся стран рассматривают коррупционные действия в качестве способа преодоления административных барьеров.

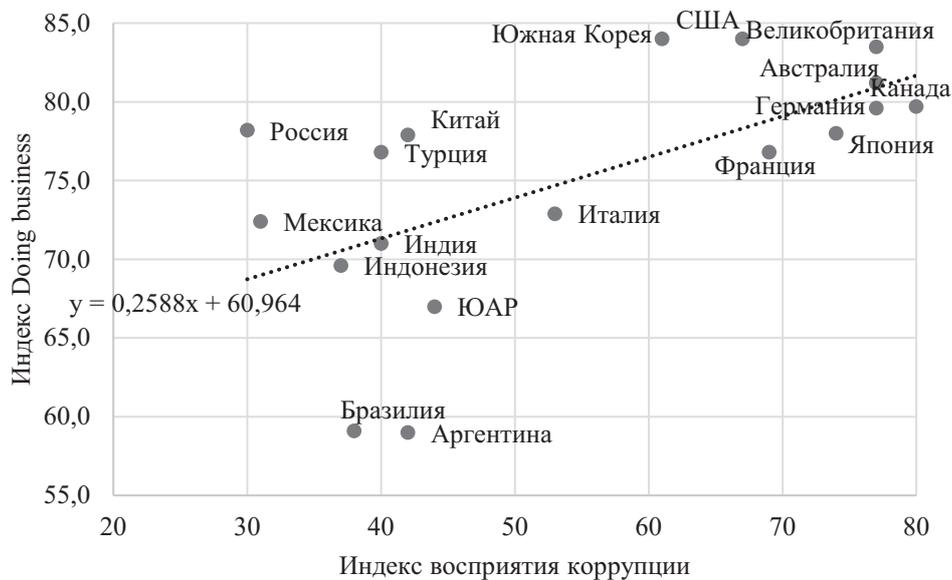

Рис. 4. Индекс восприятия коррупции и индекс Doing business в странах G-20 в 2020 г.

Источник: составлен автором на основе [16, 19, 20].

Fig. 4. Corruption Perception Index and Doing business index in G20 countries in 2020

Source: compiled by the author based on [16, 19, 20].

Сопоставление уровня коррупции с индексом Doing business в странах G-20 (рис. 4) выявило заметную тесноту связи между анализируемыми показателями — коэффициент корреляции является положительным и составил 0,6152.

В большинстве рассматриваемых стран упрощение осуществления предпринимательской деятельности обычно сопровождается снижением уровня коррупции. Предприниматели склонны коррупционными методами решать проблемы своего бизнеса, вызванные наличием административных барьеров, что провоцирует рост масштабов деловой коррупции в развивающихся странах. В то же время в таких странах, как Россия, Турция и Китай, относительно высокое значение индекса Doing business (на уровне 77-78) не приводит к ощутимому снижению масштабов коррупции. Это свидетельствует о наличии иных институциональных факторов, способствующих высокому уровню коррупции в этих странах.

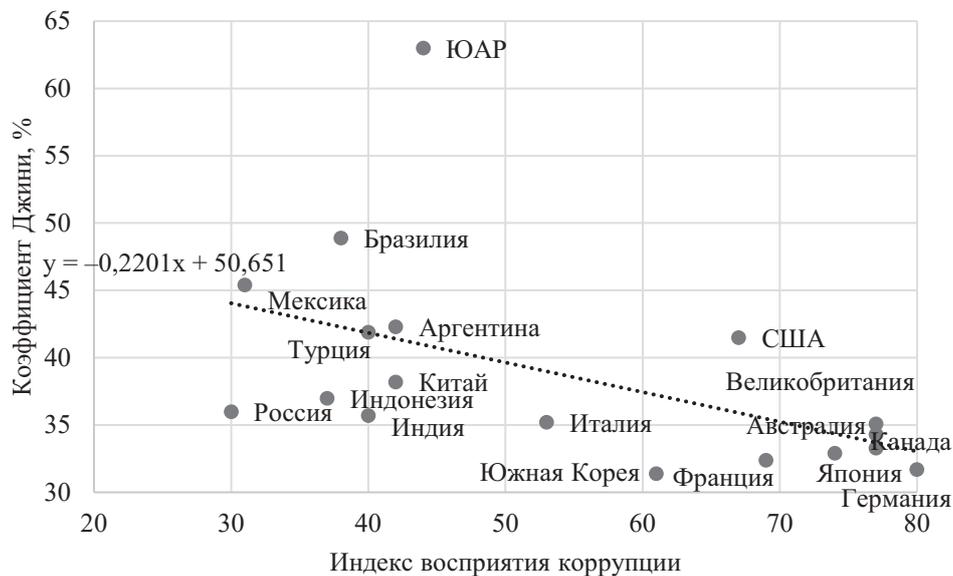

Рис. 5. Индекс восприятия коррупции и коэффициент Джини в странах G-20 в 2020 г.

Источник: составлен автором на основе [19, 20].

Fig. 5. Corruption Perception Index and Gini coefficient in G20 countries in 2020

Source: compiled by the author based on [19, 20]

Определенную характеристику уровня бытовой коррупции дает соотношение индекс восприятия коррупции и коэффициента Джини (рис. 5). Коэффициент Джини является статистическим показателем степени расслоения общества, используемым для оценки социального неравенства. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к 100%, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных групп населения. Корреляционный анализ выявил заметную обратную тесноту связи между анализируемыми показателями: в 2020 г. коэффициент корреляции составил отрицательную величину — $-0,5080$. Эти данные свидетельствуют о том, что увеличение масштабов кор-

рупции сопровождается ростом социального неравенства в обществе. Низкий уровень жизни, в свою очередь, провоцирует граждан совершать коррупционные действия для решения своих социальных проблем, что в свой черед способствует росту уровня бытовой коррупции.

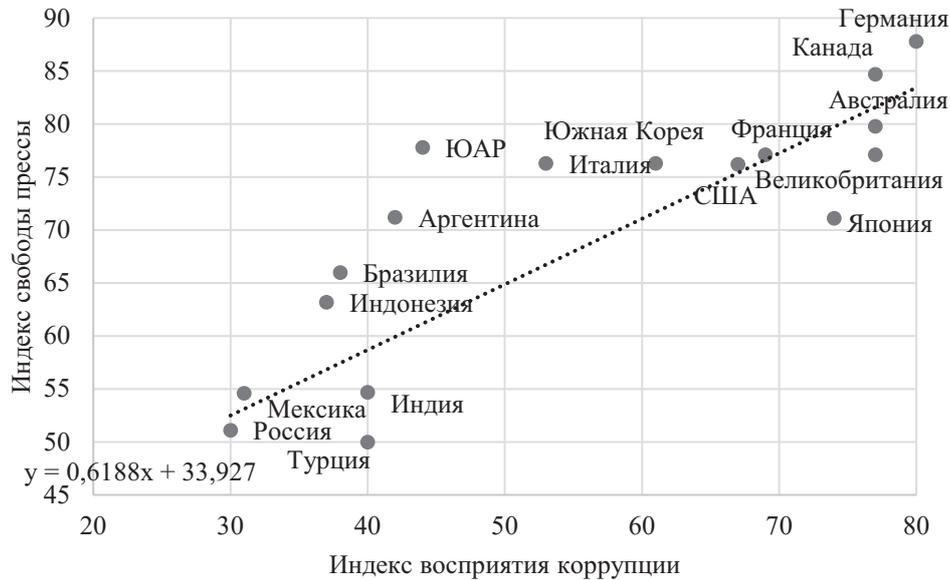

Рис. 6. Индекс восприятия коррупции и индекс свободы прессы G-20 в 2020 г. Источник: составлен автором на основе [19, 20].

Fig. 6. Corruption Perception Index and G-20 Press Freedom Index in 2020 Source: compiled by the author based on [19, 20]

Рис. 6 наглядно показывает, что в странах с высоким уровнем коррупции наблюдаются значительные ограничения в независимой и объективной работе средств массовой информации. Между анализируемыми явлениями выявлена высокая теснота связи — коэффициент корреляции составил 0,6902. Низкий уровень свободы прессы является благодатной средой для политической коррупции. Ограничения свободы прессы создают удобные условия совершения коррупционных действий в процессе проведения выборов.

Выводы

В результате исследования удалось рассмотреть понятие и виды коррупции, а также оценить влияние, которое оказывает коррупция на социально-экономические процессы, происходящие в обществе. В ходе исследования удалось подтвердить первоначальную гипотезу, что отдельные виды коррупции оказывают неравномерное влияние на социальные и экономические процессы, складывающиеся в обществе, в зависимости от уровня развития страны. В развивающихся

странах высокий уровень коррупции сочетается с неблагоприятной деловой средой, расслоением общества и ограничением политических свобод. Что в свою очередь провоцирует рост отдельных видов коррупции, связанных с определенными институциональными условиями. В развитых странах мира обычно наблюдается обратная ситуация.

Полученные результаты могут быть использованы учеными для проведения дальнейших научных исследований коррупции, а также представителями органов власти для выработки и применения методов борьбы с данным явлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов Э. Л. Коррупционная преступность и ее развитие в России / Э. Л. Архипов, Т. В. Сушкова // *Теневая экономика*. 2019. Том 3. № 2. С. 107-114.
2. Бабелюк Е. Г. О национальной системе мониторинга эффективности противодействия коррупции / Е. Г. Бабелюк, С. Д. Савин, В. Ф. Щепельков // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Том 12. № 5. С. 613-621.
3. Барсукова С. Ю. Механизм «политического инвестирования», или как и зачем российский бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь / С. Ю. Барсукова, В. И. Звягинцев // *Полис. Политические исследования*. 2006. № 2. С. 110-121.
4. Бахтаирова Е. А. Оценка уровня коррупции как составляющая интегрального показателя государственного управления: зарубежный опыт и российская практика / Е. А. Бахтаирова, А. В. Анганова // *Baikal Research Journal*. 2021. Том 12. № 4. С. 18.
5. Бобошко Н. М. Коррупция в сфере государственных закупок как угроза экономической безопасности государства / Н. М. Бобошко // *Вестник экономической безопасности*. 2020. № 6. С. 19-25.
6. Горшенков Г. Н. Коррупция как криминологическая категория / Г. Н. Горшенков // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Том 15. № 3. С. 540-555.
7. Колесниченко Е. А. Особенности проявления теневых отношений в сфере государственных закупок / Е. А. Колесниченко, А. А. Бурмистрова, Д. И. Петров, О. В. Савватеева // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2020. Том 2. № 1. С. 114-121.
8. Куналиев А. А. Коррупция как фактор, влияющий на уровень процветания / А. А. Куналиев // *Colloquium-Journal*. 2020. № 13-4 (65). С. 69-75.
9. Митрофанов Н. В. Коррупция в российском высшем образовании / Н. В. Митрофанов // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 4. С. 140-147.
10. Новичкова Е. Е. Понятие, содержание и виды коррупции / Е. Е. Новичкова // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2018. № 1 (42). С. 35-36.
11. Подольный Н. А. Корпоративная коррупция: обоснование проблемы / Н. А. Подольный, Н. Н. Подольная // *Всероссийский криминологический журнал*. 2016. Том 10. № 3. С. 521-530.
12. Пономарева Е. В. Нарушения в сфере госзакупок / Е. В. Пономарева, Г. В. Калинина, Т. Г. Цуканова // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 6-1. С. 122-126.

13. Решняк М. Г. Преступления коррупционной направленности: актуальные проблемы дифференциации уголовной ответственности / М. Г. Решняк, В. И. Гладких // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Том 15. № 6. С. 756-765.
14. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 356 с.
15. Фиалковская И. Д. Коррупция: понятия, признаки, виды / И. Д. Фиалковская // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2018. № 1. С. 137-142.
16. *Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies*. Washington, DC: World Bank, 2020. 136 pp. DOI: 10.1596/978-1-4648-1440-2
17. Huntington S. *Political Order in Changing Societies* / S. Huntington. New Haven, CT: Yale University Press, 1968. 516 pp.
18. *Index 2020* // Reporters without Borders. URL: <https://rsf.org/en/index?year=2020>
19. Transparency International-Россия. 2021 Corruption Perceptions Index. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021>
20. World Bank Open Data. URL: <http://data.worldbank.org>

Dmitry Yu. FEDOTOV¹

UDC 328.185

TYPES OF CORRUPTION AND ASSESSMENT OF THEIR IMPACT ON SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN SOCIETY

¹ Dr. Sci. (Econ.),
Professor of the Department of International Relations and Customs Affairs,
Baikal State University (Irkutsk)
fdy@inbox.ru; ORCHID: 0000-0001-9908-802 X

Abstract

This article studies the concept of corruption and its individual types. Corruption can be observed in many countries of the world, but its extent differs greatly. The institutional conditions that have formed in different countries have become prerequisites for the differentiation of countries by the corruption level.

This article aims to identify the mutual influence between corruption phenomena and socio-economic processes in society. Following the analysis of literature review, three types of corruption have been identified: domestic, business, and political. The hypothesis of the study is the assumption that certain types of corruption can have an uneven impact on socio-economic processes based on the level of development of the country.

Studying corruption has required using the methods of induction, deduction, scientific generalization, classification, aspect analysis, and correlation analysis. The empirical data was collected from the following international organizations: the World Bank, Transparency International, Reporters without Borders.

The results show that corruption of a certain type involves subjects of certain categories in corruption relations, influencing specific types of public relations. Business corruption has a negative impact on economic development, while domestic corruption has a negative impact on the trends in the development of social relations in society. There was a high direct closeness of the relationship between the level of corruption and GDP per capita, as well as between the level of corruption and the index of press freedom; there is a noticeable inverse closeness of the relationship between the level of corruption and the Gini coefficient.

Citation: Fedotov D. Yu. 2022. “Types of corruption and assessment of their impact on socio-economic processes in society”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 188-210. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-188-210

Keywords

Corruption, types of corruption, economy, social relations, corruption perception index, correlation analysis, Gini coefficient, political freedoms.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-188-210

REFERENCES

1. Arkhipov E. L., Sushkova T. V. 2019. "Corruption crime and its development in Russia". *Shadow Economy*, vol. 3, no. 2, pp. 107-114. [In Russian]
2. Babelyuk E. G., Savin S. D., Shchepelkov V. F. 2018. "About the national system for monitoring the effectiveness of anti-corruption". *All-Russian Criminological Journal*, vol. 12, no. 5, pp. 613-621. [In Russian]
3. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev V. I. 2006. "The mechanism of 'political investment', or how and why Russian business participates in elections and pays for party life". *Policy. Political studies*, no. 2, pp. 110-121. [In Russian]
4. Bakhtairova E. A., Anganova A. V. 2021. "Assessment of the level of corruption as a component of an integral indicator of public administration: foreign experience and Russian practice". *Journal of Baikal Studies*, vol. 12, no. 4, p. 18. [In Russian]
5. Boboshko N. M. 2020. "Corruption in public procurement as a threat to the economic security of the state". *Bulletin of Economic Security*, no. 6, pp. 19-25. [In Russian]
6. Gorshenkov G. N. 2021. "Corruption as a criminological category". *Russian Journal of Economics and Law*, vol. 15, no. 3, pp. 540-555. [In Russian]
7. Kolesnichenko E. A., Burmistrova A. A., Petrov D. I., Savvateeva O. V. 2020. "Features of the manifestation of shadow relations in the field of public procurement". *Bulletin of the Volga State University*, vol. 2, no. 1, pp. 114-121. [In Russian]
8. Kuanaliev A.A. 2020. "Corruption as a factor affecting the level of prosperity". *Colloquium-Journal*, no. 13-4 (65), pp. 69-75. [In Russian]
9. Mitrofanov N. V. 2020. "Corruption in Russian higher education". *Union of Criminologists and Criminologists*, no. 4, pp. 140-147. [In Russian]
10. Novichkova E. E. 2018. "The concept, content and types of corruption" *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, no. 1 (42), pp. 35-36. [In Russian]
11. Podolny N. A., Podolnaya N. N. 2016. "Corporate corruption: justification of the problem". *All-Russian Criminological Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 521-530. [In Russian]
12. Ponomareva E. V., Kalinina G. V., Tsukanova T. G. 2019. "Violations in the field of public procurement". *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 6-1, pp. 122-126. [In Russian]
13. Reshnyak M. G., Gladkikh V. I. 2021. "Corruption crimes: actual problems of differentiation of criminal responsibility". *All-Russian Criminological Journal*, vol. 15, no. 6, pp. 756-765. [In Russian]
14. Rose-Ackerman S. 2010. *Corruption and the State. Causes, Consequences, Reforms*. 2nd edition. Moscow: Logos. 356 pp. [In Russian]
15. Fialkovskaya I. D. 2018. "Corruption: concepts, signs, types". *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, no. 1, pp. 137-142. [In Russian]

16. World Bank. 2020. Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies. Washington, DC: World Bank. 136 pp. DOI: 10.1596/978-1-4648-1440-2
17. Huntington S. 1968. Political Order in Changing Societies. New Haven, Connecticut: Yale University Press. 516 pp.
18. Reporters without Borders. 2020. "Index 2020". <https://rsf.org/en/index?year=2020>
19. Transparency International-Russia. 2021 Corruption Perceptions Index. <https://www.transparency.org/en/cpi/2021>
20. World Bank Open Data. <http://data.worldbank.org>

Кристина Алексеевна ЗАХАРОВА¹
Нуркен Ерболатович АКТАЕВ²
Надежда Вячеславовна ИВАНОВА³

УДК 336.63

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЩЕГО УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОСУДАРСТВА*

¹ кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
kr.a.zakharova@utmn.ru

² кандидат физико-математических наук, профессор кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
n.e.aktaev@utmn.ru

³ старший преподаватель кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
n.v.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6674-2179

Аннотация

В настоящее время уровень экономического благосостояния каждой страны подвержен кризисным тенденциям. Благосостояние государства определяется как поддержка населения страны и предоставление необходимых для жизни материальных, социальных и духовных благ. Уровень благосостояния напрямую зависит от характера экономических отношений и степени совершенствования производительных сил. По большей мере данная взаимосвязь рассматривается с точки зрения эффективности социально-эконо-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-410-720008.

Цитирование: Захарова К. А. Взаимосвязь и взаимозависимость качества жизни населения и общего уровня экономического благосостояния государства / К. А. Захарова, Н. Е. Актаев, Н. В. Иванова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 211-228. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-211-228

мической политики страны. Ввиду этого важным является поддержание достойного уровня и качества жизни населения.

В статье проведен статистический анализ уровня жизни в Российской Федерации, его современного состояния, с помощью системы показателей, отражающих взаимовлияние ключевых показателей экономического развития страны на качество жизни населения. Помимо этого, в работе отражены результаты апробации концептуального подхода к изучению ранее представленных исследований экономистов, посвященных выявлению зависимостей повышения качества жизни населения и уровня экономического благосостояния страны. Это дает возможность проанализировать уже сформированное положение благосостояния государства, определить динамику развития благосостояния в сравнении с прошлыми годами.

В результате исследования установлено, что исследование детерминант, воздействующих на изменения уровня и качества жизни граждан государства, позволяет прогнозировать динамику развития благосостояния государства. К детерминантам относятся формирование дополнительных рабочих мест, повышение уровня образовательной среды, выравнивание социальных диспропорций, динамика производительности труда и т. п. Перечисленные факторы непосредственно влияют на социально-экономическое развитие как страны в целом, так и отдельно взятой территории.

Ключевые слова

Благосостояние населения, качество жизни, благосостояние государства, социально-экономическое развитие, слабая экономика, кризис, социальное обеспечение, уровень жизни.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-211-228

Введение

В настоящее время уровень и качество жизни выступают одними из значимых показателей социально-экономического развития государства. Данные показатели позволяют оценить устойчивость развития территории, а также являются показателями экономического благосостояния государства.

На сегодняшний день возникают противоречия по вопросу разграничения таких терминов, как уровень жизни и качество жизни. В отдельных исследованиях авторы уровень жизни интерпретируют, соотнося с понятием качества жизни, т. е. не предполагают определенного разграничения между ними. При этом есть авторы, которые четко разграничивают эти понятия.

Так, например, Г. М. Дендак предлагает понятие уровня жизни раскрывать в соответствии с двумя подходами [6]. Первый подход подразумевает раскрытие данного понятия в узком смысле слова как характеристики уровня потребления граждан и уровня удовлетворения потребительского спроса, т. е. измеряется объем доходов и расходов населения. Второй подход подразумевает раскрытие данного понятия в широком смысле слова как характеристики степени развития общества, а также условий для жизни населения.

Принимая во внимание описанную концепцию, можно сделать вывод, что под уровнем жизни понимается совокупность условий жизнедеятельности граждан в области потребления, которая проявляется в ходе развития потребительского спроса и особенностей его удовлетворения.

Понятие уровня жизни зародилось первым, об этом свидетельствуют несколько исследований, посвященных анализу исторических этапов формирования современных подходов к раскрытию сущности данного экономического элемента. Затем, когда стало понятно, что данный показатель не является всеобъемлющим для оценки благосостояния, появилось понятие качества жизни.

Авторские трактовки качества жизни так же многообразны, как и формулировки понятия уровня жизни. По данному вопросу возникают дискуссионные споры, которые указывают на тот факт, что качество жизни как уровень главным образом охватывает не количество благ, а их качество. Соответственно, оценивается качество благ в области культуры, здравоохранения, образования, социального развития и обеспечения [4, 5].

Таким образом, понятие качества жизни охватывает большое количество различных характеристик так же, как и понятие уровня жизни. Например, Н. А. Калиногорский понимает под качеством жизни определенный показатель, характеризующий социально-экономическое развитие государства, в области удовлетворения личностных потребностей граждан духовного, физического и социального характера [7]. Другие авторы утверждают, что в понятие качества жизни должны быть включены такие характеристики, как качество образования, здоровье граждан, уровень охраны природы, уровень духовного развития граждан [2, 3]. Следовательно, можно обобщить рассмотренные аспекты и принять под качеством жизни комплекс условий жизнедеятельности граждан, которые позволяют получать необходимые блага духовного и физического характера.

Таким образом, понятие уровня жизни не является всеобъемлющим для оценки благосостояния, т. к. не описывает качественные характеристики предлагаемых благ. Под уровнем жизни понимается характеристика уровня потребления граждан и уровня удовлетворения потребительского спроса, т. е. применяется количественный подход, через расчет объемов доходов и расходов населения.

Под качеством жизни понимается определенный показатель, способный точно характеризовать социально-экономическое развитие государства в области удовлетворения личностных потребностей граждан в виду духовного, физического и социального характера. Оба показателя позволяют осуществить комплексную оценку уровня благосостояния государства.

Среди уже имеющегося набора показателей оценки уровня благосостояния населения представляется целесообразным формирование концепции, основывающейся на построении целостной системы, включающей определение степени влияния уровня и качества жизни населения, т. к. данный аспект остается проработанным не в полной мере. Многие разработанные концептуальные подходы не позволяют установить степень масштабности влияния данных по-

казателей на экономику исследуемых территорий. Данные вопросы рассматриваются в рамках реализуемых национальных проектов и социальной политики государства.

В данном контексте исследования включают в себя комплекс, состоящих из сводных и специфических показателей. Сводные показатели (или обобщающие), используемые для оценки уровня жизни, включают валовой внутренний продукт, индекс производительности труда, совокупные доходы и доходы в расчете на душу населения, индекс потребительских цен на товары и услуги, а также среднюю продолжительность жизни населения [9, с. 11]. В качестве специфических показателей используют среднегодовую численность занятого населения, номинальные, реальные и денежные доходы населения, средний доход и среднюю заработную плату, средний размер пенсии, пособия, стипендии, потребление и расходы (общий объем потребления, потребительские расходы населения и расходы в расчете на душу населения), покупательную способность средней заработной платы и средней пенсии, социальную дифференциацию населения, уровень и границы бедности (распределение населения по размеру среднедушевого дохода) [1, с. 195].

Многие исследования включают в себя разработку методического инструментария оценки качества жизни населения. Чаще всего они представлены в виде калорийности и состава потребляемых продуктов, качества и актуальности одежды, общей площади занимаемого жилья, количества больничных коек, количества домов отдыха в сфере услуг, числа вузов и средних специальных учебных заведений, удельной доли студентов в численности населения и т. д. Можно сказать, что анализируется качество питания, комфорта проживания, качество образования, здравоохранения и социальных услуг, а также демографических параметров в виде обеспечения и охвата населения объектами инфраструктуры и техническими средствами отраслевой и социальной сферы [4, с. 259].

Рассмотренные показатели уровня и качества жизни дают возможность проанализировать уже сформированное положение благосостояния государства, определить динамику развития благосостояния в сравнении с прошлыми годами, однако, не дают возможность спрогнозировать перспективу развития благосостояния государства. Прогноз дальнейшей динамики развития благосостояния государства позволяет осуществить исследование основных детерминант, вызывающих изменение уровня и качества жизни граждан государства.

Одним из наиболее сильных факторов, имеющих отражение в разработке различных методик оценки качества и уровня жизни населения, являются политические и экономические факторы [8, 10, 12]. Политические факторы выражаются в характере государственного строя, в соблюдении законодательных норм, в рациональности распределения полномочий между государственными органами и т. д. К экономическим факторам относятся уровень экономического потенциала государства, объем национального дохода.

Соотношение долей обеспеченного и бедного населения также является фактором, влияющим на уровень и качество жизни. В современных исследова-

ниях выделяют 2 формы бедности [11, 13]. Одной из форм бедности является абсолютная бедность, при которой у населения нет необходимого объема дохода для достижения прожиточного минимума. Другой формой является относительная бедность, при которой население имеет объем дохода, не превышающий 40-60% от среднего уровня доходности в государстве.

Ряд авторов еще одним фактором, влияющим на уровень и качество жизни, называют уровень и динамику производительности труда [14, 15]. Данные показатели определяют объем ВВП и национального дохода. Следовательно, уровень жизни меняется исходя из уровня производительности труда в стране.

Часть методик в рамках выявления взаимозависимостей качества и уровня жизни населения и экономического благосостояния государства включают такой фактор, как динамика развития социальной сферы в государстве [9, 11]. К социальной сфере относится наука, здравоохранение, культура, образование. Следовательно, социальная сфера призвана удовлетворять социальные нужды граждан, это обуславливает качество их жизни.

Наряду с уже изученными оценочными показателями также представляется целесообразным использовать условия труда и отдыха, уровень социального обеспечения, социально-бытовую обстановку (экологические условия, уровень преступности и т. п.), личные сбережения.

Таким образом, представленные концепции, определяющие качество и уровень жизни и экономического благосостояния населения, наделены требуемым набором инструментов, позволяющим адекватно оценить, а также применить одну из предлагаемых методик. Исходя из этого, в статье устанавливается значимость выдвигаемых ранее оценочных средств и их апробация. Это позволит в дальнейшем осуществить прогноз динамики уровня и качества жизни, а также их влияние на экономическое благосостояние страны.

Методология

В статье используется метод динамического и структурного статистического анализа. Для выявления динамики уровня и качества жизни населения, как и в целях определения взаимозависимостей и влияния данных показателей на уровень экономического благосостояния государства, использовались нормативно — законодательные и стратегические документы РФ, данные государственной службы статистики, данные отчетности федеральной налоговой службы. В рамках визуализации представленных результатов статьи использовался графический метод.

По результатам исследованных концептуальных подходов оценки влияния и взаимозависимости качества и уровня жизни населения на благосостояния государства, установлены основные требования к разработке системных показателей, отражающих комплексность, адаптированность и информативность. В рамках представленного набора критериев и вышеупомянутого методологического инструментария представляется целесообразным выбор соответствующих показателей, существенно влияющих на повышение уровня благосостояния государства.

В соответствии с применяемой методикой, оценка влияния уровня и качества жизни населения на экономическое благосостояние государства и их взаимозависимость осуществлялась с использованием комплекса показателей, включающих:

- объем валового внутреннего продукта (далее ВВП) и источников его формирования;
- динамика индекса производительности труда;
- динамика среднегодовой численности занятых;
- динамика объемов денежных доходов населения;
- структура населения по величине среднедушевых денежных доходов;
- динамика объемов предоставленных жилых помещений гражданам;
- динамика количества образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры;
- динамика количества студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования.

Данный набор показателей позволяет определить ключевые критерии, оценивающие качественные и количественные характеристики экономического благосостояния государства. В рамках формулируемых выводов по результатам оценки представляется целесообразным изложить тренды и вызовы анализируемой области в части ее взаимозависимости от общего уровня экономического благосостояния страны.

Результаты

Основным показателем оценки уровня экономического развития государства является ВВП. В соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики РФ, представленными на рис. 1, показатель ВВП имеет отрицательную тенденцию.

Рис. 1. Динамика объема ВВП России в текущих ценах в 2017-2021 гг., млрд руб.

Fig. 1. Dynamics of the Russian GDP volume in current prices in 2017-2021, bil rub.

За исследуемый период наблюдается серьезные изменения тенденции ВВП России. Так, снижение ВВП России с 2019 г. в совокупности составило -2% , что влечет за собой негативные последствия в рамках различных сфер и отраслей экономики государства, т. к. данный показатель охватывает стоимость всех, произведенных за год товаров и услуг, предназначенных для непосредственного употребления населением.

Наибольший вклад в формирование ВВП России за рассматриваемый период несет объем оплаты труда наемных работников (рис. 2).

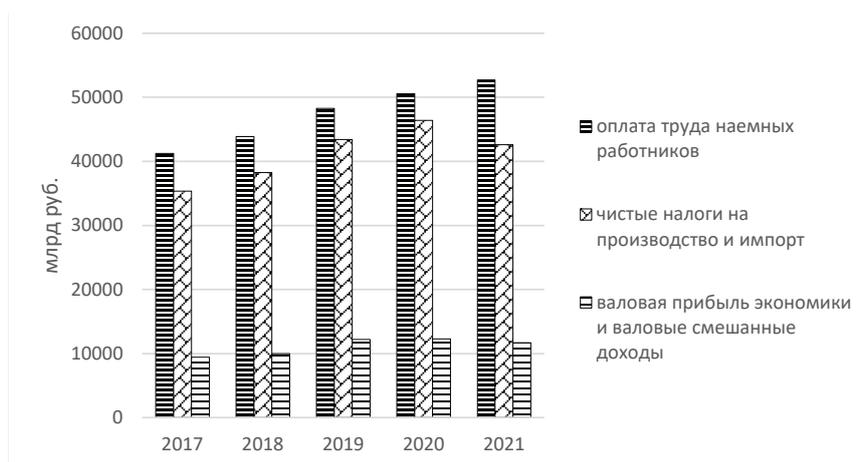

Рис. 2. Динамика источников формирования ВВП России в 2017-2021 гг., млрд руб.

Fig. 2. Dynamics of sources of GDP of Russia in 2017-2021, bil rub.

Так, с 2017 г. наблюдается положительная динамика данного показателя. В 2018 г. объем оплаты труда наемных работников вырос на $6,4\%$, в 2019 г. — на $9,9\%$, в 2020 г. — на $4,8\%$, в 2021 г. — на $4,2\%$.

В прямой зависимости такая положительная динамика находится с повышением уровня производительности труда (рис. 3).

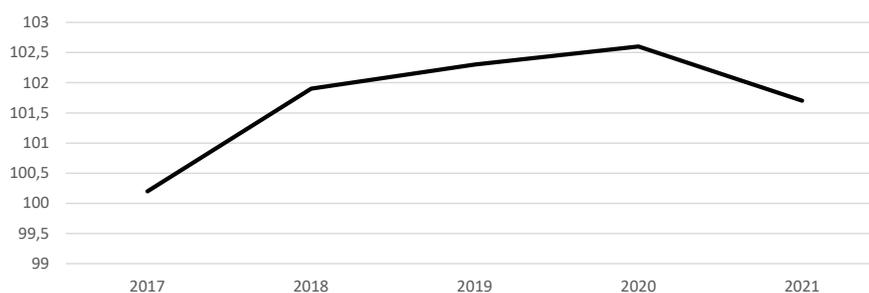

Рис. 3. Динамика индекса производительности труда в российской экономике в 2017-2021 гг., %

Fig. 3. Dynamics of the labor productivity index in the Russian economy in 2017-2021, %

Анализируя динамику индекса производительности труда в российской экономике в 2017-2021 гг., можно отметить, что на протяжении первых четырех лет рассматриваемого этапа можно заметить благоприятную тенденцию индекса производительности труда в экономике России. Так, в 2017 г. индекс вырос на 1,9%, в 2018 г. наблюдается рост на 2,3%, в 2019 г. — на 0,3%. Однако в 2020 г. произошло замедление темпа роста индекса производительности труда на 0,9% и дальнейшее его снижение к 2021 г.

В рамках проводимого исследования представляется целесообразным осуществление анализа среднегодовой численности занятых по основным видам экономической деятельности в 2017-2021 гг. (рис. 4).

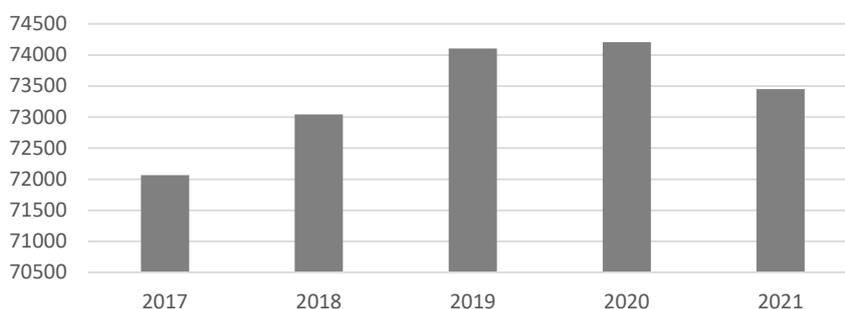

Рис. 4. Динамика среднегодовой численности занятых в России в 2017-2021 гг., тыс. чел.

Fig. 4. Dynamics of the average employees annual number in Russia in 2017-2021, thous. people

С 2017 г. наблюдается рост в среднем на 2,5% в год, что связано с введением санкций и началом осуществления программ импортозамещения в России, которые заключаются в государственной поддержке отечественных производителей. Это позволило увеличить масштаб производства и сформировать новые рабочие места. В 2021 г. произошло сокращение среднегодовой численности занятых на 1%, что связано с последствиями пандемии, на фоне которой большое количество организаций прекратило свое существование. В 2021 г. свою деятельность прекратило 1,54 млн юридических лиц, индивидуальных предпринимателей (ИП) и фермерских хозяйств, т. е. примерно пятая часть действующих бизнесов в РФ. Одновременно с этим, наблюдается снижение динамики объема денежных доходов населения РФ (рис. 5).

До 2019 г. объем денежных доходов населения в России имеет положительную динамику. Далее после 2020 г. наблюдается отрицательная динамика исследуемого показателя. Так, в 2017 г. объем вырос на 2,9%, в 2018 г. — на 3,9%, в 2019 г. — на 1,6%. К 2021 г. объем денежных доходов населения РФ сократился почти в два раза по сравнению с 2019 г.

В целях более подробного рассмотрения денежных доходов населения представляется целесообразным осуществить анализ структуры населения по величине среднедушевых денежных доходов (таблица 1).

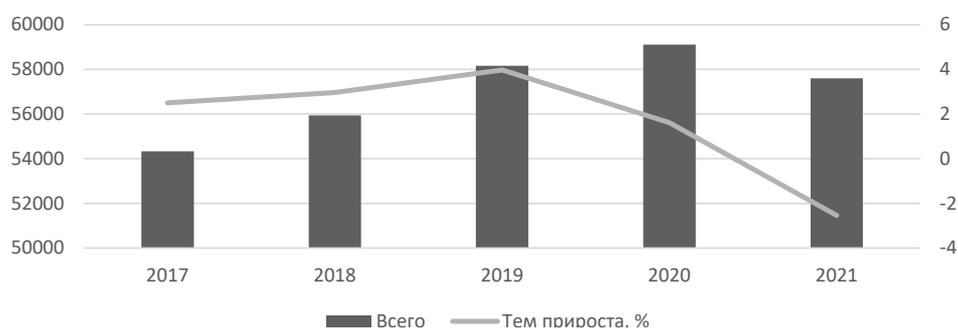

Рис. 5. Динамика денежных доходов населения РФ в 2017-2021 гг., млрд руб.

Fig. 5. Dynamics of the Russian Federation population monetary incomes in 2017-2021, bil. rub.

Таблица 1

Структура населения по величине среднедушевых денежных доходов в России, %

Table 1

Population structure by average per capita monetary income in Russia, %

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Всё население, в т. ч. со ср.-душ. денеж. доходами в мес., руб.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
до 7 000,0	6,0	5,5	5,1	4,1	3,5
7 000,1-10 000,0	7,8	7,5	7,1	6,1	5,6
10 000,1-14 000,0	12,0	11,7	11,2	10,1	9,8
19 000,1-27 000,0	18,2	18,3	18,1	13,1	12,9
27 000,1-45 000,0	22,7	23,2	23,6	17,9	18,1
45 000,1-60 000,0	8,5	8,8	9,2	24,6	25,4
свыше 60 000,0	10,4	10,8	11,9	10,1	10,5

Структура населения по величине среднедушевых денежных доходов в 2021 г. выстраивается таким образом, что наибольший удельный вес приходится на группу с доходом от 45 до 60 тыс. руб. (25,4%). Наименьшая доля населения со среднедушевым денежным доходом от 7 тыс. руб. (3,5%). Необходимо отметить, что в тот же период увеличилась доля населения со среднедушевым доходом 27-45 тыс. руб. и свыше 60 тыс. руб.

В 2021 г. прожиточный минимум в России составил 11 301 руб., что подводит к выводу, что около 10% населения России находились за чертой бедности, т. к. доход их было менее 11 301 руб.

Таким образом, проанализировав ключевые индикаторы уровня жизни населения в РФ за анализируемый период, получилось выявить их отрицательную динамику, причиной которой стали кризисные условия, вызванные пандемией и ограничительными мерами, что негативно сказывается на общем уровне благо-

состояния государства. Стоит отметить, что до 2021 г. показатели имели устойчивую положительную динамику.

Однако в целях формирования целостной оценки уровня экономики РФ проанализируем показатели, отражающие качество жизни населения. Первым показателем, представляющим целесообразность оценки, является объем предоставленного жилищного фонда населению за рассматриваемый период (таблица 2).

Таблица 2

Table 2

Объем предоставленных жилых помещений гражданам России в 2017-2021 гг.

The volume of residential premises provided to citizens of Russia in 2017-2021

Критерий	2017	2018	2019	2020	2021
Число семей (включая одиноких), состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях (на конец года), тыс.	2 612	2 542	2 458	2 266	2 430
в % от общего числа семей (включая одиноких)	5,0	5,0	4,0	4,0	4,1
Число семей (включая одиноких), улучшивших жилищные условия получив жилые помещения и за год, тыс.	135	129	123	106	108
прирост, %	-3,0	-6,0	-6,0	-13,8	1,9
в % от числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	5,0	5,0	5,0	4,0	4,0

Количество домашних хозяйств, нуждающихся в жилье, за исследуемый период снижается. Так, в 2018 г. количество снизилось на 70 тыс. семей, в 2019 г. — на 84 тыс. семей, в 2020 г. — на 19 тыс. семей. Между тем число домашних хозяйств, нуждающихся в жилье в 2021 г., увеличилось на 164 тыс. семей. Параллельно количество домашних хозяйств (включая одиноких), улучшивших жилищные условия и получивших жилые помещения с 2018 г., снижается на 6 тыс., в 2019 г. — также на 6 тыс., в 2020 г. — на 17 тыс. семей. В 2021 г. данный показатель увеличился на 2 тыс. семей.

Отметим, что за исследуемый период удельный вес семей, нуждающихся в жилье, в общем количестве семей в России остается стабильным и составляет 4-5%.

Далее представляется целесообразным осуществить анализ количества образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры (рис. 6).

Таким образом, можно заметить снижение количества образовательных организаций высшего образования. Наименьшее их количество наблюдается в 2021 г. (720 ед.). Причина массового уменьшения числа вузов в России обоснована тем, что к учебным заведениям стали предъявлять более строгие и актуальные требования для получения лицензий и аккредитации.

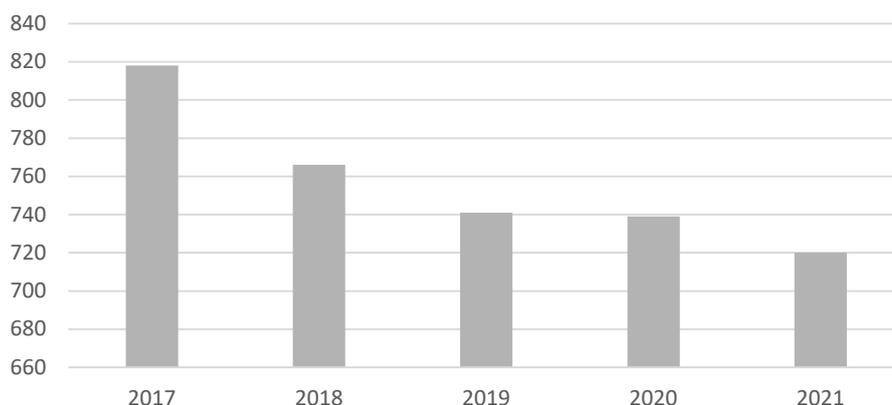

Рис. 6. Динамика образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в России за 2017-2021 гг., ед.

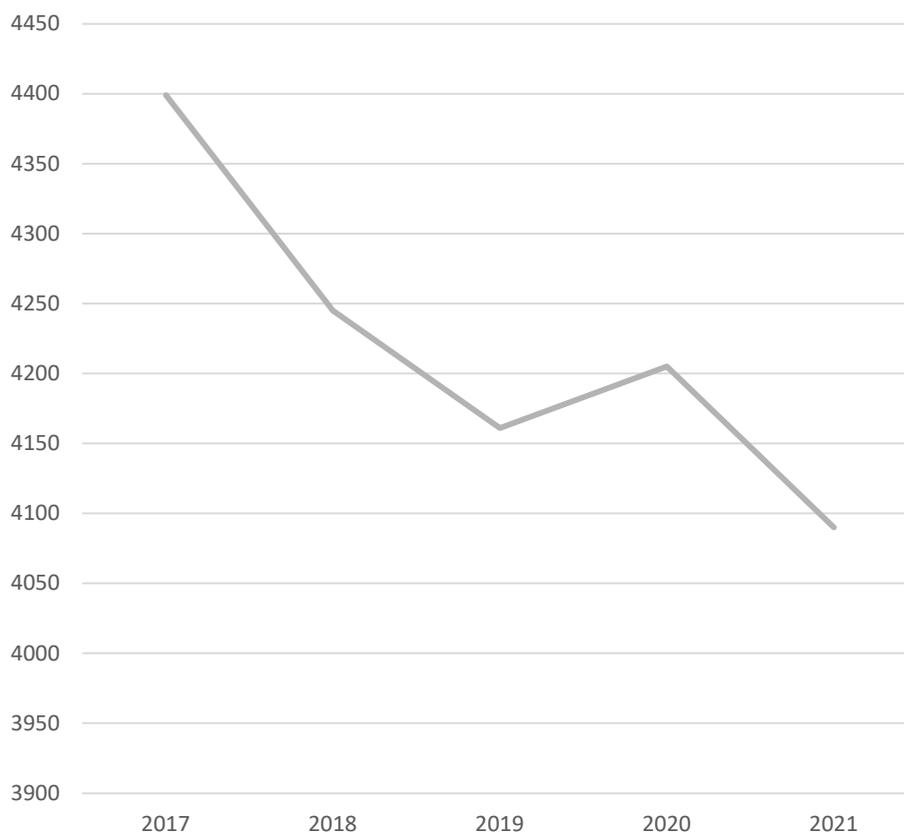
Fig. 6. Dynamics of educational organizations of higher education and scientific organizations teaching bachelor, specialist, and master studies in Russia in 2017-2021, units

Далее проанализируем данные по количеству студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования (рис. 7).

Стоит отметить, что число студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования, стремительно снижается. Так, в 2018 г. число сократилось на 3,5%, в 2019 г. — на 1,9%. Это связано с сокращением количества образовательных организаций высшего образования.

Таким образом, проанализировав ключевые индикаторы качества жизни населения в России, можно сделать вывод, что жилищные условия населения улучшились за последние годы, т. к. сократилось число семей, нуждающихся в жилье. В области образования происходит сокращение образовательных организаций высшего образования и студентов, обучающихся в них, что говорит о повышении требований к таким организациям и студентам, зачисляемым по программам высшего образования, это может привести к повышению качества обучения. Всё выше перечисленное подтверждает влияние и прямую зависимость уровня и качества жизни населения в РФ на уровень экономического благосостояния страны.

В кризисные явления, тема повышения уровня и качества жизни населения встает наиболее остро. Представляется целесообразным применение всего спектра финансовых инструментов поддержки исследуемой сферы экономики. В этих рамках предлагается расходы федерального бюджета, реализуемые на социальную сферу, признавать не субсидиями, выдаваемыми на безвозвратной основе, а инвестициями в человеческий капитал. Так они будут являться одним из факторов повышения уровня экономического развития страны и повышения объема доходов, т. к. чем выше объем расходов бюджета на развитие социальной сферы, тем выше объем доходов бюджета в будущем.

Рис. 7. Динамика количества студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования России в 2017-2021 гг., тыс. чел.

Fig. 7. Dynamics of the higher education students studying in educational organizations number in Russia in 2017-2021, thous. people

Следующим инструментом повышения уровня и качества жизни населения РФ является обеспечение стабильности финансирования социальной сферы в реальном выражении наравне с увеличением эффективности расходов бюджета. Данная мера может осуществляться за счет комплекса мероприятий по поддержке уровня и качества жизни населения РФ, основными из которых являются создание Фонда поддержки семьи, действующего на целевой основе, построение концептуального подхода к организации системы по предоставлению услуг ухода за детьми ясельной группы до 3 лет и дошкольного возраста. Это позволит обеспечить возможность матерей совмещать заботу о детях и профессиональное развитие для стимулирование частных инвестиций.

Выводы

В настоящее время уровень и качество жизни выступают одними из значимых показателей социально-экономического развития государства, т. к. данные по-

казатели позволяют оценить устойчивость развития государства. В свою очередь, уровень и качество жизни являются показателями благосостояния государства.

На современном этапе ведется дискуссия по вопросу разграничения понятия уровня жизни и понятия качества жизни. Некоторые авторы не разграничивают данные понятия, в то время как другие имеют четкую разграничительную систему подбора критериев, определяющих каждое из данных понятий.

Уровень жизни раскрывается в соответствии с двумя подходами. Первый подход подразумевает раскрытие понятия в узком смысле слова, в рамках измерения объемов доходов и расходов населения. Второй подход подразумевает раскрытие данного понятия в широком смысле слова как степени развития общества и условий для жизни населения. Таким образом, представляется целесообразным определить уровень жизни как совокупность условий жизнедеятельности граждан в области потребления, которая проявляется в ходе развития потребительского спроса и особенностей его удовлетворения.

В понятие качества жизни включены характеристики, отражающие качество образования; здоровье граждан; уровень охраны природы; уровень духовного развития граждан. Следовательно, можно обобщить все аспекты и определить качество жизни как комплекс условий жизнедеятельности граждан, которые позволяют получать необходимые блага духовного и физического характера. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень жизни определяется количественными показателями, характеризующими уровень потребления граждан и уровня удовлетворения потребительского спроса. Качество жизни, в свою очередь, представляет собой определенный показатель, характеризующий социально-экономическое развитие государства, в области удовлетворения личностных потребностей граждан. Применение совокупности данных показателей позволяет оценить уровень благосостояния страны и его устойчивость.

В качестве основных показателей уровня жизни применялись: соотношение доли обеспеченного населения и доли бедного населения; объем национального дохода, уровень производительности труда, динамика развития социальной сферы и т. п. Данные показатели позволяют в дальнейшем спрогнозировать динамику уровня и качества жизни.

Анализ представленных показателей определил вывод, что в 2021 г. многие показатели уровня жизни в России сократились, причиной чему являются кризисные условия, вызванные пандемией и ограничительными мерами. До 2019 г. показатели имели устойчивую положительную динамику. Анализ ключевых показателей, определяющих качество жизни населения в России, установил, что жилищные условия населения улучшились за последние годы, т. к. сократилось число семей, нуждающихся в жилье. В области образования происходит сокращение образовательных организаций высшего образования и студентов, обучающихся в них, что говорит о повышении требований к таким организациям и студентам, зачисляемым по программам высшего образования, это может привести к повышению качества обучения.

Подводя итоги, можно сказать, что качество жизни в России всё еще остается на низком уровне. Для его повышения представляется целесообразным расходы федерального бюджета России, реализуемые в рамках социальной политики, осуществлять не с помощью безвозвратных субсидий, а в качестве инвестиций. Это привлечет дополнительные инвестиции в экономику и позволит повысить уровень и качество жизни населения РФ, а также существенно повысить благосостояния страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимова Э. Ф. Уровень жизни и качество жизни как основные индикаторы социальной политики Российского государства / Э. Ф. Алимова, А. Юрыгина, Э. И. Шамсехаметова // Вестник Казанского технологического университета. 2018. № 3. С. 195-201.
2. Биктимирова З. З. Качество жизни: теоретические подходы и методы измерения / З. З. Биктимирова // Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 2018. С. 201-212.
3. Богомазова М. А. Доходы и уровень жизни населения в России / М. А. Богомазова // Молодой ученый. 2019. № 7. С. 14-25.
4. Бусоедов И. А. Показатели качества жизни / И. А. Бусоедов, Т. А. Гребенюк // Молодой ученый. 2019. № 26. С. 258-260.
5. Городнова Н. В. Повышение качества жизни населения в современных экономических условиях России / Н. В. Городнова // Экономические науки. 2019. № 5. С. 23-29.
6. Дендак Г. М. Уровень и качество жизни населения в России: региональный аспект / Г. М. Дендак // Политика, экономика и инновации. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya-v-rossii-regionalnyu-aspekt> (дата обращения: 16.08.2022).
7. Калиногорский Н. А. Повышение качества жизни на основе автоматизации управления / Н. А. Калиногорский. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. 2018. № 3. С. 47-49.
8. Кохановская И. И. Об актуальности решения проблем регионального устойчивого развития / И. И. Кохановская // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2017. № 3 (21). С. 83-87.
9. Меньшикова М. А. Теоретико-методологические подходы к оценке уровня и качества жизни населения / М. А. Меньшикова, К. В. Коптева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 11-13.
10. Нуралиева Э. Ш. Показатели оценки качества жизни населения / Э. Ш. Нуралиева // Стратегическое развитие социально-экономических систем. 2019. № 6. С. 14-26.
11. Порфирьев Б. Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020-2024 гг. и на период до 2035 г. / Б. Н. Порфирьев // Экономические науки. 2020. № 3. С. 40-49.
12. Соболев Т. С. Современный уровень и качество жизни населения России / Т. С. Соболев // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2018. № 2 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyu-uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya-rossii> (дата обращения: 16.08.2022).

13. Теске Г. П. Особенности методов исследования качества жизни населения региона / Г. П. Теске, Т. Ю. Радиловская // Вестник ЧелГУ. 2020. № 2 (436). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metodov-issledovaniya-kachestva-zhizni-naseleniya-regiona> (дата обращения: 16.08.2022).
14. Bramley G. Urban Form and Social Sustainability: The Role of Density and Housing Type / G. Bramley, S. Power // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2009. Vol. 36. No. 1. Pp. 30-48. DOI: 10.1068/b33129
15. Burton E. The potential of the compact city for promoting social equity // Achieving Sustainable Urban Form / К. Williams, E. Burton, M. Jenks (eds.). London: Spon, 2000. Pp. 19-29.

Kristina A. ZAKHAROVA¹

Nurken E. AKTAEV²

Nadezhda V. IVANOVA³

UDC 336.63

**INTERRELATIONSHIP AND INTERDEPENDENCE
OF THE LIFE POPULATION QUALITY AND THE GENERAL LEVEL
OF THE STATE ECONOMIC WELL-BEING***

¹ Cand. Sci. (Econ.), Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
kr.a.zakharova@utmn.ru

² Cand. Sci. (Phys.-Math.), Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
n.e.aktaev@utmn.ru

³ Senior Lecturer,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
n.v.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6674-2179

Abstract

At present, the level of economic well-being of each country is subject to crisis trends. A state's well-being is defined as the support of the population and the provision of material, social, and spiritual necessities of life. The level of well-being depends directly on the nature of economic relations and the degree of improvement of productive forces. For the most part, this relationship is examined from the point of view of the effectiveness of a country's social

---

* The research was supported by the Russian Foundation Basic Research and Tyumen Region within the framework of research project No. 20-410-720008.

Citation: Zakharova K. A., Aktaev N. E., Ivanova N. V. 2022. "Interrelationship and interdependence of the life population quality and the general level of the State economic well-being". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 211-228. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-211-228

and economic policies. It is therefore important to maintain a decent standard of living and quality of life.

This article conducts a statistical analysis of living standards in the Russian Federation and its current state, using a system of indicators, which reflect the mutual influence of key indicators of economic development of the country on the quality of life of the population. Additionally, this article employs a conceptual approach to studying previous economic research on identification of dependencies of improvement of population's quality of life and the level of the country's economic well-being. This, in turn, leads to the analysis of the already formed state of welfare of the state and to determining the dynamics of the development of welfare in comparison with previous years.

The results show that forecasting further dynamics of the state's welfare development helps in studying the factors that influence the changes in the level and quality of life of the state's citizens. These include the creation of additional jobs, the improvement of the educational environment, the equalization of social disparities, and the dynamics of labour productivity, among others. These factors have a direct impact on the socio-economic development of the country as a whole, and a single territory.

Keywords

Life quality, living standards, state welfare, socio-economic development, poor economy, crisis, population welfare, social security.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-211-228

REFERENCES

1. Alimova E. F. 2018. "Living standards and quality of life as the main indicators of social policy of the Russian state". *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 195-201. [In Russian]
2. Biktimirova Z. Z. 2018. *Quality of Life: Theoretical Approaches and Methods of Measurement*. Ekaterinburg: IE UrO RAN. Pp. 201-212. [In Russian]
3. Bogomazova M. A. 2019. "Income and standard of living in Russia". *Molodoy uchenyy*, no. 7, pp. 14-25. [In Russian]
4. Busoedov I. A., Grebenyuk T. A. 2019. "Quality of life indicators". *Molodoy uchenyy*, no. 26, pp. 258-260. [In Russian]
5. Gorodnova N. V. 2019. "Improvement of the quality of life of the population in the modern economic conditions of Russia". *Ekonomicheskie nauki*, no. 5, pp. 23-29. [In Russian]
6. Dendak G. M. 2016. "Level and quality of life of the population in Russia: regional aspect". *Politika, ekonomika i innovatsii*, no. 5. Accessed 16 August 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya-v-rossii-regionalnyy-aspekt> [In Russian]
7. Kalinogorskiy N. A. 2018. *Improvement of the Quality of Life Using Management Automation*. Vol. 3, pp. 47-49. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. [In Russian]
8. Kokhanovskaya I. I. 2017. "On the relevance of solving the problems of regional sustainable development". *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 3 (21), pp. 83-87. [In Russian]

9. Menshikova M. A., Kopteva K. V. 2019. "Theoretical and methodological approaches to evaluating population's quality of life". *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*, no. 2, pp. 11-13. [In Russian]
10. Nuralieva E. Sh. 2019. "Indicators of quality-of-life assessment". *Strategicheskoe razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh sistem*, no. 6, pp. 14-26. [In Russian]
11. Porfiryev B. N. 2020. "Main directions of socio-economic development in 2020-2024 and up to 2035". *Ekonomicheskie nauki*, no. 3, pp. 40-49. [In Russian]
12. Sobol T. S. 2018. "Modern level and quality of life of the population of Russia". *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie*, no. 2 (25). Accessed 16 August 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-uroven-i-kachestvo-zhizni-naseleniya-rossii> [In Russian]
13. Teske G. P., Radilovskaya T. Yu. 2020. "Features of methods for studying the quality of life of the population of the region". *Vestnik ChelGU*, no. 2 (436). Accessed 16 August 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-metodov-issledovaniya-kachestva-zhizni-naseleniya-regiona> [In Russian]
14. Bramley G., Power S. 2009. "Urban form and social sustainability: the role of density and housing type". *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 36, no. 1, pp. 30-48. DOI: 10.1068/b33129
15. Burton E. 2000. "The potential of the compact city for promoting social equity". In: Williams K., Burton E., Jenks M. (eds.). *Achieving Sustainable Urban Form*, pp. 19-29. London: Spon.

Елена Сергеевна ВЫЛКОВА¹
Наталья Владимировна ПОКРОВСКАЯ²

УДК 336.22

ЗАВИСИМОСТЬ УРОВНЯ НАЛОГОВОГО БРЕМЕНИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОТ ВИДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МАСШТАБА (НА ПРИМЕРЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

¹ доктор экономических наук, профессор кафедры экономики,
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
vylkova-es@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-3736-9683

² кандидат экономических наук,
доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента,
Санкт-Петербургский государственный университет
n.pokrovskaja@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-8314-9470

Аннотация

Многие научные работы зарубежных и отечественных авторов посвящены многоплановым исследованиям налогового бремени, нагрузки и тяжести налогообложения. Однако до настоящего времени не были изучены территориальный и отраслевые параметры налогового бремени с учетом масштабов компаний.

Целью исследования является анализ уровня налогового бремени предприятий исходя из видов экономической деятельности и масштабов предприятий на примере Санкт-Петербурга с акцентом на приоритетные отрасли. На основе показателей, содержащихся в налоговом калькуляторе ФНС РФ, сформированы данные для статистического анализа распределения значений налогового бремени предприятий Санкт-Петербурга по шкалам масштаба с учетом вида деятельности по данным 2020 г. Также проведены

Цитирование: Вылкова Е. С. Зависимость уровня налогового бремени предприятий от вида экономической деятельности и масштаба (на примере г. Санкт-Петербурга) / Е. С. Вылкова, Н. В. Покровская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 229-247. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-229-247

сравнения средних значений налогового бремени по виду деятельности и его отклонения в зависимости от масштабов предприятий. Параметры распределения значений налогового бремени предприятий Санкт-Петербурга стали основой для дальнейшего анализа. Произведена группировка отраслей в зависимости от уровня значения налогового бремени с акцентом на приоритетные отрасли с выделением групп отраслей с относительно стабильно низким, высоким и переменным низким и высоким налоговым бременем при любом масштабе предприятий с разбивкой названных групп исходя из динамики налогового бремени с увеличением масштаба деятельности.

Выявлено, что в трех видах деятельности уровень налогового бремени выше, чем в среднем по предприятиям соответствующего масштаба: деятельность в области информационных технологий, научные исследования и разработки, деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма, что свидетельствует о недостаточном уровне поддержки данных отраслей налоговыми способами и методами, а также о наличии у предприятий данных отраслей значимых резервов по оптимизации их налогообложения.

Внесены предложения по вариантам реформирования имущественного налогообложения предприятий приоритетных отраслей и по вариантам эффективного управления их налогообложения.

Ключевые слова

Финансы, налоги и налогообложение, налоговое бремя, вид экономической деятельности, масштаб предприятия, налоговые реформы, управление налогообложением, имущественное налогообложение.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-229-247

Введение

Наглядным проявлением налогообложения в государстве для страны в целом, ее территорий, бизнеса и граждан, является величина налогового бремени и тяжести налогообложения. Исследование различных аспектов налогового бремени в научных работах получило свое распространение с начала XX в. [8, 14]. В зарубежной литературе ключевым анализируемым понятием является «tax burden» (налоговое бремя), однако для его оценки чаще всего используют другие показатели. Широкое распространения с 1970-х гг. получили межстрановые сравнения налогового бремени. В качестве показателя налогового бремени на уровне страны используется соотношение налоговых поступлений и ВВП [20], а также различного рода эффективные ставки [15, 30]. Средние эффективные ставки рассчитываются для налогообложения различных факторов — капитала, потребления, труда и т. д. Общая идея расчета ставок предполагает соотношение рассчитанных налогов к налоговой базе, при этом методология выбора данных для числителя и знаменателя формулы развивается [18, 24, 29]. Налоговое бремя оценивается не только для стран, но и для территорий внутри страны [17].

Отдельным направлением для изучения является анализ налогового бремени по отдельным объектам и субъектам налогообложения, в частности, для населения и корпоративного сектора. Для межстрановых, исторических и отраслевых сравнений налогообложения бизнеса широко применяется концепция эффективной ставки налога на прибыль корпораций [16, 22, 23, 25, 28], которая предполагает характеристику соотношения обязательства по налогу на прибыль и различных модификаций показателя прибыли. Вместе с тем корпоративное налоговое бремя не исчерпывается бременем по налогу на прибыль корпораций, потому предпринимаются попытки расчета совокупного бремени корпораций, включающего обязательства по различным корпоративным налогам. Подходы к оценке корпоративного налогового бремени предполагают расчет разнообразных комбинаций эффективной налоговой ставки (Effective tax rate) [19], эффективной предельной ставки (Effective marginal tax rates) [26], эффективной средней налоговой ставки (Effective average tax rates) [27] и других. Хотя наполнение формул расчета эффективных ставок у авторов различаются, общим для этих подходов является соотношение налоговых обязательств и различных показателей финансового результата (прибыли до и после налогообложения или других схожих показателей).

На подходы к трактовке налогового бремени в работах отечественных ученых [1, 3] существенное влияние оказывают достаточно противоречивые и этимологически невыверенные оценки налоговой нагрузки и налогового бремени Минфина РФ и ФНС РФ [4]. Авторами данного исследования для корпоративного уровня разделяются абсолютный показатель налоговой нагрузки, рассчитываемый как величина уплаченных предприятием налогов и сборов; относительный показатель тяжести налогообложения, рассчитываемый как величина уплаченных налогов и налоговых обязательств по отношению к обороту брутто; относительный показатель налогового бремени предприятия, рассчитываемый как соотношение величины уплаченных налогов и оборота брутто предприятия (подробнее см. [4]). Важными направлениями описательной характеристики налогового бремени российских предприятий являются оценки в зависимости от территории [2, 11, 12] или вида деятельности [9, 10, 21]. По нашему мнению, комплексное представление величины налогового бремени российских предприятий требует объединения территориального и отраслевых параметров налогового бремени [6] с учетом масштабов предприятий.

Цель данного исследования — охарактеризовать уровень налогового бремени предприятий с акцентом на вид экономической деятельности и масштабы предприятия на примере Санкт-Петербурга с учетом приоритетных отраслей.

Методология

Основой для характеристики налогового бремени предприятий являются сведения Налогового калькулятора Федеральной налоговой службы РФ «налоговая нагрузка для организаций на общем режиме налогообложения», показатель «совокупная нагрузка (с учетом НДС и акцизов)», оцениваемый в процентах

от величины выручки предприятия. Отметим еще раз терминологические расхождения авторской позиции и статистических материалов ФНС России в наименовании показателей корпоративного налогового бремени (авторы в дальнейшем именуют относительный показатель уплаченных налогов и выручки предприятия как «налоговое бремя»).

Исходные данные Налогового калькулятора Федеральной налоговой службы РФ имеют четыре измерения: налоговый период (на момент проведения исследования доступны были данные по 2018, 2019 и 2020 г.), вид экономической деятельности, субъект РФ, масштаб деятельности.

Фокус исследования на Санкт-Петербурге predetermined выбор данных о налоговом бремени предприятий именно этого субъекта РФ; период исследования 2020 г. В выборку вошли данные по всем семидесяти представленным в Налоговом калькуляторе видам деятельности.

Исходя из масштабов деятельности отдельно рассматривались следующие типы предприятий:

- микропредприятие (выручка до 30 млн руб.)
- микропредприятие (выручка от 30 до 120 млн руб.)
- малое предприятие (выручка от 120 до 500 млн руб.)
- малое предприятие (выручка от 500 до 800 млн руб.)
- среднее предприятие (выручка от 800 до 2 000 млн руб.)
- крупное предприятие (свыше 2 000 млн руб.)

При описании результатов масштаб деятельности предприятия характеризовался исходя из величины выручки.

Исходя из цели исследования, предполагалось три последовательных этапа работы.

Первый этап — описательная статистика распределения значений налогового бремени предприятий Санкт-Петербурга по шести шкалам масштаба с учетом вида деятельности. Статистическими показателями распределения значений являлись: среднее значение, стандартная ошибка, стандартное отклонение, дисперсия выборки, асимметричность, интервал, наименьшее и наибольшее значения для характеристики размаха вариации. Для микропредприятий с выручкой до 30 млн руб. и крупных предприятий с выручкой свыше 2 000 млн руб. статистический анализ распределения значений налогового бремени предприятий по видам деятельности предполагал исключение выбросов значений.

На втором этапе на основе полученных показателей распределения значений налогового бремени были проведены сравнения средних значений налогового бремени по виду деятельности и соответствующих показателей бремени по шести шкалам масштаба. Для каждого вида деятельности определено, является ли налоговое бремя предприятий соответствующей отрасли относительно стабильно низким или высоким при любом масштабе предприятий; или следует констатировать переменное низкое и высокое налоговое бремя для предприятий

разного масштаба. Для каждой из групп выделялись также виды деятельности с налоговым бременем, снижающимся, возрастающим или хаотично изменяющимся с увеличением масштаба деятельности.

Третий этап предполагал соотнесение полученных параметров налогового бремени предприятий Санкт-Петербурга с учетом масштаба деятельности и видов деятельности, декларируемых как приоритетные для развития субъекта федерации.

Результаты

Характеристика распределения значений налогового бремени предприятий Санкт-Петербурга в зависимости от масштаба

Первоначально на основе сформированных данных были исчислены показатели распределения, приводимые в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

**Показатели распределения значений
налогового бремени предприятий
Санкт-Петербурга за 2020 г.
в зависимости от масштаба**

**Indicators of the distribution
of the values of the tax burden
of St. Petersburg enterprises for 2020,
depending on the scale**

Масштаб предприятия ¹	до 30	от 30 до 120	от 120 до 500	от 500 до 800	от 800 до 2 000	свыше 2 000
1. Среднее	8,07	5,19	6,55	5,48	6,38	7,31
2. Стандартная ошибка	0,78	0,73	0,86	0,45	0,89	0,97
3. Стандартное отклонение	6,45	5,59	7,16	3,45	6,83	7,27
4. Дисперсия выборки	41,63	31,20	51,24	11,92	46,64	52,86
5. Асимметричность	2,80	3,87	2,90	0,30	3,23	2,70
6. Интервал	39,31	38,19	38,9867	13,31	43,83	42,06
7. Наименьшее значение	1,23	0	0,0133	0,01	0,15	0,04
8. Наибольшее значение	40,54	38,19	39	13,32	43,98	42,1
9. Количество видов деятельности	69	59	69	60	59	56

¹ Единица измерения масштаба — млн руб.

¹ Unit of scale — mil. rub.

Необходимо отметить, что для обеспечения максимальной точности расчетов из них исключены выбросы: для масштаба предприятия до 30 млн руб. — вид деятельности 09 — Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых (налоговое бремя 115,64%), свыше 2 000 млн руб. — 12 — Производство табачных изделий (налоговое бремя 226,26%). В таблице 2 приводятся значения показателей для масштаба предприятия до 30 млн руб. и свыше 2 000 млн руб. до исключения выбросов.

Сравнение значений граф 2 таблиц 1 и 2 для микропредприятий и графы 7 таблицы 1 с графой 3 таблицы 2 для крупных предприятий свидетельствует об обоснованности исключения выбросов.

Таблица 2

**Показатели распределения значений
налогового бремени предприятий
Санкт-Петербурга за 2020 г.
до исключения выбросов**

Table 2

**Indicators of the distribution
of the values of the tax burden
of St. Petersburg enterprises for 2020
before the exclusion of emissions**

Масштаб предприятия¹	до 30	свыше 2 000
Среднее	9,61	11,15
Стандартная ошибка	1,72	3,96
Стандартное отклонение	14,36	29,88
Дисперсия выборки	206,33	892,97
Асимметричность	6,18	6,92
Интервал	114,41	226,22
Наименьшее значение	1,23	0,04
Наибольшее значение	115,64	226,26
Количество видов деятельности	70	57

¹ Единица измерения масштаба — млн руб.

¹ Unit of scale — mil. rub.

Данные из таблицы 1 возможно обоснованно использовать для дальнейших расчетов.

*Тенденции динамики налогового бремени предприятий Санкт-Петербурга
в 2020 г. по видам деятельности*

В конкретном регионе РФ целесообразно выделять виды деятельности, имеющие:

- 1) относительно стабильно низкое налоговое бремя при любом масштабе предприятий (ниже, чем среднее значение по всем типам предприятий отрасли);
- 2) относительно стабильно высокое налоговое бремя при любом масштабе предприятий (выше, чем среднее значение по всем типам предприятий отрасли);
- 3) переменное низкое и высокое налоговое бремя для предприятий разного масштаба.

При этом для каждой из указанных групп отраслей может быть ситуация, что

- 1) налоговое бремя, снижающееся с увеличением масштаба деятельности;
- 2) налоговое бремя, возрастающее с увеличением масштаба деятельности;
- 3) хаотичное изменение налогового бремени с увеличением масштаба деятельности.

В результате сравнения приведенных в таблице 1 данных по средним значениям налогового бремени с учетом НДС и акцизов по типам предприятий исходя из масштаба (строка 1) с показателями налогового бремени по тому или иному из 70 видов деятельности, сформированы группы (перечни) отраслей в зависимости от уровня значения налогового бремени.

Группа 1. Виды деятельности, имеющие относительно стабильно низкое налоговое бремя при любом масштабе предприятий (в данную группу нами включены отрасли, в которых для предприятий по более чем трех масштабам значения налогового бремени ниже средних значений, а если представлено меньшее количество масштабам, то по более чем половине из представленных масштабам).

Группа 2. Виды деятельности, имеющие относительно стабильно высокое налоговое бремя при любом масштабе предприятий (в данную группу нами включены отрасли, в которых для предприятий более чем половины представленных масштабам значения налогового бремени выше средних значений).

Группа 3. Переменно низкое и высокое налоговое бремя для предприятий разного масштаба (в данную группу нами включены отрасли, в которых ровно у половины представленных масштабам значения налогового бремени выше средних значений, а у второй — ниже).

При этом для всех указанных групп может быть ситуация, что:

- 1) налоговое бремя снижается с увеличением масштаба деятельности (снижение последовательно наблюдается по трем и более масштабам, или по половине и более имеющихся масштабам);
- 2) налоговое бремя возрастает с увеличением масштаба деятельности (увеличение последовательно наблюдается по трем и более масштабам, или по половине и более имеющихся масштабам);
- 3) хаотичное изменение налогового бремени с увеличением масштаба деятельности.

В рамках осуществленной группировки нами фокусируется внимание на значении показателей в приоритетных отраслях.

Необходимо отметить, что в рамках реализации Программы первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности Санкт-Петербурга определены приоритетные отрасли (виды экономической деятельности), способные обеспечить устойчивый рост экономики Санкт-Петербурга, включающие в себя:

1. Фармацевтическая промышленность (производство основной фармацевтической продукции и Медицина (оказание медицинских услуг и производство медицинского оборудования) (входят в состав 21 — Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях).
2. Производство двигателей (в т. ч. генераторов и трансформаторов) и Производство станков (входят в состав 28 — Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки).
3. Производство транспортных средств (29 — Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов).
4. Судостроение (входит в 30 — Производство прочих транспортных средств и оборудования).
5. Деятельность транспорта (строительство транспортной инфраструктуры) (входит в 42 — Строительство инженерных сооружений).

6. Производство электрооборудования (радиоэлектроника и оптика) (входит в 43 — Работы строительные специализированные).
7. Деятельность в области грузовых и пассажирских перевозок (входит в 49 — Деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта).
8. Информационные технологии (63 — Деятельность в области информационных технологий).
9. Научные исследования и разработки (72 — Научные исследования и разработки).
10. Туризм (79 — Деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма).

Относимая к приоритетным отрасль «Образование (среднее и высшее образование)» с кодом ОКВЭД 85 в калькуляторе налоговой нагрузки на сайте ФН РФ не представлена.

Приведем результаты группировки, используя указанные выше обозначения, выделяя во всех таблицах жирным шрифтом данные по приоритетным отраслям.

Таблица 3

Table 3

Виды экономической деятельности, входящие за 2020 г. в группу 1 по Санкт-Петербургу

Types of economic activity included in the group 1 for St. Petersburg in 2020

А	01 — Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях 03 — Рыболовство и рыбоводство 15 — Производство кожи и изделий из кожи 19 — Производство кокса и нефтепродуктов 21 — Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях 32 — Производство прочих готовых изделий 33 — Ремонт и монтаж машин и оборудования 35 — Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха 38 — Сбор, обработка и утилизация отходов; обработка вторичного сырья 45 — Торговля оптовая и розничная автотранспортными средствами и мотоциклами и их ремонт 46 — Торговля оптовая, кроме оптовой торговли автотранспортными средствами и мотоциклами 58 — Деятельность издательская 59 — Производство кинофильмов, видеофильмов и телевизионных программ, издание звукозаписей и нот 64 — Деятельность по предоставлению финансовых услуг, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению 73 — Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка 90 — Деятельность творческая, деятельность в области искусства и организации развлечений
---	--

Б	02 — Лесоводство и лесозаготовки 16 — Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения 16 — Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения 16 — Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения 27 — Производство электрического оборудования 29 — Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов 47 — Торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами 52 — Складское хозяйство и вспомогательная транспортная деятельность 74 — Деятельность профессиональная научная и техническая прочая 86 — Деятельность в области здравоохранения
В	10 — Производство пищевых продуктов 14 — Производство одежды 17 — Производство бумаги и бумажных изделий 18 — Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации 23 — Производство прочей неметаллической минеральной продукции 24 — Производство металлургическое 25 — Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования 28 — Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки 31 — Производство мебели 37 — Сбор и обработка сточных вод 41 — Строительство зданий 42 — Строительство инженерных сооружений 43 — Работы строительные специализированные 49 — Деятельность сухопутного и трубопроводного транспорта 51 — Деятельность воздушного и космического транспорта 56 — Деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков 78 — Деятельность по трудоустройству и подбору персонала 82 — Деятельность административно-хозяйственная, вспомогательная деятельность по обеспечению функционирования организации, деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса 95 — Ремонт компьютеров, предметов личного потребления и хозяйственно-бытового 96 — Деятельность по предоставлению прочих персональных услуг назначения

Из 70 видов деятельности обнаружен низкий уровень налогового бремени в подавляющем большинстве — в 45, из которых:

- в 20 видах деятельности тенденция изменения налогового бремени в зависимости от масштаба носит хаотичный характер;
- в 16 видах деятельности уровень налогового бремени снижается при возрастании масштаба;
- в 9 видах деятельности уровень налогового бремени увеличивается при возрастании масштаба.

Все указанные в таблице 3 виды экономической деятельности следует идентифицировать как имеющие либо существенные налоговые преференции, либо осуществляющие грамотное и эффективное управление налогообложением, а скорее всего и то и другое. При этом экономически логично считать, что предприятия, входящие в группу 1А, у которых налоговое бремя снижается с увеличением масштаба деятельности, с большей долей вероятности имеют успехи в налоговом планировании, оплачивая с возрастанием масштаба всё большие суммы внутренним специалистам в сфере налогообложения и внешним консультантам. Предприятия, входящие в группу 1Б, у которых налоговое бремя увеличивается с увеличением масштаба деятельности, с большей долей вероятности не используют все возможности управления налогообложением и имеют существенные резервы в этом вопросе. Для более точных выводов относительно состояния налогового планирования на предприятиях группы 1В необходимы дополнительные сведения, выходящие за рамки данной статьи.

Таблица 4

Table 4.

Виды экономической деятельности, входящие за 2020 г. в группу 2 по Санкт-Петербургу

Types of economic activity included in the group 2 for St. Petersburg in 2020

А	09 — Предоставление услуг в области добычи полезных ископаемых 55 — Деятельность по предоставлению мест для временного проживания 62 — Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги 68 — Операции с недвижимым имуществом
Б	12 — Производство табачных изделий 26 — Производство компьютеров, электронных и оптических изделий 53 — Деятельность почтовой связи и курьерская деятельность 60 — Деятельность в области телевизионного и радиовещания 75 — Деятельность ветеринарная 79 — Деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма
В	11 — Производство напитков 20 — Производство химических веществ и химических продуктов 39 — Предоставление услуг в области ликвидации последствий загрязнений и прочих услуг, связанных с удалением отходов 50 — Деятельность водного транспорта 63 — Деятельность в области информационных технологий 69 — Деятельность в области права и бухгалтерского учета 70 — Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления 71 — Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа 72 — Научные исследования и разработки 77 — Аренда и лизинг 81 — Деятельность по обслуживанию зданий и территорий

Для 21 из 70 видов деятельности характерен уровень налогового бремени выше среднего по соответствующему масштабу:

- в 11 видах деятельности тенденция изменения налогового бремени в зависимости от масштаба носит хаотичный характер;
- в 4 видах деятельности уровень налогового бремени снижается при возрастании масштаба;
- в 6 видах деятельности уровень налогового бремени увеличивается при возрастании масштаба.

Все указанные в таблице 4 виды экономической деятельности либо не имеют существенных налоговых преференций, либо у них нет четкой системы управления налогообложением, а скорее всего, и то и другое.

Таблица 5

Table 5

Виды экономической деятельности, входящие за 2020 г. в группу 3 по Санкт-Петербургу

Types of economic activity included in the group 3 for St. Petersburg in 2020

А	36 — Забор, очистка и распределение воды
Б	30 — Производство прочих транспортных средств и оборудования
В	13 — Производство текстильных изделий 61 — Деятельность в сфере телекоммуникаций

Только в 4 из 70 видах деятельности уровень налогового бремени по предприятиям разного масштаба в равной степени то выше, то ниже среднего:

- в 2 видах деятельности тенденция изменения налогового бремени в зависимости от масштаба носит хаотичный характер;
- в 1 виде деятельности уровень налогового бремени увеличивается при возрастании масштаба;
- в 1 виде деятельности уровень налогового бремени уменьшается при возрастании масштаба.

Налоговое бремя в приоритетных отраслях Санкт-Петербурга и реформирование налогообложения в них

Данные таблиц 3-5 свидетельствуют, что из 10 приоритетных отраслей Санкт-Петербурга уровень налогового бремени (даже с учетом того, что приоритетные отрасли входят в состав более широкого вида деятельности) ниже, чем в среднем по предприятиям соответствующего масштаба. Это свидетельствует о том, что у этих отраслей есть законные возможности снижения налогового бремени за счет использования налоговых преференций, установленных на федеральном и региональном уровне, т. е. государство их реально поддерживает и считает действительно приоритетными.

В производстве прочих транспортных средств и оборудования уровень налогового бремени то ниже, то выше по сравнению со средними значениями.

В 3 видах деятельности уровень налогового бремени выше, чем в среднем по предприятиям соответствующего масштаба.

Таблица 6

Table 6

**Приоритетные отрасли СПб,
имеющие в 2020 г. уровень налогового
бремени выше среднего**

**Priority sectors of St. Petersburg with
an above-average tax burden in 2020**

Вид деятельности	Масштаб (млн руб.)	Масштаб (млн руб.)					Среднее по виду деятельности для всех масштабов	
		до 30	от 30 до 120	от 120 до 500	от 500 до 800	от 800 до 2 000		свыше 2 000
63 — Деятельность в области информационных технологий		9,99	5,8	39	8,01	11,21	12,25	14,4
72 — Научные исследования и разработки		13,45	7,88	9,21	7,33	7,27	6,75	8,6
79 — Деятельность туристических агентств и прочих организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма		10,37	—	11,5	—	—	—	10,9
Среднее по масштабу для всех видов деятельности		8,07	5,19	6,55	5,48	6,38	7,31	11,3
								6,5

Высокое налоговое бремя свидетельствует, что уровень поддержки приведенных в таблице 6 приоритетных отраслей налоговыми способами и методами недостаточный и необходимо оперативно и глубоко реформировать их налогообложение. Из таблицы 6 видно, что наибольшее превышение среднего уровня налогового бремени в 2020 г. в Санкт-Петербурге чаще всего было у предприятий, работающих в сфере ИТ (для малых, средних и крупных предприятий). Согласно данным таблицы 6 в сфере научных исследований и разработок уровень налогового бремени ниже среднего только у микропредприятий (масштаб до 30 млн руб. и от 30 до 120 млн руб.).

Такая ситуация свидетельствует, что предприятия сферы информационных технологий остро нуждаются в более существенной государственной поддержке налоговыми способами и методами, так как предоставляемые им налоговые преференции явно недостаточны. Это также говорит о том, что у предприятий данных отраслей есть резервы по оптимизации их налогообложения, грамотного управления им.

В 2021-2022 гг. принят ряд законодательных актов, расширяющих налоговую поддержку IT-отрасли. Прежде всего, это налоговый маневр, предусматривающий снижение ставки налога на прибыль организаций до 3% и тарифа страховых взносов до 7,6%.

Государственная Дума РФ 5 июля 2022 г. приняла в третьем чтении закон по установлению инвестиционного налогового вычета для целей налогообложения прибыли IT-компаний по расходам на программное обеспечение, находящееся в реестре российского софта и основных средств, входящих единый реестр российской радиоэлектронной продукции. В Законодательном собрании Санкт-Петербурга в марте 2022 г. одобрены изменения в закон города «О налоговых льготах», в части уменьшения для предприятий сферы IT в два раза ставки налога на прибыль, применяемой в целях исчисления предельной величины инвестиционного налогового вычета за НИОКР, установления для них дополнительных льгот по модернизации и реконструкции основных средств.

Смеем выразить надежду, что внесенные налоговые новации положительно скажутся на снижении налогового бремени предприятий IT-сферы. Однако мы полагаем, что их явно недостаточно даже несмотря на дополнительные фискальные льготы, установленные законодательством в условиях пандемии перечисленным в таблице 6 отраслям. В условиях беспрецедентных экономических санкций данные виды деятельности обязательно должны получить большее количество налоговых преференций в части порядка исчисления и уплаты налогов. Поскольку в данной статье рассматривается только один субъект РФ — Санкт-Петербург — вне сравнения с другими субъектами СЗФО и России, то здесь мы приводим лишь возможные варианты реформирования такого регионального налога как налог на имущество организаций. Раз приведенные выше налоговые новации для предприятий IT-сферы в той или иной степени касались основных средств и инвестиций, мы считаем целесообразным освобождение от налога на имущество организаций компаний приоритетных отраслей. Реформирование налогообложения имущества организаций приоритетных видов деятельности следует осуществлять на основе глубокого изучения передового зарубежного опыта и имеющихся наработок российских исследователей [5, 13]. При этом необходимо указать, что предприятиям как приоритетных, так и всех других отраслей экономики не следует лишь уповать на послабления налогового гнета со стороны государства в виде тех или иных преференций, но и необходимо эффективно управлять своим налогообложением, используя все возможные законные методы и способы его оптимизации [7].

Заключение

Проведенное исследование позволило на основе анализа уровня налогового бремени предприятий исходя из видов экономической деятельности и масштабов организаций на примере Санкт-Петербурга с акцентом на приоритетные отрасли, выявить отрасли со стабильно низким уровнем налогового бремени, у которых есть достаточно сильная поддержка налоговыми способами и мето-

дами со стороны государства и высокий уровень корпоративного управления налогообложением. Выявленные отрасли со стабильно высоким уровнем налогового бремени нуждаются в большем количестве налоговых преференций и их предприятиям необходимо осуществлять более грамотную оптимизацию налогообложения, что касается, прежде всего, приоритетных отраслей.

Сформулированные для приоритетных отраслей варианты реформирования их налогообложения и совершенствования управления налогообложением их предприятий, создают основу для дальнейшей детализации.

Перспективные направления дальнейших исследований территориальных и отраслевых параметров налогового бремени с учетом масштабов компаний включают в себя:

- анализ показателей по Санкт-Петербургу или другим конкретным регионам РФ за ряд лет;
- обобщение данных по субъектам того или иного федерального округа и РФ в целом как за один год, так и за ряд лет.

Всестороннее изучение и детальная проработка различных аспектов нового направления научных исследований уровня налогового бремени компаний исходя из видов экономической деятельности и масштабов предприятий призваны способствовать росту экономики РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баннова К. А. Математическое моделирование максимизации выпуска продукции при формировании оптимальной налоговой нагрузки / К. А. Баннова, Н. Е. Актаев // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2017. № 2 (82). С. 33-38.
2. Буров В. Ю. Малое предпринимательство в пространственном развитии региона / В. Ю. Буров // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2. С. 78-83.
3. Викторова Н. Г. Тяжесть налогообложения: понятийный аппарат / Н. Г. Викторова // Налоги и финансовое право. 2011. № 11. С. 254-256.
4. Вылкова Е. С. Теоретические подходы к интерпретации налоговой нагрузки, налогового бремени и тяжести налогообложения / Е. С. Вылкова, Н. В. Покровская // Известия СПбГЭУ. 2021. № 4. С. 45-51.
5. Вылкова Е. С. Направления совершенствования имущественного налогообложения в Российской Федерации / Е. С. Вылкова // Экономика. Налоги. Право. 2019. Том 12. № 1. С. 127-136.
6. Вылкова Е. С. Оценка тяжести налогообложения компаний региона Российской Федерации в отраслевом разрезе / Е. С. Вылкова, Н. В. Покровская // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2021. Том 14. № 5. С. 46-58.
7. Вылкова Е. С. Энциклопедия управления налогообложением экономических субъектов / Е. С. Вылкова. СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2017. Том 1. Теоретические основы. 339 с.

8. Гензель П. П. Налоговое бремя в СССР и иностранных государствах / П. П. Гензель. М., 1928. 187 с.
9. Лаврентьева Е. А. Налоговое регулирование: теория и практика (на примере судоходного бизнеса) / Е. А. Лаврентьева, Г. А. Плавинская. СПб., 2007. 148 с.
10. Лаженцев В. Н. Налоговое администрирование в системе лесопользования и его влияние на бюджеты северных территорий / В. Н. Лаженцев, С. И. Чужмарова, А. И. Чужмаров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Том 13. № 1. С. 125-143. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.7
11. Невзорова Е. Н. Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России / Е. Н. Невзорова, А. П. Киреенко, И. А. Майбуров // *Экономика региона*. 2020. Том 16. № 2. С. 464-478.
12. Синенко О. А. Практика применения механизмов регулирования в особых экономических зонах и IT-кластерах как элемент развития цифровизации / О. А. Синенко // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2019. № 46. С. 251-264. DOI: 10.17223/19988648/46/17
13. Теоретико-методологические аспекты имущественного налогообложения юридических лиц / под ред. И. А. Майбурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 263 с.
14. Atrostic B. K. Measuring Tax Burden: A Historical Perspective / B. K. Atrostic, J. R. Nunns // *Fifty Years of Economic Measurement: The Jubilee of the Conference on Research in Income and Wealth*. University of Chicago Press, 1991. Pp. 343-420.
15. Celikay F. Dimensions of tax burden: a review on OECD countries / F. Celikay // *Journal of Economics, Finance and Administrative Science*. 2020. Vol 25. No. 49. Pp. 27-43. DOI: 10.1108/JEFAS-12-2018-0138
16. Dang D. Economic policy uncertainty, tax quotas and corporate tax burden: Evidence from China / D. Dang, H. Fang, M. He // *China Economic Review*. 2019. Vol. 56. Art. 101303. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.101303
17. Fedotov D. Yu. Tax burden and shadow economy growth in Russian regions / D. Yu. Fedotov // *Journal of Tax Reform*. 2021. Vol. 7 (3). Pp. 284-133. DOI: 10.15826/jtr.2021.7.3.104
18. Genschel Ph. Globalization, Tax Competition, and the Welfare State / Ph. Genschel // *Politics & Society*. 2002. Vol. 30 (2). Pp. 245-275.
19. Giday A. New Indicator to Measure Tax Burden — Proposal / A. Giday, T. Tatay // *Public Finance Quarterly*. 2020. Vol. 2. Pp. 263-283. DOI: 10.35551/PFQ_2020_2_7
20. Jedrzejowicz T. How to measure tax burden in an internationally comparable way? / T. Jedrzejowicz, G. Kiss, J. Jirsakova. NBP Working Papers. 2009. No. 56. Pp. 1-31.
21. Labunets Iu. E. The Impact of the Size of Enterprises on Tax Evasion in the Forestry Industry of Russia / Iu. E. Labunets, I. A. Maybuurov // *Journal of Tax Reform*. 2022. Vol. 8 (1). Pp. 88-101. DOI: 10.15826/jtr.2022.8.1.110
22. Liu L. Measuring the burden of the corporate income tax under imperfect competition / L. Liu, R. Altshuler // *National Tax Journal*. 2013. Vol. 66 (1). Pp. 215-238.
23. Nicodeme G. Comparing Effective Corporate Tax Rates / G. Nicodeme // *Frontiers in Finance and Economics*. 2007. Vol. 4. No. 2. Pp. 102-131.
24. Park S. H. Tax Burdens in Japan and South Korea: Measurement Using Average Effective Tax Rates / S. H. Park // *Social Science Japan Journal*. 2020. Vol. 23. No. 1. Pp. 37-64. DOI: 10.1093/ssjj/jyz050.
25. Polito V. Measuring the Effective Tax Burden in the Real World / V. Polito // *Fiscal Studies*. 2009. Vol. 30. No. 2. Pp. 247-278.

26. Rievajova E. Measuring the income and payroll tax burden with emphasis on the effective marginal tax rate / E. Rievajova, A. Kovarova, A. Privara // *Business and Economic Horizons*. 2018. Vol. 14 (5). Pp. 1011-1026.
27. Shevlin T. Macroeconomic effects of corporate tax policy / T. Shevlin, L. Shivakumar, O. Urcan // *Journal of Accounting and Economics*. 2019. Vol. 68. No. 1. Art. 101233. DOI: 10.1016/j.jacceco.2019.03.004
28. Shevlin T. Taxes and off-balance-sheet financing: Research and development limited partnerships / T. Shevlin // *Accounting Review*. 1987. Vol. 62 (3). Pp. 480-509.
29. Swank D. Taxing choices: international competition, domestic institutions and the transformation of corporate tax policy / D. Swank // *Journal of European Public Policy*. 2016. Vol. 23 (4). Pp. 571-603.
30. Wang L. The impact of political connections on corporate tax burden: evidence from the Chinese market / L. Wang, K. You // *Finance Research Letters*. 2022. Vol. 47. Part B. Art. 102944. DOI: 10.1016/j.frl.2022.102944.

Elena S. VYLKOVA¹

Natalia V. POKROVSKAIA²

UDC 336.22

DEPENDENCE OF TAX BURDEN ON THE TYPE OF ECONOMIC ACTIVITY AND SCALE (CASE OF ST. PETERSBURG)

¹ Dr. Sci. (Economics), Professor, Department of Economics,
North-West Institute of Management, branch of RANEPA (Moscow)
vylkova-es@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-3736-9683

² PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Credit Theory and Financial Management,
St. Petersburg State University
n.pokrovskaia@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-8314-9470

Abstract

This study aims to analyze the level of the tax burden of enterprises based on the types of economic activity and the scale of enterprises using the case of St. Petersburg, with an emphasis on priority sectors. Based on the indicators contained in the tax calculator of the Federal Tax Service of the Russian Federation, the data were generated for statistical analysis of the tax burden distribution of St. Petersburg enterprises on scale, considering the type of activity according to 2020 data, as well as its deviations. The distribution characteristics of tax burden values, depending on the scale of St. Petersburg enterprises, generated data for further analysis. Depending on the level of the tax burden, industries were classified into groups, highlighting priority industries with the allocation of groups of industries with a relatively stable low, high, and variable low and high tax burden at any scale of enterprises, with a breakdown of these groups based on the dynamics of the tax burden with an increase in the scale of activity. Results show that in three types of these activities, the level of the tax burden is higher than the average for enterprises of the corresponding scale: IT, R&D, and tourism — which indicates an insufficient level of support.

Citation: Vylkova E. S., Pokrovskaja N. V. 2022. “Dependence of tax burden on the type of economic activity and scale (case of St. Petersburg). Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 3 (31), pp. 229-247. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-229-247

Proposals include options for reforming the property taxation of enterprises in priority industries and for the effective management of their taxation.

Keywords

Finance, taxes and taxation, tax burden, type of economic activity, enterprise scale, tax reforms, taxation management, property taxation.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-3-229-247

REFERENCES

1. Bannova K. A., Aktaev N. E. 2017. "Mathematical modeling of output maximization in the formation of the optimal tax burden". Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and Management, no. 2 (82), pp. 33-38. [In Russian]
2. Burov V. Yu. 2015. "Small business in the spatial development of the region". Bulletin of the Buryat State University, no. 2, pp. 78-83. [In Russian]
3. Viktorova N. G. 2011. "The severity of taxation: a conceptual apparatus". Taxes and Financial Law, no. 11, pp. 254-256. [In Russian]
4. Vylkova E. S., Pokrovskaja N. V. 2021. "Theoretical approaches to the interpretation of tax pressure, tax burden and severity of taxation". Proceedings of St. Petersburg State University of Economics, no. 4, pp. 45-51. [In Russian]
5. Vylkova E. S. 2019. "Directions for improving property taxation in the Russian Federation". Economics. Taxes. Right, vol. 12, no. 1, pp. 127-136. [In Russian]
6. Vylkova E. S., Pokrovskaja N. V. 2021. "Assessment of companies' severity of taxation in Russian regions by industry section". Scientific and Technical Statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences, vol. 14, no. 5, pp. 46-58 [In Russian]
7. Vylkova E.S. 2017 Encyclopedia of Taxation Management of Economic Entities. Vol. 1. Saint Petersburg. 339 pp. [In Russian]
8. Genzel P. P. 1928. Tax Burden in the USSR and Western States. Moscow. 187 pp. [In Russian]
9. Lavrentieva E. A., Plavinskaya G. A. 2007. Tax Regulation: Theory and Practice (The Case of the Shipping Business). St. Petersburg. 148 pp. [In Russian]
10. Lazhentsev V. N., Chuzhmarova S. I., Chuzhmarov A. I. 2020. "Tax administration in the system of forest management and its influence on the budgets of northern territories". Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 13, no. 1, pp. 125-143. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.7 [In Russian].
11. Nevzorova E. N., Kireenko A. P., Mayburov I. A. 2020. "Spatial relationships and regularities of the spread of the shadow economy in Russia". Economics of the Region, vol. 16, no. 2, pp. 464-478. [In Russian]
12. Sinenko O. A. 2019. "The practice of applying regulatory mechanisms in special economic zones and IT-clusters as an element of digitalization development". Bulletin of the Tomsk State University. Economy, no. (46), pp. 251-264. DOI: 10.17223/19988648/46/17 [In Russian]
13. Maiburov I. A. (ed.) 2022. Theoretical and Methodological Aspects of Property Taxation of Legal Entities. Moscow: UNITI-DANA. 263 pp. [In Russian]

14. Atrostic B. K., Nunns J.R. 1991. "Measuring Tax Burden: A Historical Perspective". In: *Fifty Years of Economic Measurement: The Jubilee of the Conference on Research in Income and Wealth*, pp. 343-420. University of Chicago Press.
15. Celikay F. 2020. "Dimensions of tax burden: a review on OECD countries". *Journal of Economics, Finance and Administrative Science*, vol. 25, no. 49, pp. 27-43. DOI: 10.1108/JEFAS-12-2018-0138
16. Dang D., Fang H., He M. 2019. "Economic policy uncertainty, tax quotas and corporate tax burden: Evidence from China". *China Economic Review*, vol. 56, art. 101303. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.101303
17. Fedotov D. Yu. 2021. "Tax burden and shadow economy growth in Russian regions". *Journal of Tax Reform*, vol. 7 (3), pp. 284-133. DOI: 10.15826/jtr.2021.7.3.104
18. Genschel Ph. 2002. "Globalization, Tax Competition, and the Welfare State". *Politics & Society*, vol. 30 (2), pp. 245-275.
19. Giday A., Tatay T. 2020. "New Indicator to Measure Tax Burden — Proposal". *Public Finance Quarterly*, vol. 2, pp. 263-283. DOI: 10.35551/PFQ_2020_2_7
20. Jedrzejowicz T., Kiss G., Jirsakova J. 2009. "How to measure tax burden in an internationally comparable way?". NBP Working Papers, no. 56, pp. 1-31.
21. Labunets Iu. E., Mayburov I. A. 2022. "The Impact of the Size of Enterprises on Tax Evasion in the Forestry Industry of Russia". *Journal of Tax Reform*, vol. 8 (1), pp. 88-101. DOI: 10.15826/jtr.2022.8.1.110
22. Liu, L., Altshuler R. 2013. "Measuring the burden of the corporate income tax under imperfect competition". *National Tax Journal*, vol. 66 (1), pp. 215-238.
23. Nicodeme G. 2007. "Comparing Effective Corporate Tax Rates". *Frontiers in Finance and Economics*, vol. 4, no. 2, pp. 102-131.
24. Park S. H. 2020. "Tax Burdens in Japan and South Korea: Measurement Using Average Effective Tax Rates". *Social Science Japan Journal*, vol. 23, no. 1, pp. 37-64. DOI: 10.1093/ssjj/jyz050
25. Polito V. 2009. "Measuring the Effective Tax Burden in the Real World". *Fiscal Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 247-278.
26. Rievajova E., Kovarova A., Privara A. 2018. "Measuring the income and payroll tax burden with emphasis on the effective marginal tax rate". *Business and Economic Horizons*, vol. 14 (5), pp. 1011-1026.
27. Shevlin T. 1987. "Taxes and off-balance-sheet financing: Research and development limited partnerships". *Accounting Review*, vol. 62 (3), pp. 480-509.
28. Shevlin T., Shivakumar L., Urcan O. 2019. "Macroeconomic effects of corporate tax policy". *Journal of Accounting and Economics*, vol. 68, no. 1, 101233. DOI: 10.1016/j.jacceco.2019.03.004
29. Swank D. 2016. "Taxing choices: international competition, domestic institutions and the transformation of corporate tax policy". *Journal of European Public Policy*, vol. 23 (4), pp. 571-603.
30. Wang L., You K. 2022. "The impact of political connections on corporate tax burden: Evidence from the Chinese market". *Finance Research Letters*, vol. 47, Part B, 102944. DOI: 10.1016/j.frl.2022.102944

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2022. Том 8. № 3 (31)

Редакторы	<i>Т. А. Протасов, В. Е. Суслов</i>
Перевод	<i>Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>И. А. Штоль</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 31.10.2022
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
21,70 усл. печ. л., 17,36 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 403

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
тел./факс: +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81
vestnik-social-r@utmn.ru